
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строительство нефтепровода Туймазы — Омск в районе Кропачево (Челябинская область).

Фото В. Георгиева.

На первой странице обложки: Сталинград. Экскаватор разрушает стены ветхого дома на проспекте Ленина; на заднем плане — новые дома. (См. в номере «Новые дома Сталинграда».)

Фото В. Тарасевича.

На последней странице обложки: Электровозы проводят плоты через Камский шлюз.

Фото Ф. Короткевича.

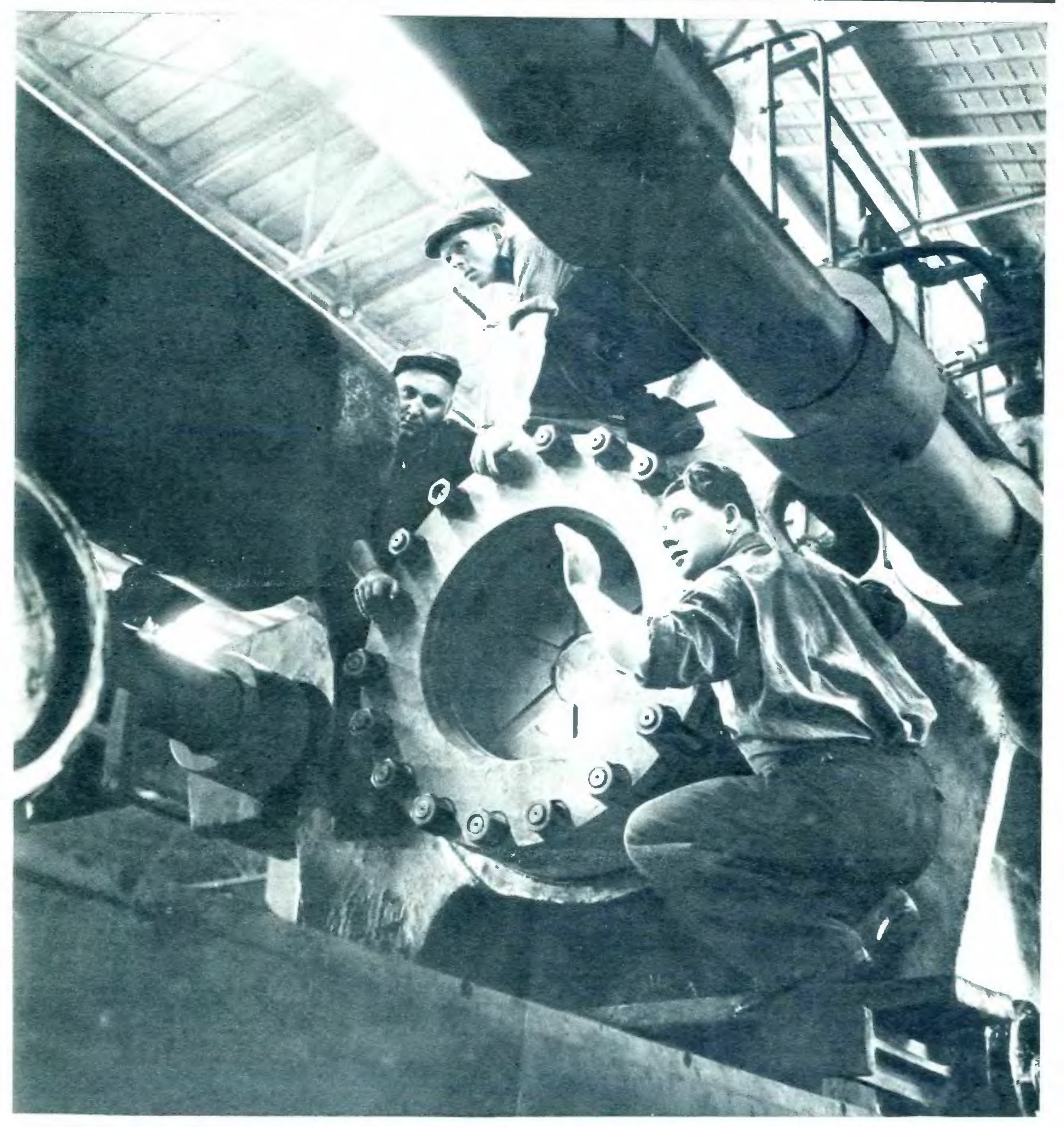
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

35-й год издания

№ 37 (1578) 8 СЕНТЯБРЯ 1957

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ВЫПОЛНЕНО! Еще одна производственная победа в честь 40-летия Октября одержана на Коломенском заводе тяжелого станкостроения: бригада слесарей, возглавляемая О. И. Прохоровым, собрала пресс для гидравлического испытания труб диаметром до 720 миллиметров. Гигантский пресс сделан для Китая.

На снимке (справа налево): бригадир О. И. Прохоров, слесари А. С. Юсов и Б. А. Силуянов готовят пресс к испытаниям.

Фото В. Тарасевича.

На этой карте Европейской части СССР показаны крупнейшие водохранилища, созданные советским народом.

Интервью «Огонька»

Голубые дороги страны

З. ШАШКОВ

Министр речного флота РСФСР

Уже выросло поколение, привыкшее к тому, что волжские воды текут под стенами Кремля. Раскрывая учебники, советская детвора воспринимает как непреложную истину то, что еще полвека назад казалось фантазией.

Волга в наши дни не только впадает в Каспий, но и соединена Волго-Донским каналом с Азовским морем и Черным. Из Архангельска в Ленинград не обязательно плыть вокруг Скандинавии, когда существует внутренний водный путь между Белым морем и Балтикой. Как и Запорожская Сечь, отошли в область предания знаменитые Днепровские пороги. Над ними плещет озеро Ленина, разлившееся за плотиной Днепрогэса. На дне Рыбинского моря погребены былые кварталы старого русского города Мологи, а соседнее с ним захолустное Пошехонье стало портом.

Таковы приметы новой географии, созданной руками наших людей за 40 лет Советской власти.

Советский Союз, как ни одна страна в мире, богат реками и озерами. На 130 тысяч километров протянулись внутренние судоходные пути. Свыше 100 тысяч рек располагают огромными запасами «белого угля». Но бесполезными для народа оставались эти природные богатства в царской России. Каждый год весенние паводки приносили бедствие селам и городам, а летом мелеющие реки становились порой несудоходными. Даже на Волге в верховьях между Рыбинском и Нижним Новгородом нередко прекращалось движение.

Укротить водную стихию, подчинить ее воле и разуму людей стало возможным только при новом общественном строе.

Энергетика и транспорт; транспорт и водоснабжение; транспорт, энергетика и ирригация — в едином комплексе успешно решались и решаются эти сложные народнохозяйственные проблемы. Канал, соединивший Москву-реку с Волгой, не только щедро «напоил» столицу, но и открыл волжскому флоту дорогу в новый столичный порт. От Цимлянской ГЭС тянутся высоковольтные линии к окрестным колхозным электростанциям, а Цимлянское море питает влагой засушливые придонские земли. Но, пожалуй, самый яркий пример—Волга, неузнаваемо преображенная мощным каскадом гидростанций. Пять плотин уже преградили великую реку, еще три скоро преградят ее у Сталинграда, близ Саратова и в районе Чебоксар. Благодаря огромным запасам пяти уже действующих волжских морей вся великая река от Калинина до Астрахани стала глубоководной магистралью.

Втрое глубже теперь и донской фарватер. Возросли глубины на Каме, где работает первая мощная гидростанция и строится вторая.

После сооружения нового Волго-Балтийского пути, который заменит устаревшую Мариинскую систему, будет завершено создание единой глубоководной транспортной сети Европейской части РСФСР.

Преображается и Днепр — важнейшая магистраль Украины. Вслед за Днепрогэсом и Каховской станцией будут строиться еще три ступени Днепровского каскада.

Общая площадь крупнейших водохранилищ, созданных в годы Советской власти,— свыше 21 тысячи квадратных километров. Это намного больше Ладожского озера и составляет почти две трети Азовского моря. Не удивительно, что на таких просторах разгуливают ветры, бушуют порою штормы. Потому-то и плавает по новым морям новый флот, специально строящийся для этой цели на наших верфях и предприятиях стран народной демократии.

По обновленным водным путям теперь перевозится около 150 миллионов тонн грузов в год, в том числе много нефти, леса, зерна, каменного угля, строительного материала. Это в четыре с лишним раза больше, чем перевозилось речным транспортом царской России.

Из пятилетки в пятилетку растет размах великих работ. Грандиозны перспективы гидростроительства на великих реках Сибири. Вслед за Усть-Каменогорской, Новосибирской, Иркутской ГЭС будут сооружены гигант гидроэнергетики в Братске, каскады гидростанций на Иртыше, Оби, Енисее. Ученые тщательно исследуют богатые энергетическими ресурсами Лену и пограничный с народным Китаем Амур. Недалеко время, когда через тайгу и горы Сибири, Дальнего Востока, Якутии протянутся линии высоковольтных передач, засверкают электрическими огнями новые города, на сотни километров в длину и ширину разольются новые моря-водохранилища.

ПЛЕЩУТ МОРСКИЕ ВОЛНЫ...

С. МОРОЗОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

Памятник Ленину высится на горе, овеянной ветрами, омытой теплым грозовым дождем. Скульптура четко вырисовывается над разлившейся Волгой. Пожалуй, ни один из ленинских памятников не воздвигнут в более удачном месте, чем этот, стоящий в Ульяновске, на родине Ильича. Так просторно вокруг, так привольно дышится и так радостно становится на душе, когда вспоминаешь, что сюда, на Венец, приходил симбирский гимназист Володя Ульянов!

Ленин помнил о великой реке, верил в ее завтрашний день и тогда, когда утверждал план ГОЭЛРО — прообраз будущих советских пятилеток. И вот завтрашний день стал нашим сегодня. Летом 1957 года Волга открывается с ульяновского Венца такой, какой представлял ее Владимир Ильич.

Навечно разлился могучий паводок, скрыв отмели, острова, пойму. Вороненой сталью блещет под вечерним небом равнина моря, расцвеченная золотом пароходных огней. Дугой вытянулся бетонный волнолом, ограждающий просторную гавань. Богатырской шеренгой выстроились подъемные краны над отвесной стеной причалов.

В порту под горой нас познакомили с юными крановщицами — неразлучными подружками Майей Пастуховой и Лидой Чернышевой.

— Убежденные морячки! — с улыбкой представил девушек главный инженер Э. Орлов. — Порт еще только строился, когда они из деревни сюда прикатили.

— Не из деревни, а из села, — солидно поправила Майя.

А Лида, переглянувшись с подругой, бойко затараторила:

— У нас в селе десятилетка. Сдали мы экзамены, получили аттестаты, дальше решили — на производство. Поехали в Ульяновск. Тут и автомашины строят и двигатели, везде люди нужны. Только нас к морю тянуло. Зимой, бывало, отзанимаемся на курсах механизаторов и сразу сюда бежим, на стройку поглядеть. Растут причалы прямо на глазах. А Волга еще далеко, сухо вокруг. Уж как мы заждались этого моря!

Довольны девушки своей новой, «морской» профессией. Нажмешь кнопку на пульте, переведешь рычаги — и стальной робот послушно заберется в трюм, вытянет оттуда тяжеленную махину, легонько приподнимет, перенесет на причал. Прежде, бывало, здоровенные парни-грузчики гнули спины на этой работе, а теперь ты одна повелеваешь машинами в тысячи лошадиных сил.

В другом волжском городе, Казани, повстречался нам молодой инженер Борис Васильевич Панов. В недавнюю студенческую пору манили его далекие края, а когда в руках оказался долгожданный диплом, охота к странствиям вдруг отпала. И неспроста. Интереснейшее, увлекательное для гидротехника дело нашлось дома, в родном городе. Начиналось сооружение инженерной защиты Казани. Бороться предстояло со стихией, с будущим разливом Куйбышевского моря.

И вот ныне на два с лишним десятка километров протянулись вокруг города высокие защитные дамбы — десять миллионов кубометров земли, намытой землесосами, надежно закованы в камень и бетон.

Вместе с Пановым мы очутились в толпе гуляющих на высоком кремлевском холме. Из-за древних зубчатых стен, откуда раньше Волгу рассматривали в бинокль, теперь всюду, куда ни глянь, виднеется близкий разлив. Там, где недавно еще змеилась мелководная, воробью по колено, Казанка, часто проходят нарядные речные трамваи. Точно крутая скала, высится над водой памятник воинам Ивана Грозного — каменный шатер, прежде стоявший за Адмиралтейской слободой.

Для многих поколений казанцев название этого пыльного пригорода звучало забавным анахронизмом: не верилось как-то, что в петровские времена могли строить флот в такой дали от Волги. А теперь рядом со старой слободой новый морской порт.

У пассажирских дебаркадеров швартуются белоснежные двух- и трехпалубные экспрессы. У причалов — грузовые суда. Уральский металл и горьковские автомобили, нефть — и бакинская, с Каспия, и своя, татарская, с промыслов «Второго Баку», — строительный камень с Камы... Разнообразен морской грузооборот Казани. Многое из того, что прежде возили сюда по железной дороге, сейчас доставляется дешевым водным путем. Теперь через Казанский морской порт грузов проходит в два с лишним раза больше, чем проходило через речную пристань.

Они тоже будут капитанами... Пусть эта старая коряга неподвижно лежит на морском берегу. В ребячьих мечтах она уже стала кораблем.

— И работа и отдых на море — все у нас по-новому, — рассказывал Панов, показывая вдаль, где разлившаяся Казанка огибает городские холмы. — В парке пляж скоро будет.

Познавать новую географию лучше всего в путешествии. От Казани к Ульяновску и дальше к Жигулям мы плыли на катере вместе с работниками службы пути, которые проверяли судоходную обстановку, корректировали карты водохранилища. Виноват: не «плыли», а «шли» — будем придерживаться флотского лексикона, свойственного нашим спутникам Алексею Даниловичу Горячеву и Сергею Петровичу Караваеву. Гидрографы, просо-

Море подступило к стенам Казани. Каменный шатер, памятник воинам Ивана Грозного, прежде стоявший на лугу, теперь стал островом.

ленные моряки, повидавшие на своем веку и тайфуны и полярные льды, они поначалу без особого почтения разглядывали волжский разлив. Но вот в наступающих сумерках справа по носу открылась крутая гора Лобач, а слева, где не видно ничего, кроме неба и воды, забелели барашками волны.

— Однако в самом деле море, — озабоченно усмехнулся Горячев.

— Одно слово — Камское устье,— вздохнул Караваев, скользя взглядом по карте.

Только по извилистым линиям чертежа можно представить себе былое впадение Камы в Волгу. Даже с вершины Лобача не разглядишь теперь это место. Лишь караваны плотов, выплывающие из-за хмурого, облачного горизонта, указывают, что где-то там, далеко-далеко, вливается в Куйбышевское море многоводная, рожденная на Урале река.

Длиннющие плоты трепало волнами, бросало из стороны в сторону, но буксировщики уверенно тянули их за собой, ориентируясь по огням буев, ограждающих судоходную трассу. Видно, штормы не в новинку волжским и камским капитанам. Застигнутые непогодой караваны держали курс в Кирельское порт-убежище. Поспешили туда и мы. Всем хватило места в просторной бухте, на берегах которой строятся судоремонтный завод и большой поселок...

Путешествуя по морю, мы зашли в Хрящевку. На новом месте теперь это приволжское село, перевезенное с низменного затопленного берега. Позапрошлой весной, когда только ждали большую воду, стояла новая Хрящевка над пойменным пастбищем, а сегодня за сельской околицей множество рыбачьих лодок.

— Щука да окунь, лещ да сазан пасутся нынче на тех бывших лугах,— рассказывает Федор Васильевич Калиганов, председатель рыболовецкого колхоза.— Много корма в море — богато плодится рыба!

Вместе с другими волжскими рыбаками Калиганов ездил недавно на Цимлу знакомиться с морским промыслом. Новые орудия лова — парусные и моторные лодки, дрифтерные сети, ставные невода — появятся скоро и в Хрящевке и в других колхозах.

...Наш морской вояж близится к концу. Справа потянулись лесистые Жигулевские горы. Слева меж сосен замелькали далекие кварталы нового Ставрополя. Внизу, под килем, проплыл старый, затопленный ставропольский пустырь. Впереди от берега к берегу преградила разлив плотина Куйбышевской ГЭС.

Вот оно, сердце новорожденного моря! Собранные в гигантской чаше, волжские воды низвергаются здесь с 25-метровой высоты, отдавая свою силу турбинам. К 40-й годовщине Октября, как обещали строители, полностью вступит в строй величайшая в мире гидростанция.

Рядом с нею по ступеням шлюзов, и с моря в реку и с реки в море, движутся пароходы, баржи, плоты — могучий конвейер обновленной Волги.

ГОЛУБЫЕ ДОРОГИ СТРАНЫ

ПРИКАМСКАЯ

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото Ф. Короткевича.

Порыв влажного ветра накренил молодые деревья. Жара, накалившая асфальт, сменилась приятной прохладой.

— Бриз, бриз-то какой! Ишь, как свежеет! — радостно воскликнул мой спутник.

Морские термины уже бытуют в прикамских городах и селах. И удивляться этому не приходится: Камское водохранилище внесло изменения не только в окружающий пейзаж, но и в климат.

Мне приходилось бывать в этих местах, когда только еще готовилось ложе будущего моря. Тогда здесь работали тысячи механизмов, на многие километры переносили села, отряды лесорубов вырубали леса, а у поселка Гайва строилась одна из крупнейших в стране гидроэлектростанций. Невдалеке, на судоремонтном заводе имени Дзержинского, на десятках речных судов срочно усиливали крепление. Наращивали фальшборта, готовили пароходы к морским режимам плавания.

Мы снова путешествуем по знакомым местам. Но их не узнать. Поперек Камы выросло грандиозное сооружение — водосливная плотина. За ней бушует Камское море. В прошлом году оно разлилось во всю ширь, на десятки километров.

Но где же ГЭС, где машинный зал? Этот вопрос почти всегда задают люди, впервые попавшие на Камскую гидроэлектростанцию.

Здание ГЭС обнаружить действительно трудно. Турбины и гидрогенераторы расположены непосредственно в теле плотины. Далеко к горизонту расходятся отсюда линии высоковольтных передач, по которым электрический ток идет на промышленные предприятия Свердловска, Челябинска и других городов Урала.

По узкой лестнице спускаемся вниз — в цех гидрогенераторов. Он расположен на значительной глубине под водой. Ровно гудят электрические машины мощностью в 21 тысячу киловатт каждая.

Период стройки, по существу, закончился. Уже вступил в строй последний, 24-й, гидрогенератор. А строители? Большинство из них уже разъехалось. Свыше тысячи человек отправилось на сооружение новых гигантских электростанций — Воткинской и Братской. Но многим не пришлось менять место жительства: они воздвигают цеха крупнейшего в стране кабельного завода, который строится сейчас на берегу молодого моря, невдалеке от Камской ГЭС.

А вот и шлюз. Это не только один из самых длинных речных шлюзов (его длина превышает полтора километра), но и самый оригинальный по своему устройству. Здесь работа не прекращается ни днем, ни ночью. Шлюзовая лестница в 12 камер вытянута в две параллельные нитки. То и дело откатываются в свои «шкафы» 270-тонные ворота. По стенкам шлюза проложены рельсы. Басовито перекликаясь, бегают здесь электровозы. Они тянут плоты. Два электровоза впереди, а один — тормозной — сзади.

— Проводка плотов с помощью электротяги применяется у нас впервые в мировой практике. Правда, на Панамском канале тоже есть электровозы, но плоты они не водят,— рассказывает начальник эксплуатации шлюза Александр Васильевич Овчинников.

— Какой это даст экономический эффект?

— Во-первых, на пятьдесят метров удлинился сам плот, так как ему не нужен стал буксир. Во-вторых, почти вдвое сократилось время проводки плотов через шлюз. Сейчас нередко за сутки мы проводим по двадцать пять — тридцать плотов.

Много нового внесло море в быт жителей Прикамья. Километрах в 20 от шлюза раскинулся поселок нефтяников — Полазна. Здесь перемены особенно ощутительны. Находившиеся многие годы на суше нефтяные вышки очутились в море. Они стоят на больших искусственных островах кустами, по 3—4 вышки на острове, напоминая собой мачты гигантских кораблей. Нефтяникам

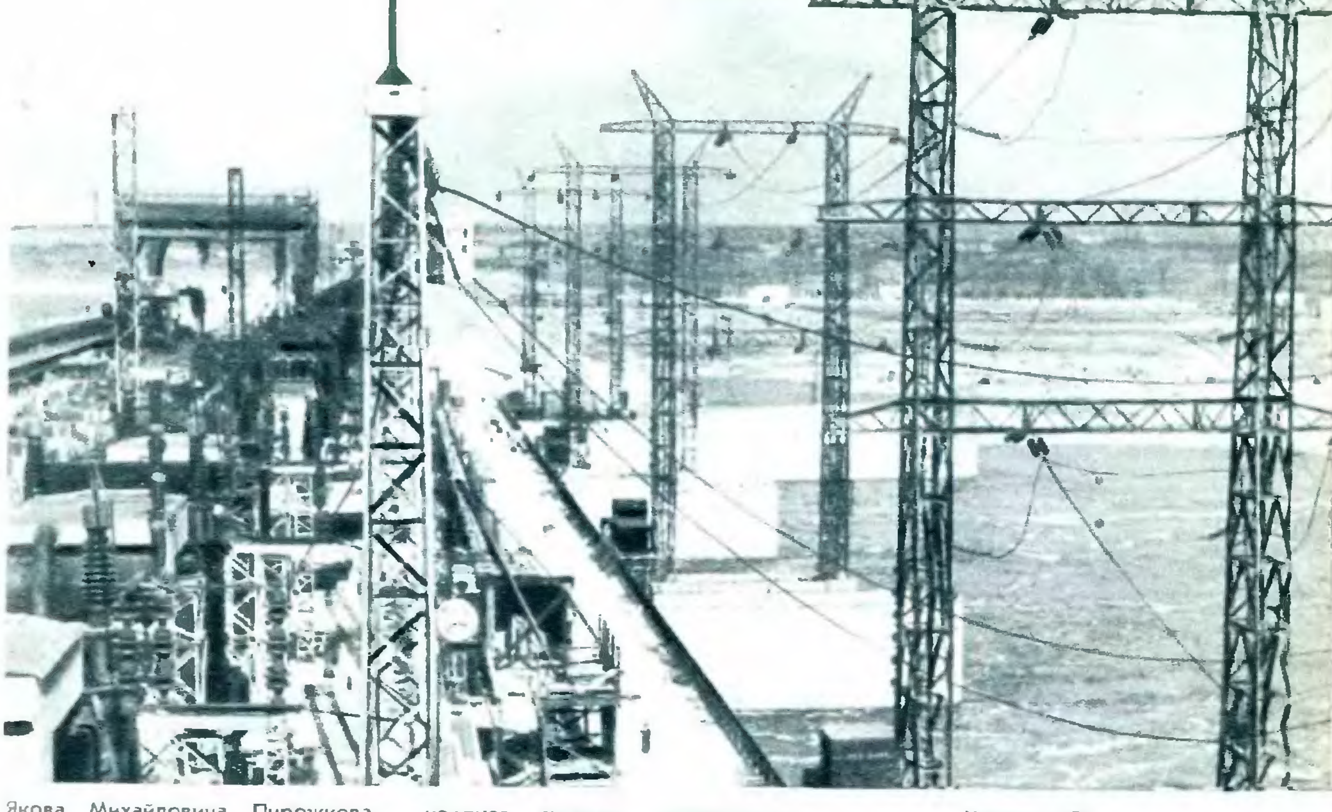
Нефтяные вышки на Каме.

пришлось освоить и вторую специальность — по совместительству стать моряками.

Даже в штормовые дни, когда волны достигают полутора—двух метров и катер швыряет, как щепку, операторы добычи, мастера подземного ремонта объезжают «нефтяные острова». Конечно, это нелегко. И уже разработан проект диспетчерского телеуправления с берега. На пульте будет отчетливо видна работа каждой скважины.

...Мы плывем по Камскому водохранилищу на пароходе «Роза Люксембург». Его ведет капитан Алексей Александрович Проску-

НОВЬ

Камская ГЭС

ряков. Он почти два десятилетия плавает по реке.

— Это Заозерье? Где же тогда судоремонтный завод? — недоумевает пассажир с книгой-путеводителем в руках.— Вот здесь написано...

— Старый завод под нами, на дне,— улыбнулся капитан.— А новый вот! — И он показал рукой на крутой берег, где среди строительных кранов виднелась живописная группа двух- и трехэтажных зданий.

Тут сейчас заканчивается сооружение нового Междуреченского судоремонтного завода, одного из крупнейших на Каме.

Стало ясно: путеводитель «Кама», которым пользовался пассажир, безнадежно устарел, хотя издан он всего только в 1953 году.

Широко раздвинулись берега Камы. В иных местах ширина водохранилища достигает 30 километров. Десятки населенных пунктов, целые заводы нельзя было найти на указанных в путеводителе местах. На берегах моря виднеются теперь новенькие, благоустроенные села и поселки.

— Ведь Обва, кажется, не была судоходной? — нерешительно спросил один из пассажиров, провожая глазами изящный теплоход озерного типа, свернувший в широкий приток Камы.

— Да, у села Ильинское Обву вброд можно было перейти. А теперь в Ильинское идут большие теплоходы.

Выяснилось, что не только Обва, но и Сылва и Чусовая теперь стали полноводными речными магистралями. Более 300 километров новых речных путей дало Камское водохранилище. Пристань Левшино, которая до недавнего времени была лишь грузовой перевалочной базой, стала крупным пассажирским портом, с приписанными к нему озерными теплоходами. Они перевозят в сутки почти 4 тысячи пассажиров.

Исчезли и многочисленные перекаты, которые так затрудняли движение по Каме.

— Знаете, как мы двигались в этих местах четыре года назад? С «наметкой» — то и дело меряли глубину шестом. А теперь простор! — И капитан весело рассмеялся.

Вот и Орел-городок. Это старинное русское село, основанное почти четыреста лет назад, называют родиной камских капитанов. Больше половины капитанов, штурманов, механиков, плавающих в Камском бассейне, родом из Орла. Живет здесь и капитан Проскуряков, которого радостно встречали на пристани сыновья и внуки.

До недавнего времени все суда, причаливая к Орлу и отчаливая от него, давали особые приветственные и прощальные гудки. Их называли «пирожковскими сигналами» в честь проживавшего здесь слепого камского капитана Якова Михайловича Пирожкова. После смерти Пирожкова гудки прекратились. Но память о нем крепко живет в Прикамье. По реке плывет пароход «Капитан Яков Пирожков». А в краеведческом музее города Березники висит картина, написанная местным художником Л. А. Старковым. На картине запечатлен подвиг прославленного капитана во время гражданской войны. В рубке разорвался снаряд. Тяжело раненный, Пирожков не выпустил из рук штурвала, направив судно с красноармейским десантом к берегу.

...Березники—крупнейший центр химической промышленности, красивейший город Прикамья. Уже издалека видны поднявшиеся на берегу водохранилища громады его заводов. Морские волны разбиваются о построенную недавно гигантскую двенадцатикилометровую дамбу. Сейчас ведутся большие работы, которые превратят Березники в один из крупнейших портов Прикамья.

Мы в районе калийного комбината. Сюда подведен канал протяженностью в 3 километра, который завершается большим ковшом. Тут сооружается новый порт. Заканчивается строительство корпуса складов минеральных удобрений. По внешнему виду они напоминают огромные ангары, высота которых достигает 20 метров. В специальном шестиэтажном здании размещена упаковочная, рассчитанная на автоматическую упаковку минеральных удобрений. Строятся подвесная и железная дороги.

С будущей навигации сотни тысяч тонн ценных минеральных удобрений впервые будут транспортироваться отсюда в различные уголки страны водным путем.

На калийном комбинате уже подсчитали: перевозка одной тонны удобрений по железной дороге от Березников до Сталинграда сейчас обходится в 56 рублей 93 копейки, а по воде — 20 рублей 70 копеек. Разница в 36 рублей 23 копейки на каждой тонне. А сколько освободится вагонов на транспорте!

Воды Камы омывают и старинный русский город Усолье, раскинувшийся на противоположной стороне Камского водохранилища. Это бывшая вотчина графов Строгановых. В прошлом году Усолью исполнилось 350 лет. Но этот юбилей ему пришлось отмечать уже на новом месте. Более тысячи домов перенесли на возвышенность, а там, где стоял старый город, сохранился лишь небольшой островок. Местные жители шутливо называют его «музейным островком». И не без оснований. Почти все постройки на острове — памятники древнего русского зодчества. Чтобы предохранить их от затопления, были проведены специальные работы.

...Изумительно красиво Камское водохранилище вечером. Длинными вереницами двигаются громады плотов, буксиры тянут баржи, плывут все в огнях белоснежные пассажирские красавцы-теплоходы. Кажется, конца не будет этому мощному живому потоку кораблей...

Подул ветер, и внезапно вздыбились волны. Потемнело Камское море... В номере гостиницы мы услышали по радио:

— На Камском море шторм шесть баллов. Высота волны — выше метра, мелкие суда зашли для отстоя в Чермозскую гавань. Суда озерного типа успешно продолжают плавание.

Порт Левшино.

Город Новая Каховка.

СОСЕД ЧЕРНОГО МОРЯ

В. БЕЛОГАЙ,
редактор газеты «Всенародная стройка».

Фото Б. Кузьмина.

Близ деревни Малая Каховка раскинулся межколхозный пионерский лагерь.

↓ Так выглядит Малая Каховка на новом месте.

...Каховское море. О нем уже поют песни, слагают стихи.

Привольно разлилось новое море. Неузнаваемыми стали южные засушливые степи Украины. По берегам шумят листвой молодые насаждения, выросли красивые села, перенесенные сюда из зоны затопления. Такая судьба и у Малой Каховки: над ее прежним местом плещутся волны, а село обосновалось на новых землях — просторно, красиво, в зелени садов, овеваемых влажными ветрами Каховского моря.

Невдалеке от моря расположился юный город-сад — Новая Каховка. Он как бы открывает ворота из Каховского в Черное море. Отсюда начинают свой путь теплоходы, доставляющие пассажиров в крупнейшие черноморские порты — Николаев, Одессу.

Прекрасный город создали строители на нижнем Днепре. Идешь теперь по широким асфальтированным улицам, среди благоухающих кустов роз, тамариска и не веришь, что здесь несколько лет назад были лишь песни, пески да пески...

Теперь в городе около семисот благоустроенных домов с паровым отоплением, со светлыми, просторными квартирами. Есть тут три средние школы и две вечерние школы рабочей молодежи, филиал гидротехнического института, гидроэнерготехникум, три библиотеки. Есть детские музыкальная и спортивная школы.

В распоряжении любителей спорта — стадион, баскетбольные и волейбольные площадки, водная станция. Любят жители Каховки проводить свой досуг на воде. В жаркую погоду хорошо прокатиться по тихой водной глади на яхте, катере, лодке.

Среди густой зелени прибрежного парка возвышается здание Дворца культуры энергетиков. Отсюда видишь основные сооружения Каховского гидроузла. Далеко в степь шагнули мачты высоковольтных линий электропередач. Каховскую электроэнергию получают теперь заводы Криворожья, колхозы и совхозы Херсонской и Николаевской областей. Она приводит в движение мощные насосные станции Ингулецкой оросительной системы, которые посылают живительную влагу на засушливые поля. Сооружаются новые каналы.

Меняется пейзаж южных степей Украины. По ним прошла стальная магистраль, тут вырастают крупные промышленные предприятия. В районе Новой Каховки сооружается электромашиностроительный завод и завод «Электродеталь», калибровочный завод и мясокомбинат Всем им даст ток Каховская ГЭС, которая уже выработала свыше двух миллиардов киловатт-часов дешевой электроэнергии.

Широкие просторы открылись на Каховском море для речников. В отдельных местах между Каховкой и Запорожьем Днепр разлился на 30—40 километров.

Все новые сооружения появляются на берегах молодого моря. Вот судно проходит Каховский шлюз. Невдалеке виднеется маяк. Рядом с ним строится товаро-пассажирский морской порт, а на правой стороне — метеорологическая станция. Много нового принесло море в эти края!

г. Новая Каховка.

ГДЕ ВОДА—ТАМ ЖИЗНЬ!

Редакция связалась по телефону с зоной действия Волго-Донского судоходного пути. У аппарата председатель Калачевского райисполкома А. И. Саранча.

«Огонек»: Расскажите, пожалуйста, какие изменения произошли в вашем районе за минувшие пять лет после открытия Волго-Дона.

Райисполком: Почти вся территория нашего района прежде была полупустыней. Колхозы страдали от суховеев, от отсутствия воды. Каждое бревнышко было здесь на вес золота. В степи не было садов, пастбищ, сенокосных угодий, бахчей. Хлеборобы не знали водоплавающей дичи. Сейчас все изменилось. Вода пришла в колхозы. Зазеленели луга, значительно расширились посевные площади, появились сады, виноградники, в станицах разводят гусей и уток.

«Огонек»: Расскажите, пожалуйста, о переменах в колхозах.

Райисполком: Колхоз имени Красных партизан, например, находился в жаркой степи. Теперь вокруг него все зеленеет; на площади в 2 тысячи гектаров разбиты бахчи. На «мертвой земле» ныне сажают помидоры, арбузы, кукурузу, картофель и люцерну. Колхоз готовится к посадкам фруктового сада на площади в 120 гектаров.

У самой воды очутился и колхоз имени Кирова. Пассажиры, плывущие на теплоходах по каналу имени В. И. Ленина, видят около Пятиморска, на берегу большого Карповского водохранилища, строения Ильевки, в которой расположился укрупненный колхоз. Он имеет плантации, лесозащитные насаждения и сад на площади в 21 гектар. Колхозное селение озеленено.

«Огонек»: Какие еще изменения в жизнь района внесло искусственное море?

Райисполком: Море резко изменило всю жизнь района. Прежде степные хутора и станицы теперь стоят на берегу канала или водохранилищ, получают водным путем лес, уголь, минеральные удобрения, машины. В свою очередь, колхозники вывозят в Сталинград на теплоходах продукты сельского хозяйства. Жители степей теперь тесно связаны со Сталинградом и Ростовом, каждый день встречают массу пассажиров и познакомились не только с москвичами, ленинградцами, уральцами и горьковчанами, но и с гостями из Китая, Чехословакии, Болгарии, Италии, Франции, Англии.

«Огонек»: Каковы дальнейшие перспективы использования вод искусственного моря?

Райисполком: По плану шестой пятилетки, в нашем районе в ближайшее время произойдут еще большие перемены: появится много садов, разовьется орошаемое полеводство, умножится поголовье рогатого скота и овец, расширятся площади под бахчами. Это и не удивительно: где вода — там жизнь.

Земли, где ныне расположен колхоз имени Кирова, Калачевского района, Сталинградской области, еще недавно были бесплодными. Орошенные волго-донской водой, они дают богатый урожай овощей.

Фото В. Тарасевича.

Цимлянская научно-исследовательская обсерватория. У испарительного бассейна.

О НАШЕМ ГОРОДКЕ

Я хочу рассказать читателям, как преображается наш поселок Цимлянский в районе, о котором красноречиво говорит само его название — Волгодонский. Глаз радуют красивые здания детского сада, дома отдыха, а чуть подальше — Дворца культуры.

На самом берегу моря раскинулся молодой красивый парк.

На южной стороне поселка Цимлянского, где живут энергетики Цимлянской ГЭС, вырос целый городок, который мы по праву называем социалистическим.

Он хорошеет день ото дня. Ежегодно на улицах, во дворах, в парке высаживается до миллиона корней цветов. В поселке посажено пять тысяч декоративных деревьев, а также пятьдесят семь тысяч корней золотой смородины. На приусадебных участках посажено около пятнадцати тысяч корней плодовых деревьев, плодоягодных кустов и винограда.

Техник В. ЩЕННИКОВ
г. Волгодонск, Ростовской области.

ВСЕГДА С НАРОДОМ, ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ!

С искренним чувством благодарности и горячей поддержки встретила советская художественная интеллигенция слово Коммунистической партии о больших задачах нашего искусства, ярко и точно выраженное в выступлениях Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Ленинский принцип неразрывности литературы и дела партии, принцип, которому всегда были верны лучшие представители нашего искусства, находил и находит в многонациональном отряде деятелей советской культуры горячий отклик, вызывает стремление все силы отдать борьбе за дело Коммунистической партии, за дело народа.

Идейная чистота и последовательность в защите народных интересов возможны в наше время лишь на партийных позициях — вот чему учит нас ленинизм, и правильность этого доказана всем развитием советской литературы на протяжении сорока лет.

Важнейшее положение ленинского учения о партийности литературы порой забывали или сознательно смазывали те литераторы, которым казалось, будто можно на словах декларировать верность социалистическому строительству, а на деле — противопоставлять себя партии или молчаливо уклоняться от проведения в жизнь линии партии.

Вот почему особенно важными и ценными являются для нашей литературы, для всего нашего искусства точные и простые слова Н. С. Хрущева: «Кто хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом».

Дело нашей партии — дело нашего народа. Писатели, деятели искусства и культуры Советской страны понимают это. Они понимают, что без партии, без ее дружеской и строгой направляющей руки советская литература никогда не стала бы тем, чем она является сегодня,— гордостью народа, передовым отрядом мировой прогрессивной литературы, учителем и другом миллионов простых людей.

Да и как не понимать этого советскому литератору, актеру, художнику, музыканту, если делом их жизни стало служение родному народу!

«Я от партии не отделяю себя и считаю себя обязанным выполнять все постановления большевистской партии, хотя не ношу партийного билета... Я хочу так, чтобы мне велели!» — с гордостью говорил В. В. Маяковский в 1930 году.

Сегодня эти слова могут повторить многие и многие честные писатели, бойцы выросшей и укрепившейся на позициях социалистического реализма армии советского искусства. Об этом свидетельствуют взволнованные, задушевные отклики писателей и деятелей искусства на публикацию сокращенного изложения выступлений Н. С. Хрущева.

— «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа!» — этот лозунг всегда был и остается нашим девизом,— говорят они.

Именно на пути служения народу, строящему коммунизм, одерживали наши писатели великие творческие победы.

И никому не удастся столкнуть работников советской литературы и искусства с этого пути. Истерические вопли о необходимости так называемой «свободы» от партийного руководства не смогут помешать литературе и искусству идти дорогой служения гражданскому долгу. Партия и народ никогда не позволят крикунам и невеждам, спекулянтам и демагогам пытаться лишить наше искусство его единственно плодотворного истока — неразрывной связи с судьбами и борьбой трудящихся.

Серьезные идейно-творческие неудачи, постигшие в недавнее время некоторых писателей и критиков, в частности из московской писательской организации, связаны прежде всего с утратой ими ясного понимания сущности и направления политики нашей партии.

Поднимая в своих выступлениях большие проблемы жизни советского народа, открывая широкую и смелую перспективу его дальнейших успехов, Н. С. Хрущев вместе с этим высмеял мнимых «теоретиков», не видящих и не понимающих жизни, не желающих задуматься над судьбами родной страны.

Принцип партийности и народности литературы требует активного утверждающего отношения писателя к жизни. «Правдивое освещение жизни общества, народа в произведениях литературы и искусства предполагает показ как положительных, светлых и ярких сторон социалистической действительности, составляющих ее основу, так и критику недостатков, вскрытие и осуждение отрицательных явлений, тормозящих наше поступательное движение вперед»,— говорит Н. С. Хрущев, призывая литераторов видеть жизнь и изображать ее широко и правдиво, выдвигая на первый план жизнеутверждающее начало. «А ведь именно это положительное, новое и прогрессивное в жизни,— подчеркивает Н. С. Хрущев,— и составляет главное в бурно развивающейся действительности социалистического общества». Именно этим — верностью революции, близостью к Коммунистической партии и ее борьбе за новое общество — всегда отличались советская литература, ее лучшие мастера.

Наша страна, весь советский народ, наши друзья за рубежами готовятся к встрече знаменательной даты — 40-летия Советской власти. Сорок лет жизни могучего социалистического государства — великое торжество идей марксизма-ленинизма, идей Коммунистической партии.

Советский народ стоит накануне великих свершений, расправляя крылья для нового орлиного взлета. Вместе с народом, с Коммунистической партией, ее ленинским Центральным Комитетом преданная душой и сердцем делу коммунизма наша родная многонациональная советская литература.

Всегда с народом! Всегда с партией!

Сила моего отечества

Хасиб **КАЯЛИ**,
сирийский журналист

Еще свежи в памяти арабов взрывы бомб в Порт-Саиде, крики раненых, слезы осиротевших. Но такова уж природа империализма — он неустанно жаждет захватов новых колоний, господства над новыми сотнями тысяч людей, именуемых на его жаргоне «пушечным мясом». Не прошло еще и года после того, как была пролита кровь мирных людей на улицах Порт-Саида, и вот уже империалисты начали подготовку «второго Египта». Я говорю об их заговоре против Сирии.

Нападающий не всегда трезво оценивает силы противостоящего ему. Для того, чтобы читатель мог понять силу народа Сирии, я расскажу несколько случаев из жизни.

Ум Мустафа — старая женщина из Дамаска. У нее три сына: старший — чиновник Мустафа, средний — студент и поэт Насер и младший — школьник Салех. Сердце матери всегда в беспокойстве: после работы или занятий дети ее, усталые, не возвращались домой, а надевали скромную форму солдат отрядов сопротивления и изучали военное дело.

Мать всегда боялась оружия, она считала, что в нем скрыт дьявол.

Сирия. Цитадель в городе Халеб (Алеппо).
Фото С. Киселева.

— Зачем тебе это? — спросила мать среднего сына, Насера.

Юноша ответил:

— Чтобы защищать родину. Чтобы защищать тебя.

Мать долго думала, потом разбудила сына ночью.

— Тогда научи и меня искусству владеть ружьем,— попросила мать.— Я тоже хочу защищать тебя и остальных моих сыновей.

В дни, когда в Египте лилась кровь, когда западные газеты уверяли читателей в том, что в Египте предпринимается всего-навсего «оборонительная акция против арабских агрессоров», у нас в Сирии даже девушки из высшего общества приходили и требовали: «Учите нас искусству стрельбы. Учите нас искусству боя». И они учились.

В Дамаске у меня есть знакомый — шейх Салех. У него четыре дочери. Свято памятуя обычаи, шейх не пускал девушек в школу, чтобы они, избави аллах, не научились писать любовные записочки. Даже на улицу он отпускал их только в сопровождении старших. А во время войны Англии, Франции и Израиля против Египта шейх сам купил четыре формы солдата отрядов сопротивления и принес их в дом.

— Наденьте это,— сказал он дочерям,— и идите учиться защищать страну.

Тогда я спросил шейха:

— А не есть ли это нарушение обычаев?

Шейх сразу стал серьезным и ответил мне с достоинством:

— Новое время — новые обычаи. Сейчас вопрос нации — защита родины, сопротивление агрессору. Раньше дрались наемники. Теперь за свободу родины будет драться народ.

Во время агрессии против Египта в мире было две силы: сила войны — Англия, Франция и Израиль — и сила мира — Советский Союз — так считали и считают многие в нашей стране. Америка не примкнула тогда к войне, наоборот, государственные деятели США даже порицали своих младших партнеров за их «шалость». Некоторые и в нашей стране посылали президенту Эйзенхауэру приветственные телеграммы. Но приветствия приветствиями, а запасов нефти в ноябре прошлого года в Дамаске оставалось только на восемь дней. Премьер-министр Сирии Сабри Асали обратился к американскому послу в Дамаске с просьбой о помощи.

— Хорошо,— ответил посол и радушно улыбнулся.— Хорошо. Я сейчас же свяжусь с Вашингтоном.

Ответ пришел быстро.

— Мы охотно поможем вам,— сказал посол,— охотно. Вы получите нефти столько, сколько вам будет нужно... в феврале будущего года.

Правительство обратилось к советскому послу. Тот сказал:

— Хорошо. Я свяжусь с Москвой.

Через некоторое время в Дамаск позвонили из порта Латакия:

— Пришел советский танкер с нефтью.

Таков был ответ советского народа. Это только один пример, но он очень примечателен.

Расширять торговые и культурные связи Сирии с Советским Союзом — желание самого сирийского народа. Народ умеет познавать друзей в часы трудностей. Американские газеты шумят о «коммунистической опасности» в Сирии. А кто на деле готовил заговор против свободы нашего народа? Те же «глашатаи западного мира» — американцы. Если бы империалистам удалось сломить Сирию, все вернулось бы к прежнему — к бесправию, к хозяйничанию колонизаторов.

Сейчас, после раскрытия заговора против Сирии, инспирированного Соединенными Штатами, мой народ лишний раз убедился в том, кто ему друг и кто недруг.

Юзеф Панкевич (1866—1910). РЫНОК У ЖЕЛЕЗНОЙ БРАМЫ

Польша.

Станислав Виткевич (1851—1915). ПАШНЯ. **Польша.**

Рассказ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

Хорошо, если после двадцати лет работы летчиком ты и к сорока годам все еще испытываешь удовольствие от полета; хорошо, если ты еще можешь радоваться тому, как артистически точно посадил машину: чуть-чуть отожмешь ручку, поднимешь легкое облачко пыли и плавно отвоюешь последний дюйм над землей. Особенно когда приземляешься на снег: снег — отличная подстилка под колеса, и хорошая посадка на снег — это так же приятно, как прогуляться босиком по пушистому ковру в гостинице.

Но с полетами на «ДС-3», когда старенькую машину поднимешь, бывало, в воздух в любую погоду и летишь над лесами где попало, было покончено. Работа в Канаде дала ему хорошую закалку, и не удивительно, что он окончил свою летную жизнь над пустыней Красного моря, летая на «Фейрчайльде» для нефтеэкспортной компании Тексегипто, у которой были права на разведку нефти по всему египетскому побережью. Он водил «Фейрчайльд» над пустыней до тех пор, пока самолет совсем не износился. Посадочных площадок не было. Он сажал свою машину везде, где хотелось сойти геологам и гидрологам, то есть и на песок, и на кустарник, и на каменистое дно пересохших ручьев, и на длинные белые отмели Красного моря. Отмели были хуже всего: гладкая с виду поверхность песков всегда бывала усеяна крупными кусками белого коралла, острыми по краям, как бритва, и если бы не низкий центр тяжести «Фейрчайльда», он бы не раз перевернулся из-за прокола камеры.

Но и это все было уже в прошлом. Компания Тексегипто отказалась от дорогостоящих попыток найти большое нефтяное месторождение, которое давало бы такие же прибыли, какие получала Арамко в Саудовской Аравии, а «Фейрчайльд» превратился в жалкую развалину и стоял в одном из египетских ангаров, покрытый толстым слоем разноцветной пыли, весь иссеченный понизу узкими, длинными надрезами, с растрепанными тросами, уже только подобием мотора и приборами, годными разве что в утиль.

Все было кончено: ему стукнуло сорок три, жена уехала от него домой, на Линнен-стрит в город Кембридж, Массачусетс, и зажила, как ей нравилось: ездила на трамвае до Гарвард-сквер, покупала продукты в магазине без продавцов, гостила у своего старика в приличном деревянном доме — одним словом, вела приличную жизнь, достойную приличной женщины. Он пообещал приехать к ней еще весной, но знал, что не сделает этого, так же как знал и то, что не получит в свои годы летной работы, особенно такой, к какой он привык, не получит ее даже в Канаде. В тех краях предложение превышало спрос и тогда, когда дело касалось людей опытных; фермеры Саскачевана сами учились летать на своих «Пайперкэбах» и «Остерах». Любительская авиация лишала куска хлеба множество старых летчиков. Они кончали тем, что нанимались обслуживать рудоуправления или правительство, но и та и другая работа была слишком благопристойной и добропорядочной, чтобы подойти ему на старости лет.

Так он и остался с пустыми руками, если не считать равнодушной жены, которой он не был нужен, да десятилетнего сына, родившегося слишком поздно и, как понимал Бен где-то в глубине души, чужого им обоим — одинокого, неприкаянного ребенка, который в десять лет понимал, что мать им не интересуется, а отец — посторонний человек, не знающий, о чем с ним говорить, резкий и немногословный в те редкие минуты, когда они бывали вместе.

Вот и эта минута была ничем не лучше других. Бен взял с собой мальчика на «Остер», который бешено мотало на высоте в 2 тысячи футов над побережьем Красного моря, и ждал, что мальчишку вот-вот укачает.

— Если тебя стошнит, — сказал Бен, — пригни голову пониже к полу, чтобы не запачкать всю машину.

— Хорошо. — У мальчика был очень несчастный вид.

— Боишься?

Маленький «Остер» безжалостно кидало в накаленном воздухе из стороны в сторону, но перепуганный мальчишка все же не терялся и, отчаянно посасывая леденец, разглядывал приборы, компас, прыгающий авиагоризонт.

— Немножко, — ответил мальчик тихим и застенчивым голоском, непохожим на грубоватые голоса американских ребят. — А от этих толчков самолет не сломается?

Бен не умел успокаивать сына, он сказал правду:

— Если за машиной не следить, она непременно сломается.

— А эта... — начал было мальчик, но его здорово тошнило, и он не мог продолжать.

— Эта в порядке, — с раздражением сказал отец. — Вполне годный самолет.

Мальчик опустил голову и тихонько заплакал.

Бен пожалел, что взял с собой сына. Все великодушные порывы всегда у них в семье кончались неудачей: им обоим давно не хватало этого чувства—сухой, плаксивой, провинциальной матери и резкому, вспыльчивому отцу. Бен как-то попробовал во время одного из редких приступов великодушия поучить мальчика править самолетом, и хотя сын оказался очень понятливым и довольно быстро усвоил основные правила, каждый окрик доводил его до слез...

— Не плачь! — приказал ему теперь Бен. — Нечего тебе плакать! Подыми голову, слышишь, Дэви! Подыми сейчас же!

Но Дэви сидел, опустив голову, а Бен все больше и больше жалел, что взял его, и уныло поглядывал на расстилающуюся под крылом самолета огромную бесплодную пустыню побережья Красного моря — непрерывную полосу в тысячу миль, отделяющую нежно размытые акварельные краски суши от блеклой зелени воды. Все было недвижимо и мертво. Солнце выжигало здесь всякую жизнь, а весною на тысячах квадратных миль ветры вздымали на воздух массы песка и относили песок на ту сторону Индийского океана, где он и оставался навеки: пустыня сливалась с дном морским.

— Сядь прямо,— сказал он Дэви,— если хочешь научиться, как идти на посадку.

Он знал, что тон у него резкий, и всегда удивлялся сам, почему не умеет разговаривать с мальчиком. Дэви поднял голову. Он ухватился за доску управления и нагнулся вперед. Бен двинул рычаг газа, подождал, пока не сбавится скорость, а потом с силой потянул рукоятку триммера, которая была очень неудобно устроена на этих маленьких английских самолетах — наверху слева, чуть не над головой. Внезапный толчок мотнул голову мальчика вниз, но он ее сразу же поднял и стал глядеть поверх опустившегося носа машины на узкую полоску белого песка у залива, похожего на лепешку, кинутую в эту прибрежную пустошь. Отец вел самолет прямо туда.

— А почем ты знаешь, откуда дует ветер? — спросил мальчик.

— По волнам, по облачку, чутьем! — крикнул ему Бен.

Но он уже и сам не знал, чем руководствуется, когда правит самолетом. Не думая, он знал с точностью до одного фута, где посадит машину. Ему приходилось быть точным: голая полоска песка не давала ни одной лишней пяди, и опуститься на нее мог только очень маленький самолет. Отсюда до ближай-

шей туземной деревни было сто миль, а вокруг — мертвая пустыня.

— Все дело в том, чтобы правильно рассчитать, — сказал Бен. — Когда выравниваешь самолет, надо, чтобы расстояние до земли было шесть дюймов. Не фут и не три, а ровно шесть дюймов! Если выше, ты стукнешься при посадке и самолет будет поврежден. Слишком низко — попадешь на кочку и перевернешься. Все дело в последнем дюйме.

Дэви кивнул. Он уже это знал. Он видел, как в Эль-Бабе, где они брали напрокат машину, однажды перевернулся такой «Остер». Ученик, который на нем летал, был убит.

— Видишь! — закричал отец. — Шесть дюймов. Когда он начнет садиться, я беру назад ручку. Я тяну ее на себя. Вот! — сказал он, и самолет коснулся земли мягко, как снежинка. Последний дюйм! Бен сразу же выключил мотор и нажал на ножные тормоза—нос самолета задрался кверху, и тормоза не дали ему окунуться в воду — до нее оставалось шесть или семь футов.

* * *

Два летчика воздушной линии, которые открыли эту бухту, назвали ее Акульей — не из-за ее формы, а из-за ее населения. В ней постоянно водилось множество крупных акул, которые заплывали сюда из Красного моря, гоняясь за косяками сельди и кефали, искавшими здесь убежища. Бен и прилетел-то сюда из-за акул, а теперь, когда попал в бухту, совсем забыл о мальчике и время от времени только давал ему распоряжения: помочь при разгрузке, закопать мешок с продуктами в мокрый песок, смачивать песок, поливая его морской водой, подавать инструменты и всякие мелочи, необходимые для акваланга и камер.

— А сюда кто-нибудь когда-нибудь заходит? — спросил его Дэви.

Бен был слишком занят, чтобы обращать внимание на то, что говорит мальчик, но все же, услышав вопрос, покачал головой:

— Никто! Никто не может сюда попасть иначе, как на легком самолете. Принеси мне два зеленых мешка, которые стоят в машине, и прикрывай голову от солнца. Не хватало еще, чтобы ты получил солнечный удар!

Больше вопросов Дэви не задавал. Когда он о чем-нибудь спрашивал отца, голос у него сразу становился угрюмым: он заранее ожидал резкого ответа. Теперь мальчик и не пытался продолжать разговор и молча выполнял, что ему приказывали. Он внимательно наблюдал за тем, как отец готовит свой акваланг и киноаппарат для подводных съемок, собираясь опуститься в прозрачную воду снимать акул.

— Смотри, не подходи к воде! — приказал отец.

Дэви ничего не ответил.

— Акулы непременно постараются откусить от тебя кусок, особенно если подымутся на поверхность, — не смей даже ступать в воду!

Дэви кивнул головой.

Бену хотелось чем-нибудь порадовать мальчика, но за много лет ему это ни разу не удавалось, а теперь, видно, было поздно. Когда Бен уходил в полет, а это бывало почти постоянно, с тех пор, как ребенок родился, начал ходить, а потом становился подростком, он подолгу не видел сына. Так было в Колорадо, во Флориде, в Канаде, в Иране, в Бахрейне и здесь, в Египте. Это его жене, Джоанне, следовало постараться, чтобы мальчик рос живым и веселым.

Вначале он пытался привязать к себе мальчика. Но разве чего-нибудь добьешься за короткую неделю, проведенную дома, и разве можно назвать домом чужеземный поселок в Аравии, который Джоанна ненавидела и всякий раз поминала только для того, чтобы потосковать о росистых тихих вечерах, ясных морозных зимах и тихих университетских улочках родной Новой Англии? Ее ничто не привлекало ни в глинобитных домишках Бахрейна, при 110 градусах по Фаренгейту и 100 процентах влажности воздуха, ни в оцинкованных поселках нефтепромыслов, ни даже в пыльных, беспардонных улицах Каира. Но апатия (которая все росла и наконец совсем ее искалечила) должна теперь пройти, раз она вернулась домой. Он отвезет к ней мальчонку, и теперь, когда она живет там, где ей хочется, Джоанна, может быть, сумеет пробудить в себе хоть какой-то интерес к ребенку. Пока что она не проявляла этого интереса, а прошло уже три месяца с тех пор, как она уехала домой.

— Затяни этот ремень у меня между ногами, — сказал он Дэви.

На спине у него был тяжелый акваланг. Два его цилиндра со сжатым воздухом весом в 20 килограммов позволят ему пробыть больше часа на глубине в 30 футов. Глубже опускаться и не надо. Акулы этого не делают.

— И не кидай в воду камней, — сказал отец, поднимая цилиндрический, водонепроницаемый киноаппарат и стирая песок с его рукоятки.— Не то всех рыб поблизости перепугаешь. Даже акул. Дай мне маску.

Дэви передал ему маску со стеклянным забралом.

— Меня не будет минут двадцать. Потом я поднимусь, и мы позавтракаем, потому что солнце стоит уже высоко. Ты пока что обложи камнями оба колеса самолета и посиди под одним из крыльев, в тени. Понял?

— Да, — сказал Дэви.

Бен вдруг почувствовал, что разговаривает с мальчиком так, как разговаривал с женой, чье равнодушие всегда вызывало его на резкий и повелительный тон. Ничего удивительного, что бедный парнишка сторонится их обоих.

— И обо мне не беспокойся! — приказал он мальчику, входя в воду. Взяв в рот трубку, он скрылся под водой, опустив книзу киноаппарат, чтобы груз тянул его на дно.

* * *

Дэви смотрел на море, которое поглотило его отца, словно мог в нем что-нибудь увидеть. Но видеть было нечего, за исключением изредка появлявшихся на поверхности пузырьков воздуха.

Ничего не было видно ни на море, которое далеко вдали сливалось с горизонтом, ни на бескрайних просторах выгоревшего на солнце побережья. А когда он вскарабкался на раскаленный песчаный холм у самого высокого края бухты, он не увидел позади себя ничего, кроме пустыни, то ровной, то слегка волнистой. Сверкая, она уходила вдаль к таявшим в знойном мареве красноватым холмам, таким же голым, как и все вокруг.

Под ним был только самолет, маленький серебряный «Остер»,— он все еще потрескивал, потому что мотор никак не остывал. Дэви почувствовал свободу. Кругом на целых сто миль не было никого, и он мог посидеть в самолете и как следует его разглядеть. Но запах, который шел от самолета, снова вызвал у него дурноту, он вылез и облил водой песок, где лежала еда, а потом уселся и стал глядеть, не покажутся ли акулы, которых снимал отец. Под водой ничего не было видно, и в раскаленной тишине, в одиночестве, о котором он не жалел, хотя вдруг его остро почувствовал, мальчик раздумывал, что же с ним будет, если отец так никогда и не выплывет из морской глубины.

* * *

Бен, прижавшись спиной к кораллу, мучился с клапаном, регулирующим подачу воздуха. Он опустился неглубоко, не больше чем на двадцать футов, но клапан работал неравномерно, и ему приходилось с усилием втягивать воздух. А это было изнурительно и небезопасно.

Акул было много, но они держались на расстоянии. Они никогда не приближались так близко, чтобы на них можно было как следует установить объектив. Придется приманить их к себе поближе после обеда. Для этого он взял в самолет половину лошадиной ноги; обернутая в целлофан, она была закопана в песок.

— На этот раз,— сказал он себе, шумно выпуская пузырьки воздуха,— я уж поснимаю их не меньше чем на три тысячи долларов.

Телевизионная компания платила ему по тысяче долларов за каждые пятьсот метров фильма об акулах и тысячу долларов отдельно за съемку молота-рыбы. Но в этих водах молот-рыба не водится. Были тут две или три безвредных акулы-великана и довольно крупная пятнистая акула-кошка, бродившая у самого серебристого дна, подальше от кораллового берега. Бен знал, что сейчас он слишком деятелен, чтобы привлечь к себе акул, но его интересовал большой орляк, который жил под навесом кораллового рифа: за него тоже платили пятьсот долларов. Им нужен был кадр с орляком на подходящем фоне. Кишащий тысячами рыб подводный коралловый мир был хорошим фоном, а сам орляк лежал в своей коралловой пещере.

— Ага, ты еще здесь! — сказал Бен тихонько.

Длиною рыба была в четыре фута, а весила один бог знает сколько; она поглядывала на него из своего убежища, как и в прошлый раз — неделю назад. Жила она тут, наверно, не меньше ста лет. Шлепнув у нее перед мордой ластами, Бен заставил ее попятиться и сделал хороший кадр с панорамы, когда рыба неторопливо, но сердито пошла головой вниз на дно.

Пока что это было все, чего он добивался. Акулы никуда не денутся и после обеда. Ему

надо беречь воздух, потому что баллоны никак не перезарядишь здесь, на берегу. Повернувшись, Бен почувствовал, как мимо его ног прошелестела плавниками акула. Пока он снимал орляка, акулы зашли к нему в тыл.

— Убирайтесь отсюда к чертям! — заорал он, выпуская огромные пузыри воздуха.

Они уплыли: громкое бульканье спугнуло их. Песчаные акулы пошли на дно, а «кошка» поплыла на уровне его глаз, внимательно наблюдая за человеком. Такую криком не запугаешь. Бен прижался спиной к рифу и вдруг почувствовал, как его руку обожгло острым выступом коралла. Но он не спускал глаз с «кошки» до тех пор, пока не поднялся на поверхность. Даже теперь он держал голову под водой, чтобы следить за «кошкой», которая понемножку к нему приближалась. Бен неуклюже попятился на узкий выступ рифа над поверхностью моря, перевернулся и проделал последний дюйм пути до безопасного места.

— Мне эта дрянь совсем не нравится! — сказал он вслух, выплюнув изо рта воду.

И только тут он заметил, что над ним стоит мальчик. Он совсем забыл о его существовании и не потрудился объяснить, к кому относятся его слова.

— Доставай завтрак из песка и приготовь еду на брезенте, в тени под крылом самолета. Кинь-ка мне большое полотенце.

Дэви дал ему полотенце, и Бену пришлось смириться с жизнью на сухой, горячей земле. Он почувствоал, что сделал большую глупость, взявшись за такую работу. Он был хорошим летчиком по неразведанным трассам, а вовсе не каким-нибудь авантюристом, который рад погоняться за акулами с подводным киноаппаратом. И все-таки ему повезло, что он получил хоть эту работу. Два авиаинженера американской компании Восточных воздушных линий, которые служили в Каире, организовали поставку кинофирмам подводных кадров, снятых в Красном море. Обоих инженеров перевели в Париж, и они передали свое дело Бену. Летчик в свое время помог им, когда они пришли просить консультацию насчет полетов в пустыне на маленьких самолетах. Уезжая, они отплатили услугой за услугу, сообщив о нем Телевизионной компании в Нью-Йорке; ему дали напрокат аппаратуру, а он нанял маленький «Остер» в египетской летной школе.

Ему нужно было быстро заработать деньги, и вот появилась такая возможность. Когда компания Тексегипто свернула разведку нефти, он потерял службу. Деньги, которые он тщательно копил два года, летая над раскаленной пустыней, давали возможность жене прилично жить в Кембридже. Того немногого, что у него оставалось, хватало на содержание его самого, мальчика, француженки из Сирии, которая присматривала за ребенком, и маленькой квартирки в Каире, где они втроем жили. Но этот полет был последним. Телевизионная компания сообщила, что у нее запаса отснятой пленки хватит очень надолго. Поэтому его работа подходила к концу, и у него больше не было причин оставаться в Египте. Он теперь уже наверняка отвезет мальчика к матери, а потом поищет работы в Канаде, — а вдруг там что-нибудь подвернется, если, конечно, выпадет удача и он сумеет скрыть свои годы!

* * *

Пока они молча ели, он перемотал пленку во французском киноаппарате, починил клапан акваланга. Откупоривая бутылку пива, он снова вспомнил о мальчике.

— У тебя есть что-нибудь попить?

— Нет, — неохотно ответил Дэви. — Воды нет...

Бен и тут не подумал о сыне. Как всегда, он прихватил с собой из Каира дюжину бутылок пива: оно было чище и безопаснее для желудка, чем вода. Но надо было взять что-нибудь и для сына.

— Придется тебе выпить пива. Открой бутылку и попробуй, но не пей слишком много.

Ему претила мысль о том, что десятилетний ребенок будет пить пиво, но делать было нечего. Дэви откупорил бутылку, быстро отпил немножко прохладной горькой жидкости, но проглотил ее с трудом. Покачав головой, он вернул бутылку отцу.

— Не хочется пить, — сказал он.

— Открой банку персиков.

Банка персиков не может утолить жажду в такую сухую полуденную жару, но выбора у них не было. Поев, Бен прилег, аккуратно прикрыв аппаратуру влажным полотенцем. Мельком удостоверившись в том, что Дэви не болен и сидит в тени, он быстро заснул.

* *

— А кто-нибудь знает, что мы здесь? — спросил Дэви вспотевшего от сна отца, когда тот снова собирался опуститься под воду.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто так.

— Никто не знает, что мы здесь, — сказал Бен. — Мы получили от египтян разрешение лететь в Хургаду; они не знают, что мы залетели так далеко. И не должны знать. Ты это запомни.

— А нас могут найти?

Бен подумал, что мальчик боится, не изобличат ли их в чем-нибудь недозволенном. Ребятишки всегда боятся, что их поймают с поличным.

— Нет, пограничники нас не найдут. С самолета они вряд ли заметят нашу машину. А по суше никто сюда попасть не может, даже на «виллисе». — Он показал на море. — И оттуда никто не придет, там рифы...

— Неужели никто-никто о нас не знает? — тревожно спросил мальчик.

— Я же говорю, что нет! — с раздражением ответил отец. Но он вдруг понял, хотя и поздно, что Дэви беспокоит не возможность поимки, он просто боится остаться один. — Ты не бойся, — проговорил Бен грубовато. — Ничего с тобой не случится.

— Поднимается ветер, — сказал Дэви, как всегда, тихо и слишком серьезно.

— Знаю. Я пробуду под водой всего полчаса. Потом поднимусь, заряжу новую пленку и опущусь еще минут на десять. Найди, чем бы тебе покуда заняться. Напрасно ты не взял с собой удочки.

«Надо было мне ему об этом напомнить», — подумал Бен, погружаясь в воду вместе с приманкой из конины. Приманку он положил на хорошо освещенную коралловую ветку, а камеру установил на выступе. Потом он крепко привязал телефонным проводом мясо к кораллу, чтобы акулам труднее было его отодрать.

Покончив с этим, Бен отступил в небольшую выемку, которая находилась всего в десяти футах от приманки, чтобы обезопасить себя со спины. Он знал, что ждать акул придется недолго.

В серебристом пространстве, там, где кораллы переходили в песок, их было уже пятеро. Он был прав. Акулы пришли сразу же, учуяв запах крови. Бен замер, а когда выдыхал воздух, то прижимал клапан к кораллу за своей спиной, чтобы пузырьки воздуха лопались и не спугнули акул.

— Подходите! Поближе! — тихонько подзадоривал он рыб.

Но им и не требовалось приглашения.

Они кинулись прямо на кусок конины. Впереди шла знакомая пятнистая «кошка», а за ней две или три акулы той же породы, но поменьше. Они не плыли и даже не двигали плавниками; они неслись вперед, как серые струящиеся ракеты. Подойдя к мясу, акулы слегка свернули в сторону, на ходу отрывая куски.

Он заснял на пленку все: приближение акул к цели; какую-то деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы; жадный, пакостный укус — самое отвратительное зрелище, какое он видел в жизни.

— Ах, вы, гады! — сказал он, не разжимая губ.

Как и всякий подводник, он их ненавидел и очень боялся, но не мог ими не любоваться.

Они пришли снова, хотя ролик его пленки был уже почти весь отснят. Значит, ему придется подняться на сушу, перезарядить камеру и вернуться поскорее назад. Бен взглянул на камеру и убедился, что пленка кончилась. Подняв глаза, он увидел, что враждебно настороженная акула-кошка плывет прямо на него.

— Пошла! Пошла! Пошла! — заорал Бен в трубку.

«Кошка» на ходу слегка повернулась на бок, и Бен понял, что сейчас она бросится в атаку. Только в это мгновение он заметил, что у него руки и грудь измазаны кровью от лошадиного мяса. Бен проклял свою глупость. Но

ни времени, ни смысла упрекать себя уже не было, и он стал отбиваться от акулы киноаппаратом.

У «кошки» был выигрыш во времени, и камера едва по ней скользнула. Боковые резцы с размаху схватили правую руку Бена, чуть было не задели грудь и прошли сквозь другую его руку, как бритва. От страха и боли он стал размахивать руками; кровь его в несколько мгновений замутила воду, но он уже ничего не видел и только чувствовал, что акула сейчас нападет снова. Отбиваясь ногами, Бен пятился назад, ощущая, как его резануло по ногам; судорожные движения запутали его в ветвистых зарослях; он держал трубку правой рукой, боясь ее выронить. И в тот миг, когда он увидел, что на него кинулась одна из акул помельче, он ударил ее ногами и перекувырнулся назад.

Бен ударился спиной о надводный край рифа, кое-как выкатился из воды и, весь в крови, мешком свалился на песок.

* * *

Когда Бен пришел в себя, он сразу вспомнил все, что случилось, хотя и не понимал, долго ли был без сознания и что произошло потом, — все теперь, казалось, было уже не в его власти.

— Дэви! — закричал он.

Откуда-то сверху послышался приглушенный голос сына, но в глазах Бена стояла мгла — он знал, что еще не прошел шок. Но вот он увидел ребенка, его полное ужаса, склоненное к нему лицо и понял, что был без сознания всего несколько мгновений. Двигаться он почти не мог.

— Что мне делать? —кричал Дэви.— Видишь, что с тобой случилось!

Бен закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Он знал, что не сможет больше вести самолет; руки горели, как в огне, и были тяжелы, как свинец, ноги не двигались, а голова была, как в тумане.

— Дэви, — еле-еле выговорил Бен с закрытыми глазами. — Что у меня с ногами?

— У тебя руки... — услышал он невнятный голос Дэви, — руки все изрезаны, просто ужас!

— Знаю, — зло сказал Бен, не разжимая зубов. — А что у меня с ногами?

— Все в крови, изрезаны тоже...

— Сильно?

— Да, но не так, как руки. Что мне делать?

Тогда Бен поглядел на руки и увидел, что правая почти оторвана совсем; он видел мускулы, сухожилия, крови почти не было. Левая была похожа на кусок жеваного мяса и сильно кровоточила; он согнул ее, подтянул кисть к плечу, чтобы остановить кровь, и застонал от боли.

Он знал, что дела его очень плохи.

Но тут же подумал, что надо что-то сделать: если его не станет, мальчик останется один, а об этом страшно было даже думать. Это было еще хуже, чем его собственное состояние. Мальчика вовремя не найдут в этой выжженной насухо стране, если найдут его вообще.

— Дэви, — сказал он настойчиво, с трудом собирая неповоротливые мысли, — послушай... Возьми мою рубашку, разорви и перевяжи мне правую руку. Слышишь?

— Да.

— Крепко обвяжи мне левую руку над ранами, чтобы остановить кровь. Потом как-нибудь привяжи кисть к плечу. Так крепко, как сможешь. Понял? Перевяжи мне обе руки.

— Понял.

— Перевяжи очень крепко. Сначала правую руку, но закрой рану. Понял? Ты понял...

Бен не слышал ответа, потому что снова потерял сознание; на этот раз беспамятство продолжалось дольше, и он пришел в себя, когда мальчик возился с его левой рукой; серьезное, напряженное, бледное личико сына было искажено ужасом, но он с мужеством отчаяния старался выполнить свою задачу.

— Это ты, Дэви? — сказал Бен, слыша сам, как неразборчиво произносит слова. — Послушай, мальчик, — продолжал он с усилием. — Я тебе должен сказать все сразу, на случай, если опять потеряю сознание. Перебинтуй мне руки, чтобы я не терял слишком много крови. Приведи в порядок ноги и вытащи меня из акваланга. Он меня душит.

— Я старался тебя вытащить, — сказал Дэви упавшим голосом.— Не могу, не знаю, как.

— Тебе надо меня вытащить, ясно? — прикрикнул Бен по обычной своей манере, но тут же понял, что единственная надежда спастись и мальчику и ему — это заставить Дэви самостоятельно думать, уверенно делать то, что он должен сделать. Надо как-то внушить это мальчику.

— Я тебе скажу, сынок, а ты постарайся понять. Слышишь? — Бен едва слышал себя сам и на секунду даже забыл о боли. — Тебе, бедняга, придется все делать самому, так уж получилось. Не расстраивайся, если я на тебя закричу. Тут уж не до обид. На это не надо обращать внимания, понял?

— Да, — Дэви перевязывал левую руку и не слушал его.

— Молодчина!—Бену хотелось приободрить ребенка, но ему это не очень удалось. Он еще не знал, как подойти к мальчику, но понимал, что это необходимо. Десятилетнему ребенку предстояло выполнить дело нечеловеческой трудности. Если он хочет выжить. Но все должно идти по порядку...

— Достань у меня из-за пояса нож, — сказал Бен, — и перережь все ремешки акваланга. — Сам он не успел пустить в ход нож. — Пользуйся тонкой пилкой, так будет быстрее. Не порежься.

— Хорошо, — сказал Дэви, вставая. Он поглядел на свои вымазанные в крови руки и позеленел. — Если сможешь хоть немножко поднять голову, я стащу один из ремней, я его расстегнул.

— Ладно. Постараюсь.

Бен приподнял голову и сам удивился, как трудно ему даже пошевелиться. Попытка двинуть шеей снова довела его до обморока; на этот раз он провалился в черную бездну мучительной боли, которая, казалось, никогда не кончится. Он медленно пришел в себя и почувствовал какое-то облегчение.

— Это ты, Дэви?.. — спросил он откуда-то издалека.

— Я снял с тебя акваланг, — услышал он дрожащий голос мальчика.— Но у тебя по ногам все еще течет кровь.

— Не обращай внимания на ноги, — сказал Бен, открывая глаза. Он приподнялся, чтобы посмотреть, в каком он виде, но побоялся снова потерять сознание. Он знал, что не сможет сесть, а тем более встать на ноги, и теперь, когда мальчик перевязал ему руки, верхняя половина туловища у него тоже была скована. Худшее было еще впереди, и ему надо было все обдумать.

* * *

Единственной надеждой спасти мальчика был самолет, и Дэви должен будет его вести. Не было ни другой надежды, ни другого выхода. Но прежде надо было обо всем как следует поразмыслить. Мальчика нельзя пугать. Если Дэви сказать, что ему придется вести самолет, он придет в ужас. Надо хорошенько подумать, как об этом сказать мальчику, как внушить ему эту мысль, убедить ее выполнить, пусть даже безотчетно. Надо было ощупью найти дорогу к объятому страхом, незрелому сознанию ребенка. Он пристально посмотрел на сына и вспомнил, что уже давно как следует в него не вглядывался.

«Он, кажется, парень развитой», — подумал Бен, удивляясь странному ходу своих мыслей. Этот мальчик с серьезным личиком был чем-то похож на него самого: за детскими чертами скрывался, может быть, жесткий и даже необузданный характер. Но бледное, чуть широкое лицо выглядело сейчас несчастным, а когда Дэви заметил пристальный взгляд отца, он отвернулся и заплакал.

— Ничего, малыш, — произнес Бен с трудом. — Теперь уже ничего!

— Ты умрешь? — спросил Дэви.

— Разве я уж так плох? — спросил Бен, не подумав.

— Да, — ответил Дэви сквозь слезы.

Бен понял, что сделал ошибку и что ему нельзя говорить с мальчиком, не обдумывая каждого своего слова.

— Я шучу, — сказал он. — Не придавай значения тому, что из меня здорово течет кровь. Твой старик бывал в таких переделках уже не раз и не два. Ты что, не помнишь, как я попал тогда в больницу в Саскатуне...

Дэви кивнул.

— Помню, но тогда ты был в больнице...

— Конечно, конечно. Верно.— Он упорно думал о своем, стараясь снова не потерять сознания.— Знаешь, что мы с тобой сделаем? Возьми большое полотенце и расстели его возле меня, а я на него перекачусь, и мы кое-как доберемся до самолета. Идет?

— Я не смогу тебя втащить в машину, — сказал мальчик; в его голосе звучало уныние.

— Ах! — сказал Бен, стараясь говорить как можно мягче, хотя это было для него пыткой. — Никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь. Тебе, наверно, пить хочется, а воды-то и нет, а?

— Нет, я не хочу пить...

Дэви пошел за полотенцем, а Бен сказал ему все тем же тоном:

— В следующий раз мы захватим дюжину кока-кола. И лед тоже.

Дэви расстелил возле него полотенце; Бен дернулся на бок, ему показалось, что у него разорвались на части руки, и грудь, и ноги, но ему удалось лечь на полотенце спиной, упершись пятками в песок, и сознания он не потерял.

— Теперь тащи меня к самолету, — едва слышно проговорил Бен. — Ты тяни, а я буду отталкиваться пятками. На толчки не обращай внимания, главное — поскорее добраться!

— Как же ты сможешь вести самолет? — спросил его сверху Дэви.

Бен закрыл глаза: он хотел представить себе, что переживает сейчас сын. «Мальчик не должен знать, что машину придется вести ему, — думал он, — такая мысль перепугает его насмерть».

— Этот маленький «Остер» летает сам,— сказал он.— Стоит только положить его на курс, а это нетрудно.

— Но ты же не можешь двинуть рукой. Да и глаз совсем не открываешь.

— А ты об этом не думай. Я могу летать вслепую, а управлять коленями. Давай двигаться. Ну, тащи.

Он поглядел на небо и заметил, что становится поздно и поднимается ветер; это поможет самолету взлететь, если, конечно, они сумеют вырулить против ветра. Но ветер будет встречный до самого Каира, а горючего в обрез. Он надеялся, надеялся всей душой, что не задует хамсин, слепящий песчаный ветер пустыни. Ему следовало быть предусмотрительнее — запастись долговременным прогнозом погоды. Вот что получается, когда становишься воздушным извозчиком. Либо ты слишком осторожен, либо действуешь без оглядки. На этот раз — что случалось с ним не часто — он был неосторожен с начала и до самого конца.

* * *

Долго взбирались они по склону; Дэви тащил, а Бен отталкивался пятками, мгновенно теряя сознание и медленно приходя в себя. Два раза он срывался вниз, но наконец они добрались до самолета; ему даже удалось сесть, прислонившись к хвостовой части машины, и оглядеться. Но сидеть было чистым адом, а обмороки все учащались. Все его тело, казалось, теперь, раздирали на дыбе.

— Как дела? — спросил он мальчика; тот задыхался, изнемогая от напряжения. — Ты, видно, совсем измучился.

— Нет! — крикнул Дэви с яростью. — Я не устал.

Тон его удивил Бена: он никогда еще не слышал в голосе мальчика ни протеста, ни, тем более, ярости. Оказывается, лицо его сына могло скрывать эти чувства. Неужели можно годами жить с сыном и не разглядеть его лица? Но сейчас он не мог позволить себе раздумывать об этом. Сейчас он был в полном сознании, но дух захватывало от приступов боли. Шок проходил. Правда, он совсем ослабел, чувствовал, как из его левой руки сочится кровь, и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем (если у него еще остались пальцы). Дэви самому придется поднять самолет в воздух, вести его и посадить на землю.

— Теперь, — сказал он, с трудом ворочая

пересохшим языком, — надо навалить камней у дверцы самолета.— Передохнув, он продолжал: — Если навалить их повыше, ты как-нибудь сумеешь втащить меня в кабину. Возьми камни из-под колес.

Дэви сразу взялся за дело, он стал складывать обломки кораллов у левой дверцы — со стороны сиденья пилота.

— Не у этой дверцы, — осторожно сказал Бен. — У другой. Если я полезу с этой стороны, мне помешает рулевое управление.

Мальчик кинул на него подозрительный взгляд и тут же с ожесточением снова принялся за работу. Когда он пробовал поднимать слишком тяжелые глыбы, Бен говорил ему, чтобы он не напрягался.

— В жизни можно сделать все что угодно, Дэви,— произнес он слабым голосом,— если не надорвешься. Не надрывайся...

Он не помнил, чтобы раньше давал сыну такие советы.

— Да, но ведь скоро стемнеет,— сказал Дэви, когда кончил работу.

— Стемнеет? — открыл глаза Бен. Было непонятно, то ли он задремал, то ли опять потерял сознание. — Это не сумерки. Это дует хамсин.

— Мы не можем лететь, — сказал мальчик. — Ты не сумеешь вести самолет. Лучше и не пытаться.

— Ах! — сказал Бен с той нарочитой мягкостью, от которой ему делалось еще грустнее. — Ветер сам отнесет нас домой.

Ветер мог отнести их куда угодно, только не домой, а если он задует слишком сильно, они не увидят под собой ни посадочных знаков, ни аэродромов — ничего.

— Пошли, — снова сказал он мальчику, и тот опять принялся тащить его, а Бен начал отталкиваться, пока не очутился на самодельной ступеньке из коралловой глыбы у дверцы. Теперь оставалось самое трудное, но отдыхать не было времени.

— Обвяжи мне грудь полотенцем, лезь в самолет и тащи, а я буду отталкиваться ногами.

Эх, если бы он мог двигать ногами! Видно, что-нибудь случилось у него с позвоночником; он уже почти не сомневался, что в конце концов все-таки умрет. Важно было выжить до Каира и показать мальчику, как посадить самолет. Этого будет достаточно. На это он ставил единственную свою ставку, это был самый дальний его прицел.

И эта надежда помогла ему забраться в самолет; он вполз в машину согнувшись, полусидя, почти без сознания. Потом он попытался сказать мальчику, что надо делать, но не смог произнести ни слова. Мальчика охватил страх. Повернув к нему голову, Бен это почувствовал и сделал еще одно усилие.

— Ты не видел, я вытащил из воды киноаппарат? Или оставил его в море?

— Он внизу, у самой воды.

— Ступай принеси его. И маленькую сумку с пленкой. — Тут он вспомнил, что спрятал заснятую пленку в самолет, чтобы уберечь ее от солнца. — Не надо пленки. Возьми только аппарат.

Просьба его звучала буднично и должна была успокоить перепуганного мальчика; Бен почувствовал, как накренился самолет, когда Дэви, спрыгнув на землю, побежал за аппаратом. Он снова подождал, на этот раз уже дольше, чтобы к нему вернулось сознание. Надо было вникнуть в психологию этого бледного, молчаливого, настороженного и слишком послушного мальчика. Ах, если бы он знал его получше!..

— Застегни покрепче ремни, — сказал он.— Будешь мне помогать. Запоминай. Запоминай все, что я скажу. Запри свою дверцу...

«Снова обморок», — подумалось Бену. Он погрузился на несколько минут в приятный, легкий сон, но старался удержать последнюю нить сознания. Он цеплялся за нее: ведь это было все, что у него оставалось для спасения сына.

Бен не помнил, когда он плакал, но теперь вдруг почувствовал на глазах беспричинные слезы. Нет, он не намерен сдаваться. Ни за что!..

— Расклеился твой старик, а? — сказал Бен и даже почувствовал легкое удовольствие от этой откровенности. Дело шло на лад. Он нащупывал путь к сердцу мальчика. — Теперь слушай...

Он снова ушел далеко, далеко, а потом вернулся.

— Придется тебе взяться за дело самому, Дэви. Ничего не поделаешь. Слушай. Колеса свободны?

— Да, я убрал все камни.

Дэви сидел, сжав зубы.

— Что это нас потряхивает?

— Ветер.

О ветре он позабыл.

— Вот что надо сделать, Дэви, — сказал он медленно. — Потяни рычаг газа на дюйм, не больше. Сразу. Сейчас. Поставь всю ступню на педаль. Хорошо. Молодец! Теперь поверни черный выключатель с моей стороны. Отлично. Теперь нажми ту кнопку, а когда мотор заработает, потянешь рычаг еще немного. Стой! Когда мотор заработает, поставь ногу на левую педаль, включи мотор до отказа и развернись против ветра. Слышишь?..

— Это я могу,— сказал мальчик, и Бену показалось, что он услышал в его голосе резкую нотку нетерпения, чем-то напоминавшую его собственный голос.

— Здорово дует ветер, — добавил мальчик. — Слишком сильно, мне это не нравится.

— Когда будешь выруливать против ветра, отдай вперед ручку. Начинай! Запускай мотор.

Он почувствовал, что Дэви перегнулся через него и включил стартер, и услышал, как чихнул мотор, — только бы он не слишком сильно передвинул ручку, пока мотор не заработает! «Сделал! Ей-богу, сделал!» — подумал Бен, когда мотор заработал. Он кивнул, и ему сразу же стало дурно от напряжения. Бен понял, что мальчик дает газ и пытается развернуть самолет. А потом его всего словно поглотил какой-то мучительный шум; он почувствовал толчки, попробовал поднять руки, но не смог и пришел в себя от слишком сильного рева мотора.

— Сбавь газ! — закричал он как можно громче.

— Ладно! Но ветер не дает мне развернуться.

— Мы встали против ветра? Ты повернул против ветра?

— Да, но ветер нас опрокинет.

Он слышал, как усиливается рев мотора по мере того, как Дэви давал газ, и чувствовал толчки, покачивание машины, прокладывавшей себе дорогу в песке. Потом она стала скользить, подхваченная ветром, но Бен подождал, пока толчки не стали слабее, и снова потерял сознание.

— Не смей! — услышал он издалека.

Он пришел в себя — они только что оторвались от земли. Мальчик послушно держал ручку и не дергал ее к себе; они еле-еле перевалили через дюны, и Бен понял, что от мальчика потребовалось немало мужества, чтобы от страха не рвануть ручку. Резкий порыв ветра уверенно подхватил самолет, но затем он провалился в яму, и Бену стало мучительно плохо.

— Поднимись на три тысячи футов, там будет спокойнее, — крикнул он.

Ему следовало растолковать сыну все до отлета: ведь Дэви теперь будет трудно его слышать. Еще одна глупость! Нельзя терять рассудок и непрерывно делать глупости!

— Три тысячи футов! — крикнул он. — Три.

— Куда лететь? — спросил Дэви.

— Сперва поднимись повыше. Выше! — кричал Бен, боясь, что болтанка снова напугает мальчика. По звуку мотора можно было догадаться, что он работает с перегрузкой и что нос самолета слегка задран; но ветер их поддержит, и этого хватит на несколько минут; глядя на спидометр и пытаясь на нем сосредоточиться, он снова погрузился в темноту, полную боли.

Его привело в себя чихание мотора. Было тихо, ветра больше не было, он остался где-то внизу, но Бен слышал, как тяжело дышит и вот-вот сдаст мотор.

— Что-то случилось! — кричал Дэви. — Слушай, проснись! Что случилось?

— Подними рычаг смеси.

Дэви не понял, что нужно сделать, а Бен не сумел этого ему вовремя показать. Он неуклюже повернул голову, поддел щекой и подбородком рукоятку и приподнял ее на дюйм. Он услышал, как мотор чихнул, дал выхлоп и снова заработал.

— Куда лететь? — снова спросил Дэви. — Почему ты мне не говоришь, куда лететь?!

При таком неверном ветре не могло быть прямого курса, несмотря на то, что тут наверху было относительно спокойно. Оставалось держаться берега до самого Суэца.

Он чувствовал, как самолет раскачивается во все стороны, попытался выглянуть, но поле его зрения было так мало, что ему приходилось целиком полагаться на мальчика.

— Освободи ручной тормоз, — сказал Бен. О нем он забыл.

— Готово! — откликнулся Дэви. — Я его отпустил.

— Ну да, отпустил! Разве я не вижу? Старый дурак... — выругал себя Бен.

Тут он вспомнил, что его не слышно из-за шума мотора и что надо кричать.

— Слушай дальше! Это совсем просто. Тяни рычаг и держи ручку посредине. Если машина будет подскакивать, ничего. Понял? Замедли ход. И держи прямо. Держи ее против ветра, не бери на себя ручки, пока я не скажу. Действуй. Не бойся ветра...

— Иди вдоль берега. Держись от него справа. Ты его видишь?

— Вижу. А это верный путь?

— По компасу курс должен быть около трехсот двадцати! — крикнул он; казалось, голос его был слишком слаб, чтобы Дэви мог услышать, но он услышал.

«Хороший парень! — подумал Бен.— Он все слышит».

— По компасу триста сорок! — закричал Дэви.

Компас находился наверху, и зеркало рефлектора было видно только с сиденья пилота.

— Вот и хорошо! Хорошо! Правильно! Теперь иди вдоль берега и держись его все время. Только, бога ради, ничего больше не

делай, — сказал Бен; он слышал, что уже не говорит, а только неясно бормочет. — Пусть машина сама делает свое дело. Все будет в порядке, Дэви...

Итак, Дэви все-таки запомнил, что нужно выровнять самолет, держать нужные обороты мотора и скорость! Он это запомнил. Славный парень! Он долетит. Он справится! Бен видел резко очерченный профиль Дэви, его бледное лицо с темными глазами, в которых ему так трудно было что-либо прочитать. Отец снова вгляделся в это лицо. «Никто даже не позаботился сводить его к зубному врачу», — сказал себе Бен, заметив слегка торчащие вперед зубы Дэви, — тот болезненно оскалил их, надрываясь от напряжения. «Но он справится», — устало и примиренно подумал Бен.

Казалось, это был последний итог всей его жизни. Бен провалился в пропасть, за край которой он ради мальчика так долго цеплялся. И пока он валился все глубже и глубже, он успел подумать, что на этот раз ему повезет, если он выберется оттуда вообще. Он падал слишком глубоко. Да и мальчику повезет, если он вернется назад. Но, теряя почву под ногами, теряя самого себя, Бен еще успел подумать, что хамсин крепчает и надвигается мгла, а сажать самолет уже придется не ему... Теряя последний проблеск сознания, он повернул голову к дверце.

* * *

Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слезы.

Только раз за свои десять лет он похвастался, что отец его летчик. Но он помнил все, что отец рассказывал ему об этом самолете, и догадывался о многом, чего отец не говорил.

Здесь, на высоте, было тихо и светло. Море казалось совсем зеленым, а пустыня грязной; ветер поднял над ней пелену пыли. Впереди горизонт уже не был таким прозрачным; пыль поднималась все выше, но море он все еще не терял из виду. В картах Дэви разбирался. Это было несложно. Он знал, где лежит их карта, вытащил ее из сумки в дверце и задумался о том, что он будет делать, когда подлетит к Суэцу. Но в общем он знал даже и это. От Суэца вела дорога в Каир, она шла на запад через пустыню. Лететь на запад будет легче. Дорогу нетрудно разглядеть, а Суэц он узнает потому, что там кончается море и начинается канал. Там надо повернуть влево.

Он боялся отца. Правда, не сейчас. Сейчас он просто не мог на него смотреть: тот спал с открытым ртом, полуголый, весь залитый кровью. Он не хотел, чтобы отец умер; он не хотел, чтобы умерла мать, но ничего не поделаешь: это бывает. Люди всегда умирают.

Ему не нравилось, что самолет летит так высоко. От этого замирало сердце, да и самолет шел слишком медленно. Но Дэви боялся снизиться и снова попасть в ветер, когда дело дойдет до посадки. Он не знал, как ему быть. Нет, ему не хотелось снижаться в такой ветер, не хотелось, чтобы самолет опять болтало во все стороны! Самолет не будет тогда его слушаться. Он не сможет вести его по прямой и выровнять у земли.

Может быть, отец уже умер? Он оглянулся и заметил: тот дышит порывисто и редко. Слезы, которые, как думал Дэви, все уже высохли, снова наполнили его темные глаза, и он почувствовал, как они выкатываются и текут по щекам. Слизнув их языком, он стал следить за морем.

* * *

Бену казалось, что от толчков его тело пронзают ледяные стрелы, разрывают на части; с пересохшим ртом, он медленно приходил в себя. Взглянув вверх, он увидел пыль, а над нею тусклое небо.

— Дэви! Что случилось? Что ты делаешь? — закричал он сердито.

— Мы почти прилетели, — сказал Дэви. — Но ветер поднялся сейчас высоко и уже темнеет.

Бен закрыл глаза, чтобы осознать то, что произошло, но так ничего и не понял: ему казалось, что он уже приходил в себя, указывая курс мальчику, а потом снова терял сознание. Пытка качкой продолжалась и еще больше усиливала боль.

— Что ты видишь? — крикнул он.

— Аэродромы и здания Каира. Вон большой аэродром, куда приходят пассажирские самолеты.

Качка и толчки оборвали слова мальчика; казалось, потоком воздуха их поднимает вверх на сотню футов, чтобы затем швырнуть вниз в мучительном падении на добрые две сотни; крылья самолета судорожно раскачивались из стороны в сторону.

— Не теряй из виду аэродрома! — крикнул Бен сквозь приступ боли. — Следи за ним! Не спускай с него глаз! — Ему пришлось крикнуть это дважды, прежде чем мальчик расслышал; он тихонько твердил про себя: «Бога ради, Дэви, теперь ты должен слышать все, что я говорю».

— Самолет не хочет идти вниз, — сказал Дэви; глаза его расширились и, казалось, занимали теперь все лицо.

— Выключи мотор.

— Выключал, но ничего не получается. Не могу опустить ручку.

— Потяни рукоятку триммера, — сказал Бен, подняв голову кверху, где была рукоятка. Он вспомнил и о закрылках, но мальчику ни за что не удастся их сдвинуть; придется обойтись без них.

Дэви пришлось привстать, чтобы дотянуться до рукоятки на колесе и сдвинуть ее вперед. Нос самолета опустился, и машина перешла в пике.

— Выключи мотор! — крикнул Бен.

Дэви убрал газ, выключил смесь, и ветер с силой подбрасывал планирующий самолет вверх и вниз.

— Следи за аэродромом, делай над ним круг, — сказал Бен и стал собирать все силы для того последнего напряжения, которое ему предстояло.

Теперь ему надо сесть, выпрямиться и наблюдать через ветровое стекло за приближением земли. Наступала решающая минута. Поднять самолет в воздух и вести его не так трудно, посадить же на землю — вот задача!

— Там большие самолеты, — кричал Дэви. — Один, кажется, стартует...

— Берегись, сверни в сторону! — крикнул Бен.

Это был довольно никчемный совет, но зато дюйм за дюймом Бен приподнимался; ему помогало то, что нос самолета был опущен. Привалившись к дрожащей дверце и упираясь в нее плечом и головой, он упорно карабкался вверх; он сосредоточил на этом все свои силы. Наконец голова его очутилась так высоко, что он смог упереться ею в доску управления. Насколько мог, он поднял голову и увидел, как приближается земля.

— Молодец! — закричал он сыну.

Бен дрожал и обливался потом, он чувствовал, что от всего его тела осталась в живых одна голова. Рук и ног больше не было.

— Левей! — кричал он. — Дай вперед ручку! Нагни ее влево! Гни больше влево! Гни еще! Хорошо! Все в порядке, Дэви. Ты справишься. Влево! Жми ручку вниз...

— Я врежусь в самолет.

Бену был виден большой самолет. До самолета было не больше пятисот футов, и они шли прямо на него. Уже почти стемнело. Пыль висела над землей, словно желтое море, но большой четырехмоторный самолет оставлял за собой полосу чистого воздуха, — значит, моторы запущены на полную мощность. Если он стартовал, а не проверял моторы, все будет в порядке. Нельзя садиться за летной дорожкой: там грунт слишком неровный.

Бен закрыл глаза.

— Стартует...

Бен с усилием открыл глаза и кинул взгляд поверх носа машины, качавшейся вверх и вниз; до большого «ДК-4» оставалось всего двести футов, он прямо преграждал им путь, но шел с такой скоростью, что они должны были разминуться. Да, они разминутся. Бен чувствовал, что Дэви в ужасе стал тянуть ручку на себя.

— Нельзя! — крикнул он. — Гни ее вниз...

Нос самолета задрался, и они потеряли скорость. Если потерять скорость на такой высоте, да еще при этом ветре, их разнесет в щепки.

— Ветер! — кричал мальчик; его маленькое личико застыло и превратилось в трагическую маску; Бен знал, что приближается последний дюйм и все в руках у мальчика...

— Молодец! — крикнул он.

Оставалась минута до посадки.

— Шесть дюймов! — кричал он Дэви; язык его словно распух от напряжения и боли, а из глаз текли горячие слезы. — Шесть дюймов, Дэви!.. Стой! Еще рано. Еще рано... — плакал он.

На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он все-таки потерял самообладание; им завладел страх, им завладела смерть, и он не мог больше ни говорить, ни кричать, ни плакать; он привалился к доске; в глазах его был страх за себя, страх перед этим последним

БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА

Джеймс Олдридж с сыном Вильямом.

Из моря вынырнул человек. Взобравшись в лодку, он снял маску. Светлые, местами заметно выгоревшие волосы, волевое лицо, хорошая, спортивная фигура. Он смотрит в сторону берега — там сотни загорающих на пляже людей, и там его семья.

Под водой в Черном море он снимал кинокамерой редких рыб. Во время подводных путешествий он встретил электрического ската — самку, довольно крупную для закрытых морей.

На берегу появляется маленький мальчик.

— Томас! Иди скорей сюда! — кричит какая-то пожилая женщина.

Мальчик усаживается рядом со своей знакомой. Впрочем, у него тут много знакомых.

— Хочешь грушу?.. А яблоко?..

— Сенк ю, — тихо отвечает мальчуган.

Он с завистью смотрит на старшего брата, Вильяма, который барахтается с приятелями в воде. Малыш простужен, и отец запретил ему купаться.

Вильям уже вышел из воды и пытается объяснить новым друзьям, Ледику Джебава и Вахтангу Мебония, что «у него чуть-чуть насморк и ему купаться больше нельзя». На помощь приходит преподавательница английского языка 31-й московской школы Лидия Семеновна Санькова — с ней Вильям давно успел подружиться.

Человек в лодке — Джеймс Олдридж, английский писатель, автор книг «Морской орел», «Дело чести», «Охотник», «Дипломат». Томас и Вильям — его дети...

...С юношеских лет Олдридж увлекался авиацией. В 1939 году близ Лондона он впервые самостоятельно поднял в воздух учебно-тренировочный самолет. Потом пришло время второй мировой войны, когда ему пришлось летать в кабине бомбардировщика. Греция и Египет проплывали под крыльями самолетов, на которых летал военный корреспондент Олдридж. Он и сейчас частенько садится за штурвал.

Небо освоено. Олдридж спускается под воду.

В Австралии писатель видел изуродованных акулами людей, слышал рассказы о подводных хищниках.

Увлекшись подводной охотой, Олдридж проверял достоверность рассказов об акулах и снимал этих хищников кинокамерой.

...Египет. Невыносимая жара. Маленький «Ситроен» пробирается среди песков пустыни. За рулем Джеймс Олдридж. Дина, жена его, уроженка Египта, и та с трудом переносит такую жару. Изредка посматривает в окошко шестилетний сынишка Вильям. Маленький Томас остался в Каире.

головокружительным падением на землю, когда черная взлетная дорожка надвигается на тебя в облаке пыли. Он силился крикнуть: «Пора! Пора! Пора!»,— но страх был слишком велик; в последний, смертный миг, который снова вернул его в забытье, он ощутил, как слегка поднялся нос самолета, услышал громкий рев еще не заглохшего мотора, почувствовал, как, ударившись о землю колесами, самолет мягко подскочил в воздух, а потом настало томительное ожидание. Но вот хвост и колеса самолета коснулись земли — это был последний дюйм. Ветер закружил самолет, он забуксовал и описал на земле петлю, а потом замер, и настала тишина.

Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет,— он так боялся умирать и совсем не хотел сдаваться.

* * *

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле летчика нашлись решающие все дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что все уже кончено, они берут свое. Египетские врачи с удивлением обнаружили, что у Бена их неисчерпаемый запас, а способность восстанавливать разорванные ткани, казалось, была дана летчику самой природой.

Все это потребовало времени, но что значило время для жизни, висевшей на волоске?.. Бен все равно ничего не сознавал, кроме приливов и отливов боли и редких просветов сознания.

— Все дело в адреналине,— раскатисто хохотал кудрявый врач-египтянин,— а вы его вырабатываете, как атомную энергию!

Казалось, все было хорошо, но Бен все-таки потерял левую руку. («Странно,— думал он,— я мог бы поклясться, что больше досталось правой руке».) Пришлось справиться и с параличом, который курчавый исцелитель упорно называл «небольшим нервным шоком». Потрясение превратило Бена в неподвижный и очень хрупкий обломок — поправка не могла идти быстро. Но дело все-таки шло на лад. Все шло на лад, кроме его левой руки, которая отправилась в мусоросжигалку, но и это было бы ничего, если бы вслед за ней не отправилась туда же и его профессия летчика.

Но, помимо всего, был еще мальчик.

— Он жив и здоров,— сказал врач.— Не получил даже шока.— Кудрявый египтянин отпускал веселые шутки на прекрасном английском языке.— Он куда подвижней вас.

Значит, и с парнем все было в порядке. Даже самолет уцелел. Все обстояло как нельзя лучше, но решала дело встреча с мальчиком: тут либо все начнется, либо снова кончится и, может быть, навсегда.

Когда привели Дэви, Бен увидел, что это был тот же самый ребенок, с тем же самым лицом, которое он так недавно впервые разглядел. Но дело было совсем не в том, что разглядел Бен: важно было узнать, сумел ли мальчик что-нибудь увидеть в своем отце.

— Ну, как, Дэви? — робко сказал он сыну.— Здорово было, а?

Дэви кивнул. Бен знал: мальчуган вовсе не думает, что было здорово, но придет время, и он поймет. Когда-нибудь мальчик поймет, как было здорово. К этому стоило приложить руки.

— Расклеился твой старик, правда? — спросил он.

Дэви кивнул. Лицо его было по-прежнему серьезным.

Бен улыбнулся. Да что уж греха таить: старик расклеился и в самом деле. Им обоим нужно время. Ему, Бену, теперь понадобится вся жизнь, вся жизнь, которую подарил ему мальчик. Но, глядя в эти темные глаза, на слегка выдающиеся вперед зубы, на это лицо, такое необычное для американца, Бен решил, что игра стоит свеч. Этому стоит отдать время. Он уж доберется до самого сердца мальчишки! Рано или поздно, но он до него доберется. Последний дюйм, который разделяет всех и вся, нелегко преодолеть, если не быть мастером своего дела. Но быть мастером своего дела — обязанность летчика, а ведь Бен был когда-то совсем неплохим летчиком.

Перевод с английского

Е. ГОЛЫШЕВОЙ и Б. ИЗАКОВА.

— Ехать в Акулью бухту — безумие,— говорили знакомые в Каире.— Сотни миль до ближайшей деревушки.

— Никаких дорог нет,— разводили руками геологи, в домиках которых супруги Олдридж останавливались переночевать.

Олдридж, однако, поехал. Где-то в стороне остался Суэц. «Ситроен» тащился, взбираясь на песчаные дюны, к белым отмелям Красного моря, в Акулью бухту, где водится много акул,— они заплывают сюда вместе с сельдью и кефалью.

Обычно «к акулам» спускаются вдвоем: один снимает, другой следит. Олдридж спускался один. Какой-то француз сконструировал стальную клетку, в которую залезал, надев акваланг. Олдридж сделал такую же клетку, но в машине она не поместилась, и ее пришлось оставить в Каире.

Заряженная кинокамера накрепко завинчена в боксе. Олдридж берет два баллона со сжатым воздухом: они позволят быть под водой больше часа. Маска надета, трубка во рту. Он исчезает под водой.

Дина и Вильям следят за пузырьками воздуха, поднимающимися на поверхность воды. Томительное ожидание...

На глубине Джеймс встретил сразу восемь акул. Опускаясь, он порезал руку о коралл и только позже догадался, что хищников привлек запах крови. Сейчас он продолжал снимать.

Акулы начали ходить вокруг него, постепенно уменьшая радиус. Он снимал, а круги сжимались. Началась атака.

Пора подниматься: кинооператору нечего здесь больше делать.

Вторая экспедиция на Красное море прошла успешно. Фильм был снят.

...Мы навестили писателя в небольшом домике возле Гагры. В саду он соорудил для ребят гаражик.

— Ты хочешь играть май машин? — спрашивает по-русски Вильям у Ледика Джебава.

— Йес,— отвечает Ледик, который учит в школе английский язык.

Поглядывая на ребят, Олдридж улыбается. Потом, словно вспомнив что-то, берет лопатку и расчищает въезд в «гараж». Олдридж идет к веранде. На столе крутится диск электропатефона, на диске укреплены лопасти. Это от мух, изобретение Олдриджа.

На коленях отца примостился Томас.

— Детям здесь хорошо,— говорит Олдридж.

— А вам? Интересно?

— Сказать интересно — мало. Очень хорошо, что к вам теперь приезжает много людей со всего мира. Дело в том, что неправду о вашей стране, которую распространяют недруги, можно было бы выдумать, не приезжая к вам. Бывает так: спорят два человека о вашей стране, не побывав в ней. Теперь пусть спорят те, кто видел ее своими глазами. Правда победит. Дина, например, вложила всю душу в свою работу о русском балете. Это была бы превосходная книга. А что вышло?

— Когда я после возвращения из первой поездки в Советский Союз говорила в Лондоне о прелести русского балета,— говорит Дина,— мне никто не верил. Книга моя — подробнейшее исследование, в котором рассказывается не только о сценическом мастерстве, но и о системе тренинга, классах, режиме и даже туфлях... Но книгу никто не издал,— продолжает она с комическим вздохом.— Ни в Англии, ни во Франции, ни в Америке. Предложили переделать, а я отказалась...

— А потом сами же стояли сутками за билетами, когда в Лондон приезжал советский балет, перекупали их по неслыханным ценам,— замечает Олдридж.

Естественно, что читателей интересует, над чем работает сейчас писатель. Но это то, о чем он меньше всего любит говорить.

— О книгах не рассказывают; их пишут одни, а читают другие,— отвечает он.

— Все же?

— Только что окончил первую часть книги «Я бы хотел, чтобы он не умирал». Она выйдет скоро на русском языке. Это книга о Египте, об отношениях между англичанами и египтянами в период второй мировой войны. Сейчас занят работой над второй частью — о послевоенном периоде.

Мы прощаемся. Супруги Олдридж собираются в дорогу. Через окно видны две головы, склонившиеся над картой. Светлый блондин и смуглая, черноволосая египтянка рассматривают по карте маршрут Гагра — Тбилиси — Ереван...

А. НОВИКОВ

Гагра, август 1957 года.

Супруги Олдридж намечают маршрут путешествия. ↓

НАШ ВАРПЕТ

Максим РЫЛЬСКИЙ

Он окружен поистине всенародной любовью. Он принимает эту любовь со спокойным достоинством и со скромностью, свойственной только очень большим творцам. Такая любовь достается в удел немногим, в ней что-то особенно волнующее, трогательное и, я сказал бы, интимное. Наш варпет — наш мастер — так называют его и руководители партии и правительства Армении, и писатели, и рабочие, и колхозники. Достаточно сказать «наш варпет» — имени не надо: все знают, о ком идет речь.

Мне вспомнилось, что крестьяне села Михайловского и окрестных деревень не называют Пушкина по фамилии, они говорят — Александр Сергеевич, и этого достаточно. Для украинцев Шевченко — просто Тарас, наш Тарас, и это звучит не фамильярно, это полно глубокой нежности, беспредельного уважения. Провансальцы поставили памятник не только Фредерику Мистралю, но и его героине — Мирейо, и к подножию этого памятника сходятся до сих пор влюбленные юноши поплакать над горестной судьбой вымышленных поэтом, но доселе живых героев. Такова сила слова.

Особенной любовью любят Аветика Исаакяна его младшие собратья по перу. Отношение их к варпету напоминает мне сыновнее внимание и уважение, которое неизменно встречали основоположники новой белорусской литературы Янка Купала и Якуб Колас среди белорусских писателей всех возрастов и литературных направлений.

Исаакян, которого признал первоклассным поэтом такой взыскательный и тонкий судья, как Александр Блок, сказавший о нем, что, может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет — Исаакян принадлежит к тем немногим людям, к которым вполне применимо выражение **живой классик**.

Я вспоминаю одну нашу встречу. Это было два года тому назад в живописном горном городе Дилижане, где Аветик Саакович отдыхал. Нас окружало великолепие лесов, об охоте в которых на оленей увлекательно рассказывал мне страстный охотник и талантливый писатель Вахтанг Ананян. Воздух был чист, прозрачен и тих. Чистой и прозрачной казалась мне и молчаливость поэта, облик которого так проникновенно рисует в одной из своих статей Николай Тихонов:

«В спокойствии, в какой-то уверенной неторопливости движений, в манере говорить, в глубоком взгляде внимательных, чуть прищуренных глаз есть у Исаакяна что-то от народного образа мудреца, справедливого и сердечного, строгого и требовательного».

«Народный образ мудреца» — это очень метко сказано. Таким был покойный мой друг Якуб Колас, таков Аветик Исаакян.

Есть люди, иногда очень талантливые, которые выражают свое самое лучшее в блеске разговора. Такие люди, если они писатели, подчас, будучи замечательными собеседниками, бывают второстепенными литераторами. Исаакян молчалив. Свое лучшее он выражает тогда, когда уходит в глубь себя, когда пишет. И хотя есть у него чудесные эпические произведения, среди них такая вдохновенная поэма о народном гневе, как «Мгер из Сасуна», он, конечно, в первую очередь лирик.

Я не совсем согласен с Н. С. Тихоновым, который говорит в уже цитированной статье: «Отдельные произведения, окрашенные пессимизмом и безысходностью, не были характерными для его творчества в целом». Если говорить о пессимизме и безысходности, то это, разумеется, верно. Но печаль, к которой Тихонов удачно применяет пушкинский эпитет светлая, неизменно сопутствовала Исаакяну в дореволюционный период его творчества. Печаль можно назвать лейтмотивом многовековой армянской поэзии — поэзии того народа, классический роман которого носит выразительное название «Раны Армении». Но печаль Исаакяна, бесспорно, не только и не столько дань традиции, сколько выражение и отражение его горькой скитальческой жизни, а в какой-то мере и черта его личного характера.

Укрываясь от злобы царского правительства и в жадных поисках образования, Аветик Исаакян многие годы своей жизни провел за рубежом родной земли. Отсюда ностальгия — тоска по родине. Тоска по родине — мучительное чувство, но и могучее оплодотворяющее начало. Она дала миру «Мертвые души» и «Пана Тадеуша», она способствовала созданию «Божественной комедии», ею овеяны лучшие лирические страницы Шевченко.

У Исаакяна, как у многих поэтов мира, как в народной поэзии, понятия **родина и мать** не только соприкасаются, а и сливаются. Так было у Шевченко, творчество которого пронизано, как светлым лучом, образом матери, так оно и у Исаакяна. Среди стихотворений его, переведенных Блоком, вспоминается «Моей матери», которое начинается так:

От родимой страны удалился
Я, изгнанник без крова и сна,
С милой матерью
я разлучился,
Бедный странник, лишился
я сна.

А вот окончание:
Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске
припадал бы
И смеялся, и плакал бы, джан!

Стихотворение датировано 1893 годом, значит, его написал совсем еще молодой поэт (Исаакян родился в 1875 году). Место написания — Дрезден, тот самый Дрезден, в котором Мицкевич писал III часть драматической поэмы «Дзяды» — вдохновенный гимн родине, созданный на чужбине...

Армянское слово **джан**, которым кончается стихотворение, означает **милый, дорогой, милая, дорогая.** И, конечно же, тот же эпитет прилагает поэт и к родной земле: **отчизна-джан...**

Пребывание за границей приобщило Исаакяна к сокровищам мировой культуры. Прекрасно владея рядом иностранных языков, он чувствует себя отнюдь не «гостем случайным» в немецкой, французской, итальянской литературе, он глубоко знает классическую древность, он как дома в больших городах Европы. Нечего и говорить, как много значило для творческого развития Исаакяна пристальное и любовное чтение Пушкина, Лермонтова, Чехова, Горького. Трепетной любовью к великому певцу Украины и к народу, его породившему, озарена его статья «На могиле Тараса Шевченко».

Но при всей широте и многообразии литературных интересов, при всей его отзывчивости на все прекрасное, что создано веками и народами, Аветик Исаакян остается глубоко национальным поэтом. Книги этого тонкого знатока мировой литературы неразрывно связаны с творчеством армянских народных певцов — гусанов и ашугов. Творчество Исаакяна — одно из блестящих подтверждений мысли, что подлинный поэт не может не быть поэтом национальным. Именно это и является залогом его интернационального значения.

Окончательное возвращение Исаакяна в 1936 году на родину было для него двойным праздником: он не только прикоснулся снова к родной земле, не только испытал объятия «отчизны-джан», но и увидел свой народ возрождающимся под лучами Октября для новой, лучезарной жизни.

Ныне Армения величаво расцветает в мирных трудах, уверенно вместе со всеми народами Советского Союза строя новую, незакатную жизнь, и народ ее венчает лаврами чело любимого своего сына — чело Аветика Исаакяна.

Книги к 40-летию Октября

Книга о Ленине — вожде и человеке, который любил «природу, пушистый весенний лес, горные тропы и озера, шум большого города, рабочую толпу, любил товарищей, движение, борьбу, жизнь во всей ее многогранности». Таким, великим в большом и малом, предстает Ильич со страниц этой замечательной книги.

«...Великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными».

Эти слова сказаны В. И. Лениным в речи памяти Я. М. Свердлова. Обаятельный образ Якова Михайловича Свердлова встает со страниц книги, написанной его женой Клавдией Тимофеевной Свердловой (Новгородцевой).

Это волнующие воспоминания одного из старейших членов нашей партии. Елена Дмитриевна Стасова рассказывает о борьбе революционеров-подпольщиков против царизма, о тюрьмах и ссылке, о встречах с В. И. Лениным и его соратниками. Значительная часть воспоминаний посвящена послеоктябрьскому периоду.

Двинцы — это революционные солдаты 5-й армии, занимавшей в период первой мировой войны позиции на двинском участке Северного фронта. Издательство «Московский рабочий» выпустило интересный сборник воспоминаний двинцев — участников Октябрьских боев 1917 года в Москве.

Сотрудники Дединовской опытной станции Научно-исследовательского института кормов осматривают участок сеяных трав в колхозе имени академика Павлова, Солотчинского района.

Фото М. САВИНА.

язанские, исконно русские земли.. Если сравнить их с ıми местами, где почвы тучны и богаты, то Рязанщина кажется стороной не щедрой. Но здесь, как всюду, жи- трудолюбивый народ, любящий землю. Богатеет год года колхозная рязанская сторона. И основное ее бо- ство — молоко.

 народе говорят: молоко у коровы на языке. Поэтому занские животноводы, поставив перед собой трудную дачу — получить в 1957 году по 3 200 килограммов моло- на корову в колхозах и по 3 600 килограммов в совхо- , первым делом позаботились о кормах. Густые залив-ные луга, пастбища в перелесках, большие посевы кормо-ых трав, силос — все это поможет рязанцам достигнуть цели.

Строятся новые коровники, свинарники, птицефабрики, вступают в действие сельские гидроэлектростанции, которые обеспечивают колхозные и совхозные фермы дешевой энергией.

Но главный залог успеха — в людях. 25 тысяч юношей и девушек работают животноводами на Рязанщине, и пятая часть их — выпускники средних школ. Переняв у старших все лучшее, соединив его со своим задором и неугомонностью, молодежь быстро двинула дело вперед.

И уже сегодня рязанцы говорят уверенно: все, что намечено,— будет!

Анастасия Васехина окончила де дояркой в колхозе «Советский Орденом Ленина от

Лидия Калинина, Татьяна Хитрова, Анастасия Назарова, Нина Лобанова, Герой Социалистического Труда Екатерина Кузьминична Коврова и Мария Хитрова — все они из колхоза имени Калинина, Шиловского района, и каждая — передовая доярка области.

…пятилетку и стала работать …, Можарского района. …н ее труд.

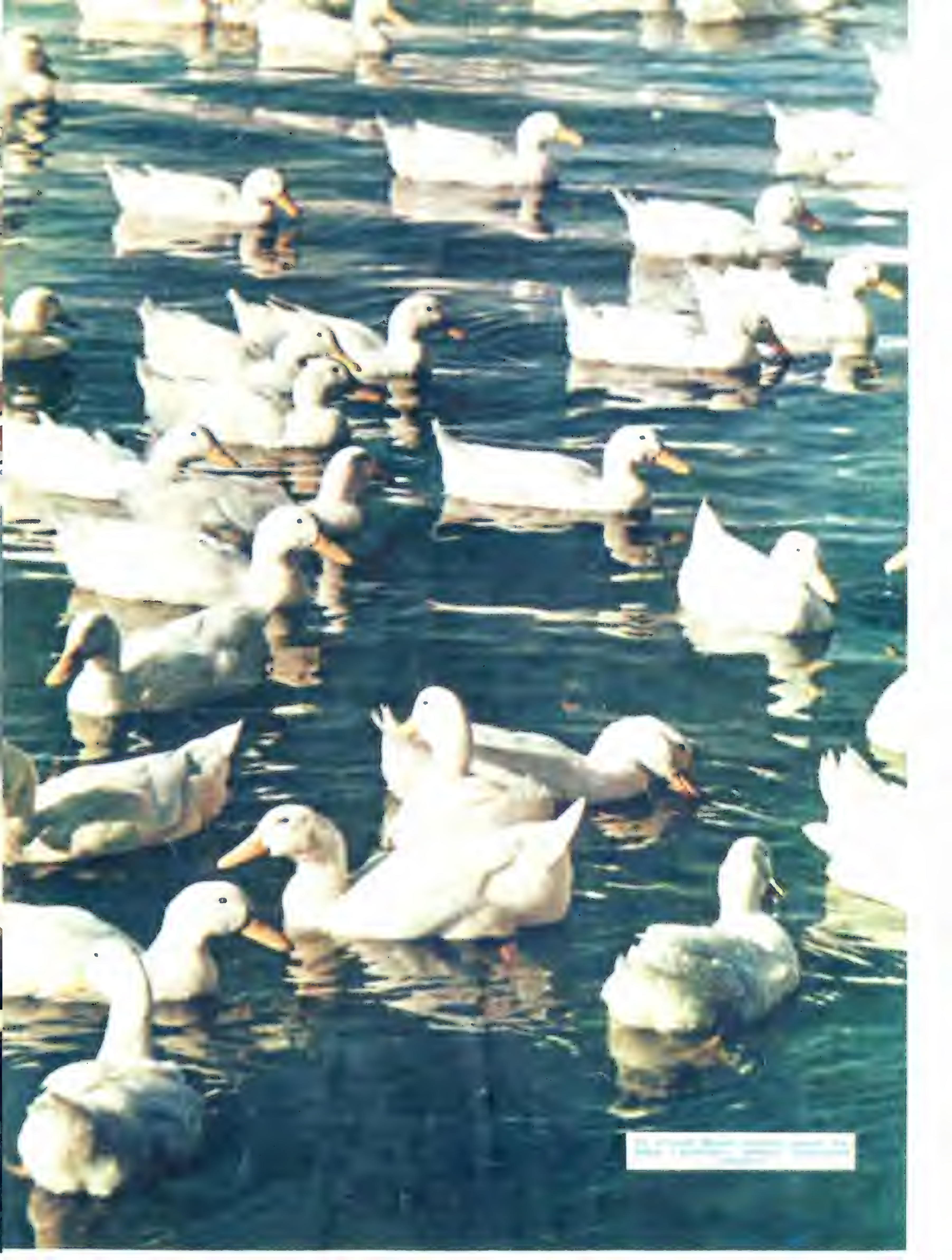

Новый свинарник в колхозе «40 лет Октября» строится из керамических блоков.

Птичница колхоза «Новый путь», Сасовского района, Ф. Г. Савельева.

На вечерней дойке в колхозе имени Кирова, Шиловского района.

Солдатские сыны

С. МЕСЯЦЕВ

Неужели и впрямь они братья, эти два юноши, столь несхожие меж собой? Рослый и худощавый, еще по-мальчишески угловатый Валентин разговорчив, смешлив, улыбается сразу всем лицом: и большим белозубым ртом и ясными, широко раскрытыми серыми глазами. Альберт, наоборот, коренаст, пружинист, и усмешка у него скупая, сдержанная, себе на уме. Судя по сержантским лычкам на погонах Валентина, можно подумать, что старший из братьев он — выпускник училища, завтрашний офицер танковых войск. Но, оказывается, старшинство по службе в данном случае не совпадает с метрикой. Альберт, рядовой курсант, только перешедший на последний курс, родился двумя годами раньше Валентина.

Впрочем, все это не так уж существенно, как не важно и то, что у братьев разные отчества. Валентин Викторович и Альберт Павлович носят одну фамилию, принадлежат к одной семье — известной в Советской Армии «династии» танкистов Михеевых.

— Нам бы дедушку, Дмитрия Федоровича, сюда, он бы уж всю нашу родословную по порядку рассказал,— говорит Валентин.

— Староват нынче дед, далеко ему из Приморья на Волгу путешествовать,— вздыхает Альберт и, помолчав с минуту, обращается к брату:

— А помнишь, Валь, как дедушка нам во Львов меду привозил, когда из Москвы, с выставки, приезжал?

— Плохо помню. У меня с той поры только и осталось в памяти, что ночная бомбежка и как ревели мы с тобой, Алик, когда отцов по тревоге подняли.

Сегодня Альберту и Валентину вместе немногим более сорока лет. И, конечно, далекой, затерянной в ребячьих воспоминаниях представляется им первая ночь Отечественной войны, когда отцы их — Павел и Виктор — вместе с тремя другими братьями Михеевыми повели свою танковую часть к фронту, навстречу гитлеровским полчищам.

У каждого возраста свои масштабы времени. И, пожалуй, будь с нами сейчас старейшина «династии» Михеевых — седой Дмитрий Федорович, он, наверное, отчетливо вспомнил бы о событиях куда более давних — грозных тридцатых годах на дальневосточных рубежах Родины. Часто сообщали тогда газеты о провокациях японских милитаристов, о стойкости и мужестве наших красноармейцев, охранявших границы. В те дни вместе с братом, призывником Павлом, досрочно вступил в армию комсомолец Виктор Михеев. Оба стали танкистами. А через несколько лет по примеру братьев уехали добровольцами на Дальний Восток и следующие по старшинству Михеевы: Федор, Владимир, Иван. Перебрался в далекий таежный край со всею остальной семьей и отец их Дмитрий Федорович, колхозный пчеловод, ветеран гражданской войны.

Служба в танковых войсках стала пожизненной воинской профессией семьи Михеевых. Старшие после срочной и сверхсрочной окончили училища и уже офицерами приняли на Западе первые бои с гитлеровцами. А четыре года спустя громили самураев на полях Маньчжурии младшие братья, Михаил, Семен, Петр.

И вот перед нами второе поколение — Валентин и Альберт. Потомственные танкисты, солдатские сыны, служивая косточка!

Пока еще небогаты событиями их биографии. Но с младенчества тесно переплетены они с делами отцов, с большой жизнью народа. Далеко было до фронтов от приволжского села, куда в первые дни войны эвакуировались из Львова семьи Виктора и Павла Дмитриевичей. Редко приходили туда конверты с менявшимися номерами полевых почт, долгими месяцами ничего не знали о мужьях матери Валентина и Альберта. Один только единственный раз за всю войну, когда ребята начинали читать по складам, в солнечный морозный день подкатили к избе на санях худые, обросшие щетиной, так непохожие на себя отцы. Было с чего постареть и Виктору и Павлу! Двух братьев потеряли в боях, сами глядели в глаза смерти.

Курс географии по школьной программе был еще где-то далеко впереди, а Валентин с Альбертом уже ползали взад-вперед по оставленной отцами потертой фронтовой карте, чертили стрелы наступления, заучивали названия рек и городов, часто звучавшие в оперативных сводках: Северный Донец, Днепр, Висла, Одер... Орел, Киев, Варшава, Берлин...

По-разному сложились судьбы отцов после войны. Инвалидом вернулся в родное село Павел Дмитриевич. Виктор, продолжая военную службу, перевез семью в Алма-Ату. Вдали друг от друга получали аттестаты зрелости Альберт и Валентин, но профессию выбрали одну, будто сговорились заранее: жизнь свела двоюродных братьев в танковом училище имени Фрунзе.

Лестно, что и говорить, сознавать себя потомственным воином. Но немало проходит времени, немало тратится труда, пока из солдатского сына вырастает солдат. И хотя еще дома, в семье воспитана тяга к военной службе, но тяжко приходится на первых пора: курсанту-новичку в воинской среде с ее особым, размеренным и суровым укладом.

Поначалу и побудку проспишь, не услышишь сигнала. Или вскочишь, как встрепанный, а старшина уж глядит на часы: прошли положенные две минуты, опоздал в строй, получай наряд вне очереди. Долгий у курсантов день — от подъема до отбоя, и всегда надо помнить, что в часе шестьдесят минут, а в минуте шестьдесят секунд. Замешкаешься где-нибудь, потеряешь время попусту—и весь распорядок нарушен, весь день насмарку пошел.

Как неудобно чувствуешь себя вначале внутри танка, в тесной стальной башне! Сколько шишек и синяков набиваешь по неловкости, прыгая в люк! С каким волнением берешься впервые за рычаги, как тревожно, недоверчиво щуришься, глядя в прицел, наводя орудие!

Многим постепенно овладевает курсант, многое познает шаг за шагом, во многом обретает уверенность. Ведь солдат-танкист — это и механик, и артиллерист, и радист, и ремонтный рабочий. А офицер и подавно — он и командир и мастер-универсал по всей сложной технике.

Прилежно взялись за учебу братья Михеевы, исполнительными курсантами зарекомендовали себя в училище с первых дней. И от товарищей-однокашников не хочется отставать и отцам частенько приходится «рапортовать» в письмах. Случается порой, устроит по почте «инспекторскую проверку» и сам дед: как, мол, внуки, не срамят ли нашу фамилию?

Нет, не пришлось краснеть ни деду, ни отцам. С хорошими отметками перешел на последний курс Альберт, уверенно готовится к выпуску в офицеры Валентин. Давно уж не в новинку им стремительные марши по размытым дождями равнинам и холмам, походы по снежной целине в пургу и мороз, короткие привалы в палатках и сложенных из ветвей шалашах то в степи, то в лесу. Уверенно водят они боевые машины и через овраги и сквозь дремучую чащу. Преодолевают глубокие рвы, крутые эскарпы и контрэскарпы, форсируют реки, метко ведут огонь из пушек и пулеметов. Давно ли, кажется, братья, впервые надев форму, были озабочены лишь одним: как скорее стать исправными, исполнительными солдатами? А теперь оба курсанта Михеевы испытаны в ролях стажеров, командуя подразделениями вне училища в строевых танковых частях.

— Повезло мне недавно, когда с последней стажировки через Москву возвращался,— рассказывает Валентин.— Вышел из вагона, гляжу, на платформе два полковника: отец и дядя Володя. Вот обрадовали меня!..

Большой радостью была эта встреча и для старшего поколения Михеевых. Полковник Владимир Дмитриевич, окончивший в те дни Академию бронетанковых войск, собирался к новому месту службы. Полковник Виктор Дмитриевич, отслужив в Советской Армии четверть века, выходил в отставку.

— Прибывает нашего полку, братишка,— говорил он, любуясь сержантскими лычками на погонах сына.

Когда пишутся эти строки, Валентин Викторович Михеев, возможно, уже сменил сержантские погоны на лейтенантские: в сентябре он сдает государственные экзамены. Особенно торжественным будет сегодняшний День танкистов и для него, и для брата Альберта, и для всех Михеевых — замечательной семьи советских патриотов.

Курсанты танкового училища братья Михеевы: Валентин и Альберт.
Фото Г. Леонтьева.

НОВЫЕ ДОМА СТАЛИНГРАДА

А. СТАРКОВ

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Взгляните еще раз на обложку этого номера журнала.

Экскаватор рушит старый дом, на месте которого будет воздвигнут новый.

Сталинград строится!

...Беседуем с председателем Исполкома Сталинградского горсовета Александром Васильевичем Дынкиным. Мэр города — исконный его житель. Он покидал город только на время учебы, когда заканчивал в городе Горьком инженерно-строительный институт, и на время войны... После войны руководил в Сталинграде одним из строительных трестов.

— В нашем городе,— говорит Александр Васильевич,— насчитывалось перед войной два миллиона квадратных метров жилья. К концу Сталинградской битвы не оставалось и десяти процентов жилого фонда. Практически города не существовало... А сейчас у нас жилой площади на полмиллиона квадратных метров больше, чем перед войной. И все-таки жилья не хватает. Строители еще отстают от темпов роста населения. В канун войны у нас было 450 тысяч жителей, а нынче 570! И жилищный вопрос остается в городе еще одним из самых острых. Перед вашим приходом я закончил прием посетителей: принял сегодня 50 человек. И почти все, за малым исключением, обращались по жилищным делам... Шутка ли, одних только свадеб ежедневно играется в городе не меньше сорока! А каждая новая семья хочет жить в новой квартире, новой комнате. Ежедневно у нас в среднем рождается 40—50 ребятишек. И каждому такому новому гражданину требуются новые квадратные метры!

Александр Васильевич подходит к окну и, вглядываясь в открывающуюся перед глазами строительную панораму, продолжает:

— Да, строить нам еще и строить! В прошлом году ввели в строй 155 тысяч квадратных метров, а в этом запланировано почти в два раза больше — 261 тысяча! Кстати, о планах. До нынешнего года наши строительные организации ни разу еще не выполнили план. И не только потому, что плохо работали. Много сил и времени отнимала подготовка «тылов». У нас мало было своих строительных материалов. Приходилось завозить издалека. Правительство решило построить у нас завод железобетонных конструкций, силикатный комбинат, цементный, шиферный и керамический заводы. Это отняло много средств, много рабочих рук. Но зато теперь у нас все свое. И впервые за все эти годы наши строительные тресты идут с превышением планов. Есть реальная возможность приблизиться к концу года вплотную к 300 тысячам квадратных метров. А на будущий год будем бороться за все четыре сотни! Вот что значит «тылы». С них, с «тылов», я и советую вам начать. Поезжайте-ка на силикатный.

Едем. Силикатный в Разгуляевке, районе города, где шли когда-то самые упорные бои. В Разгуляевке все было сметено, и в том числе стоявший тут кирпичный заводишко. На его месте теперь огромный комбинат — два завода, выпускающих в год 260 миллионов силикатных кирпичей. На четырехэтажный дом в 30 квартир идет примерно миллион штук. Значит, комбинат «выпускает» в год 260 четырехэтажных домов! Почти по дому в день... На комбинате мало рабочих, много машин. Они добывают песок в карьере тут же около завода, перемешивают с известняком, потом формуют эту мокрую смесь, опаривают, превращают в кирпичи и доставляют на сдаточную площадку.

На этой площадке мы как раз и стоим с главным инженером комбината Арамом Погосовичем Адамяном. Мимо нас двумя нескончаемыми потоками идут машины — справа груженые, слева — порожняк.

— Вчера выдали на-гора́ 920 тысяч штук,— говорит Адамян.— Хоть бы один кирпичик остался. Все под метелочку забрали. Клиенты спешат, «с пылу, с жару» забирают у нас продукцию...

— А куда она идет?

— Во все концы города.

В отделе сбыта нас знакомят с сегодняшними маршрутами. Мы выбираем из них три и отправляемся по этим маршрутам.

Первый — самый короткий.

Совсем рядышком с комбинатом — в чистом поле — вырастает чудесный белый городок, который строится рабочими этого комбината из собственной же продукции. Тридцать четыре одноквартирных домика уже собраны. Сейчас собирают тридцать пятый. Делают это три человека: крановщик Александр Гаврилов и два монтажника — Сергей Трифонов и Александр Лазарихин. Вот так втроем они собрали и те тридцать четыре, которые теперь уже под отделкой. Домики эти не из отдельных кирпичей, а из целых силикатных блоков, которые тоже выпускаются комбинатом. На сборку стен коттеджа уходит день — полтора. Гаврилов подхватывает стрелой кусок дома, скажем, угол или часть фасада, а монтажники ставят этот блок на отведенное ему место. Тридцать пятый дом предназначен самому Гаврилову и его семье. Фронтовой шофер, защищавший Сталинград, отморозивший ноги на реке Миус, а ныне отличный кровельщик, Гаврилов заслужил право на хорошее жилье. А дом у него будет хорош!

Второй маршрут — в Заканальный район. Он называется так потому, что расположен за Волго-Донским каналом, который берет свое начало у южной окраины Сталинграда. Вот тут уж действительно в самой настоящей, неподдельной степи, раскинувшейся так, что ее и глазом не охватить, вырос город. Разве 280 домов с населением в 40 тысяч — это не город? Он поднялся за каких-нибудь три — четыре года. Здесь строит государство! Здесь представлена строительная индустрия во всей ее мощи: башенные краны, экскаваторы, транспортеры, контейнеры. Одних лишь башенных кранов двадцать шесть! Дом не строят — собирают. И вся сборка, начиная с нулевого цикла — с рытья котлована, с прокладки коммуникаций,— полностью механизирована. Сейчас «в ходу»— в сборке — шестьдесят домов.

Третий маршрут, по которому бегут сегодня машины с кирпичом,— на северную окраину города, в район Тракторного завода, в Горный поселок. В этом поселке, а точнее на Селезневом буг-

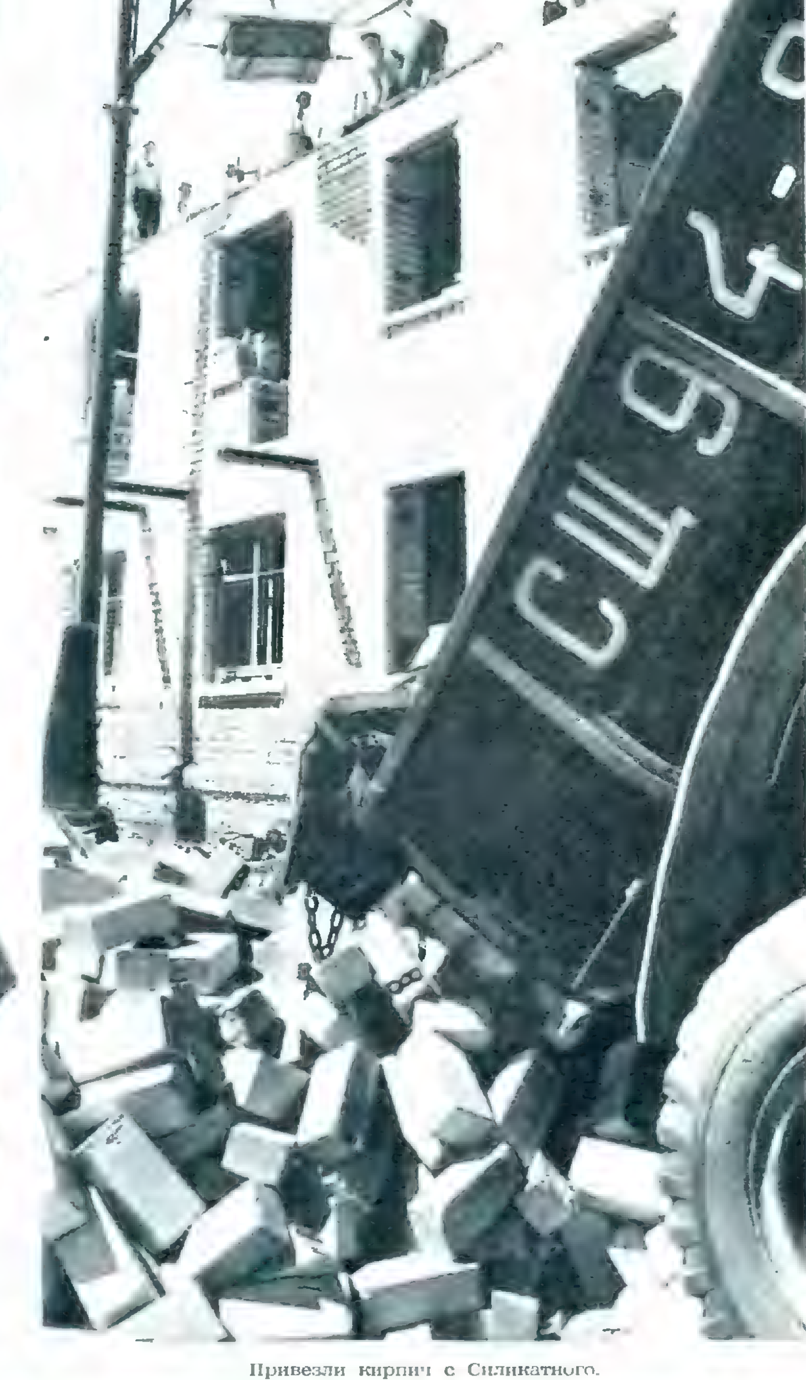
Они строят себе дом — слесарь Николай Иванович Диденко и его «подручный» — сын Юра.

ре, тракторозаводцы строят своими силами сорок три двухэтажных дома. По примеру горьковчан!

...В прорабской, маленьком домике-времянке, берем интервью у пожилого, очень сурового на вид человека, оказывающегося весьма разговорчивым. Это Иван Николаевич Гуськов, старый балтийский моряк, служивший еще до революции на крейсере «Петр Великий». В гражданскую воевал на Каспии — «у Кирова, Сергея Мироновича». В партии «с двадцатого». В мирную пору «партия бросила на строительство: где только не строил, всю страну изъездил». В Отечественную «был комиссаром у Потапова» — в отряде морской пехоты, которым командовал бесстрашный полковник Потапов. Отряд сражался в Севастополе до последнего патрона...

Вот какой человек руководит

Так выглядит стройка на южной окраине Сталинграда, там, где берет начало Волго-Донской канал имени В. И. Ленина.

Привезли кирпич с Силикатного.

Семья токаря Тракторного завода В. М. Матасова уже получила ключи от своей будущей квартиры в доме, который рабочие строят своими силами.

Семья врача А. И. Гусева переселена в новый дом из того самого старого домика, который уже сносит экскаватор (см. обложку журнала). На снимке: Александр Иосифович занят генеральной уборкой.

На сдаточной площадке силикатного комбината.

стройкой на Селезневом бугре!

— Строим для 550 семей... Как строим? А вот выгляните в окно. Кипит работа! Никого не надо подгонять. Наоборот, нас, руководителей, подгоняют. То кирпичей требуют, то шифера, то краски. Да, уже краска нужна. Несколько домов готовы. У чугунолитейщиков, например. Мы уже почти всем ключи выдали от квартир. С ключами в кармане веселее трудиться. Вот посмотрите, в доме слева окна уже моют... Скоро новоселье!

Выходим из прорабской. Идем с Гуськовым мимо строящихся домов. Сегодня суббота, трудовой день на заводе был короче, и на стройке особенно оживленно. Многие пришли целыми семьями. Дома в разной готовности: некоторые уже оштукатуриваются внутри, красятся, другие подведены под крышу, третьи еще в кладке. У одного из таких домов, где трудятся каменщики, видим молодую женщину в синей спецовке, в красной косынке. Эти цвета очень идут ей. Она подает каменщику раствор. Знакомимся.

— Кочкина Аня,— называет она себя.

— Где работаете? Кем?

— В цехе пусковых двигателей. Фрезеровщица.

— Это дом вашего цеха?

— Нашего. А вон моя квартира. Балкон и окно. Однокомнатная. С кухней.

— А кто там на подоконнике стоит? Муж?

— Нет, это Витя Морозов. В цехе он токарь. А здесь каменщик. Он себе квартиру уже выложил. По соседству с моей. Теперь мне стенку кладет.

— У вас семья?

— Муж, дочка.

— А где же ваш благоверный, почему не помогает?

— Он во флоте служит. На Черном море. Скоро вернется.

— А к осени как раз и квартира будет готова?

— Конечно!

— Ну счастливого вам новоселья!

Этим пожеланием всем сталинградцам мы и заканчиваем наш репортаж.

Своими силами!

Письма из тюрьмы

11 сентября исполняется 80 лет со дня рождения Феликса Эдмундовича Дзержинского — героя Октябрьского восстания и одного из его руководителей.

Семнадцати лет встав на путь революционной борьбы, Дзержинский почти четверть жизни (11 лет) провел в царских тюрьмах, на каторге, в ссылке.

Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского подробно освещены в многочисленных монографиях, статьях, исследованиях. Наименее известен последний год его пребывания в тюрьме (февраль 1916 — февраль 1917 г.). Сам Дзержинский так писал в автобиографии об этом периоде своей жизни: «после начала войны, вывозят в Орел, где и отбыл каторгу, пересылают в Москву, где судят в 1916 году за партийную работу периода 1910—1912 гг. и прибавляют еще 6 лет каторги».

Мы обратились к жене Феликса Эдмундовича и его товарищу по партийной работе С. С. Дзержинской с просьбой поделиться воспоминаниями об этом периоде жизни Феликса Эдмундовича. Софья Сигизмундовна находилась в ту пору в эмиграции, в Швейцарии, бежав в 1912 году из Иркутской губернии, куда она была сослана на вечное поселение за революционную деятельность. У Софьи Сигизмундовны хранятся не публиковавшиеся ранее письма, полученные ею от мужа из тюрьмы.

Еще два неопубликованных письма того же периода (к брату) хранятся у племянницы Феликса Эдмундовича — Софьи Владиславовны Дзержинской.

Посылать письма из тюрьмы можно было редко. Разрешалось писать только о семейных и личных делах. Письма проверялись тремя цензурами: тюремной, жандармской и военной. Поэтому в них много намеков, иносказаний, условных фраз.

С разрешения Софьи Сигизмундовны и Софьи Владиславовны публикуются некоторые выдержки из этих писем, рисующих облик человека, сочетавшего в себе качества борца-революционера и чудесного семьянина.

13 марта 1916 года. Письмо из Орловской губернской тюрьмы.

«Дорогая Зося моя! Уже две недели, как меня перевели в губернскую... Распоряжением Сената дело мое и других передано в Московскую Судебную палату, так что суд, наверное, будет до окончания войны. Ожидаю с нетерпением вестей от тебя, сам пишу только открытку — нет как-то настроения писать много. Жизнь мою знаешь, сижу в общей камере, нас 28 человек... занимаемся немного и время проходит. Я совершенно здоров. Целую Ясика* крепко и обнимаю вас, сердечные приветы родным и знакомым. Твой Феликс».

«Занимаемся немного...» Жене ясен скрытый смысл этой фразы. Феликс Эдмундович верен себе: он при любых условиях остается неутомимым пропагандистом теории и практики революционной борьбы.

В конце марта Дзержинского переводят в Москву, в губернскую тюрьму на Таганке. Оттуда он 1 мая шлет Софье Сигизмундовне открытку:

«Дорогая Зося моя! Я только вчера вечером получил твои письма от 27/II и 15/III с цветками от Ясика. Теперь посылаю открытку, а после суда напишу больше. Я беспокоился сильно, но я знал, что письма ко мне задерживаются из-за моего перевода в Москву, и ждал терпеливо, и дождался. Много грусти и тоски чувствуется в письмах твоих и радости Ясиком. Я завидую тебе. Кажется, с какой безумной радостью я закопался бы где-нибудь в глуши, вместе с Ясиком.., где были бы только мы — целый мир, и теплые лучи солнца, и прохладная тень лесов, и вечно тихая песнь воды, нежные цвета лугов и неба...

...Суд у меня через три дня. Защитник у меня есть. Я получил вчера от г. присяжного поверенного Козловского из Петрограда открытку, он пишет, что ты к нему обращалась с просьбой защищать меня, но он мне не нужен. Я его постараюсь об этом уведомить. Зося! Обо мне не беспокойся, даю тебе слово, что я обеспечен материально на все время заключения...»

Таганская тюрьма, 16 июня.

«Дорогая Зося! Я только что получил твое письмо от 5/VI с карточкой Ясика... Пишу пока открытку... Напрасно, дорогая, беспокоишься из-за меня, мне меньшего приговора дать не могли, и я ожидал большего, поэтому приговор не поразил меня. Осталось мне три года. По всей вероятности буду здесь отбывать в Москве — в Бутырской тюрьме, куда через две — четыре недели переведут. Я совсем здоров. Питаюсь даже слишком хорошо для такого тяжелого времени. Поддержки у меня есть больше, чем нужно, и поэтому ты совершенно напрасно мне прислала. Ведь я знаю, что теперь тебе приходится особенно тяжело, и поэтому не делай этого, дорогая. Мне так тяжело, что я сам ничем не могу вас поддержать, а быть еще самому тяжестью — это уже слишком... Еще раз прошу тебя, дорогая, обо мне будь спокойна и если лучше вам будет уехать к отцу[1], то уезжайте, ведь война когда-нибудь кончится. А мыслями мы будем вместе. Поэтому до свидания, целую вас обоих крепко. Ваш Феликс».

И в самом конце приписка: «Ясику уже 6-й год пошел. Большой уже сынок наш».

Дзержинский тоскует о сыне, о сыне, которого он видел всего один раз. Когда в марте 1912 года Софью Сигизмундовну выслали из варшавской тюрьмы «Сербия» в Сибирь, девятимесячный сын Дзержинских был помещен в детский дом. Туда весной этого же года, назвав себя дядей ребенка, пришел Феликс Эдмундович, находившийся тогда на нелегальном положении. Он пробыл с сыном пятнадцать минут.

21 июля Дзержинского переводят в московскую каторжную тюрьму Бутырки. Режим там зверский. Не разрешается даже держать в камере фотографии родных. Когда Софья Сигизмундовна прислала мужу карточку Ясика, то Дзержинскому ее не показали, хотя и заставили расписаться в получении.

Тюремная больница, 17 августа.

«Милая, дорогая Зося моя!.. Я теперь нахожусь в тюремной больнице, но я болен не опасно: растяжение мышц на ноге, скоро пройдет без следов и я вернусь должно быть на-днях в Бутырки. Пиши мне туда. И не беспокойся — пишу сущую правду. Сестра[2] ходит ко мне. На-днях была жена Владека[3]... Целую тебя и Ясика горячо и обнимаю вас крепко. Феликс».

Ф. Э. Дзержинский в рабочем кабинете. 1922 год.

Но на этот раз Дзержинский — человек, которому органически претила даже малейшая ложь, написал не «сущую правду». Совсем не из-за «растяжения мышц» попал он в больницу.

От кандалов на ноге образовалась глубокая рана, и возникла реальная угроза заражения крови. Работники Главного архивного управления обнаружили и показали Софье Сигизмундовне медицинский акт, составленный 1 августа в московской тюремной больнице. В нем говорится, что «ссыльно-каторжный арестант Дзержинский Феликс... страдает правосторонним экссудативным плевритом и нуждается в снятии с него ножных оков». Прошли август, сентябрь, октябрь... Дзержинский по-прежнему ходил в кандалах. Их сняли только 23 ноября, и то лишь «на время работ в военно-обмундировальной мастерской».

29 августа из больницы Феликсу Эдмундовичу удается тайно переслать письмо младшему брату Владиславу.

«...Когда я воспоминаниями обращаюсь к нашим годам в Дзержинове, меня охватывает трогательное чувство, я вновь ощущаю радость моих тогдашних детских настроений... В эти минуты я хочу очутиться в наших лесах и слушать шум деревьев, песни лягушек — всю музыку нашей природы. Может быть, в жизни мне и давала силу эта музыка леса, музыка моих детских лет, которая и сейчас все время играет в моей душе гимн жизни. Изменился ли я? Не знаю. Молодость уже прошла. Много борозд — и не только на лбу — вспахала жизнь... Я ни о чем не жалею, кроме чужой муки: желая жить сам в правде, я должен был причинять боль любимым. Такова жизнь — без показной сентиментальности, без уныния — богатая и глубокая. А в жизни общественной? Я весь сросся не только со своими мыслями, но с массами, и вместе с ними я должен пережить всю борьбу, муки и надежды. Я не жил никогда с закрытыми глазами, устремленными только в свою мысль. Я никогда не был идеалистом. Я познавал сердца человеческие, и мне казалось, что я чувствую каждый удар этих сердец... Я жил, чтобы до конца выполнить свое назначение и быть собой. А теперь ты знаешь условия моей жизни — уже четыре года пройдет через несколько дней, как я вынужден жить без жизни. Я думаю, чувствую, но эти мысли и чувства мертвы,— как будто в недвижимом болоте, как во сне без сна... Бессилие и бесполезность. Но мой мозг не дает мне покоя. Я все должен пережить, что мне суждено, — до самого конца. Иначе быть не может. И я спокоен. И хотя я не знаю, что меня ожидает.., но

* В 1911 году в Варшавской тюрьме у Дзержинских родился сын Ясик.

[1] В Варшаву. Она была тогда оккупирована немецкими войсками, и поэтому Феликс Эдмундович думал, что там его жена не будет подвергаться опасности ареста и каторги за побег из Сибири. Но германские власти не разрешили Софье Сигизмундовне вернуться в Варшаву.

[2] Ядвига Эдмундовна Дзержинская.

[3] Софья Викторовна — жена брата Владислава.

мысль моя все время рисует образы будущего, которым все увенчается. Я оптимист помимо всего.

Больше всего я тоскую по Ясику. В июне ему исполнилось пять лет. Он немного больной, у него слабое горло, очень добрый и способный ребенок, только слишком нервный. Я всегда любил детей. С ними чувствовал себя сам беззаботным ребенком, с ними мог быть самим собой. Я получаю довольно часто от Зоси[1] письма о нем. И они должны мне его заменить. После него мне больше всего недостает того, что я не могу общаться с природой. Эти серые стены, эти колодцы сковывают душу, обесцвечивают все... Зося[2] тебе говорила, что она была у меня на свиданиях в Москве. Передай ей сердечный привет и поцелуй маленькую Зосю[3] от дяди. Она стоит перед моими глазами как живая, когда была еще в Выленгах[4], она была такой живой... Письмо это я посылаю тебе через оказию. Поэтому пишу по-польски. Завтра я уже выписываюсь из больницы, поэтому пиши мне в пересыльную... Получение этого письма подтверди мне открыткой. Феликс».

Еще через несколько дней, 2 сентября (теперь уже легальным путем), Дзержинский снова пишет брату:

«Я подручный в военно-обмундировальной мастерской[5]. После четырех лет почти все время проведенных в одиночке — я устал от бездеятельности, время тянулось без конца — при сознании своей оторванности и ненужности... И вот пока до известной степени работа физическая лечит меня — сам механический труд, заполненный им день. Если бы пришлось самому работать, работа скоро стала бы в тягость, но я работаю с другими, и время проходит. Могу о том, что мучает мысль, не думать и не переживать вечно того же. Жизнь однообразна и пуста — но ведь такая судьба и я не ропщу. Таков мой удел. А в душе все та же песнь жизни ликующей, все та же музыка величия и красоты и все та же мечта — жизнь. Да — я остался тем же, хотя зубы мои уже не все целы и не так остры. Ведь мне уже 40-ой год идет и молодость безвозвратно ушла — и способность быть так впечатлительным и непосредственным, как раньше... Когда-то нам придется поговорить по душам? Здесь на свидании это невозможно, они тягостны ужасно, дают сразу многим, те кричат, чтобы их родные слышали, и в результате почти ничего не слышно от гула голосов. Я хотел бы с тобой иначе повидаться и я надеюсь, что придет время, когда можно будет и мне быть у нас в деревне, и мы съедемся там, и снова услышу шум нашего бора, и тогда мы отведем души. Я ведь не раз думаю о нашем Дзержинове как о сказке, что там восстановятся все силы мои и молодость вернется. Ведь я там был последний раз в 92 г., а во сне я часто вижу дом наш, и сосны наши, и горки белого песку, и канавы, и все, все, до мельчайших подробностей...».

---

[1] Жена.
[2] Жена брата.
[3] Племянница.
[4] Хутор недалеко от Люблина, где Дзержинский часто скрывался от полиции.
[5] В Бутырской тюрьме.

«ТОВАРИЩ ЮЗЕФ»

Моника **ВАРНЕНСКА**,
польская писательница

Край, к которому я часто рвусь мыслью и сердцем, край моего детства, Домбровский бассейн... Это — польский Донбасс. На этой земле раньше других разгорались в прошлом огни рабочей борьбы. С Домбровским бассейном связана память о многих деятелях польского революционного движения. Сюда возил груз нелегальной литературы товарищ Людвик Варынский, один из организаторов первой нашей революционно-социалистической партии «Пролетариат». Сюда приезжала Роза Люксембург, здесь бывал Юлиан Мархлевский. Но никто не был связан с Домбровским бассейном столь крепко и прочно, сколь человек, которого и по сей день там помнят как «товарища Юзефа». Этим человеком был Феликс Эдмундович Дзержинский.

* * *

Бендзин, Сосновец, Домброва, Заверце... Кошелев, Ксавера, Селец... В промышленных городах и в рабочих поселках всюду хорошо знали и любили «Юзефа». Старые его товарищи поседели за долгие годы труда и борьбы, но помнят его отчетливо, как и прежде.

Товарищ Якуб Скальский — старый коммунист. Спину его согнуло время, волосы припорошило инеем, но он все еще подвижен и энергичен. Когда-то рабочий завода цинковых белил «Феникс» в Бендзине, а ныне директор того же завода, он снисходительно улыбается, когда я спрашиваю его:

— Хорошо ли вы помните товарища Дзержинского?

— Помню ли я Дзержинского?.. Еще бы! Я познакомился с ним во время революции 1905 года. Настоящей его фамилии мы тогда, конечно, не знали. Он успевал сразу бывать всюду: и на шахте «Приж» в Домброве, и на «Ренарде» в Сосновце, и на заводах «Катажина» и «Банкова». Мы тогда еще не знали, что придет время, когда именно «Банкова» — завод с большими революционными традициями — будет носить его имя.

Корабль «Феликс Дзержинский» построенный в Гдыне.

На минуту воцаряется задумчивое молчание.

— На молниеносно организованных рабочих собраниях, часто под открытым небом, «товарищ Юзеф» горячим словом поднимал рабочих на борьбу...— продолжает дальше Скальский.— Он всегда подчеркивал, что общая великая цель объединяет русских и польских рабочих, что мы должны помогать друг другу забастовками и политическими выступлениями против царизма...

В архиве шахты «Ренард» сохранились интересные документы, проливающие свет на революционные события 1905 года. Среди них — встревоженные телеграммы, которые посылала дирекция шахты в Париж, где помещалась резиденция правления акционерного общества.

«31. X. 1905... Генеральная забастовка. Со вчерашнего вечера шахта «Ренард» стоит... Открыто раздаются прокламации социалистов. Население возбуждено, но происшествий нет...

1. XI. 1905... Сегодня после полудня, между 2 и 3 часами дня, на территорию шахты, несмотря на сопротивление охранников, ворвалась группа примерно из тысячи человек. Были по-польски произнесены революционные речи. Потом банда двинулась в направлении завода «Катажина», неся красные знамена с написанными на них революционными лозунгами»...

Шахтеры «Ренарда» в эти дни тайно принимали у себя «Юзефа». Прежде чем успевали набежать стражники и хозяйские холуи, «Юзеф» исчезал как тень: рабочие выводили его тропками и ходами, которые были известны только им...

Осенью 1905 года на «Ренарде» началась забастовка навалооткатчиков. Условия труда были невыносимыми, рабочие требовали хотя бы грошовой надбавки, но дирекция ничего не желала слушать.

— Тогда ко мне явился товарищ Владислав Ясинский — его направило в Домбровский бассейн главное правление «Социал-демократии Королевства Польского и Литвы». На следующее утро я повел его на шахту «Ренард», где работал тогда помощником на подъемной машине. Товарищ «Юзеф» поднялся на импровизированную трибуну из ящиков и досок, но в ту же минуту на территорию шахты вступили солдаты. Командовавший ими офицер подошел к «Юзефу» и спросил, что, собственно, тут надо «г-ну Дзержинскому». «Юзеф» спокойно ответил, что ему необходимо сформулировать требования, обеспечивающие элементарные нужды рабочих. И тут произошел факт, возможный только в революционных условиях тогдашнего Домбровского бассейна, который в 1905 году называли «рабочей республикой»: офицер, то ли опасаясь отпора горняков, то ли не будучи уверен в собственных солдатах, браво козырнул и покинул площадь вместе со своим воинством! Дзержинский мог говорить дальше и говорил так, как умел только он один...

Спадала после 1905 года волна революционной борьбы. Но рабочее движение не умерло — оно лишь глубже ушло в подполье. В эти годы товарищ «Юзеф» снова приезжал в Домбровский бассейн.

Останавливался он чаще всего у товарища Сверчевского, в колонии «Флота». Через много лет с теплотой и сердечностью вспоминает товарищ Сверчевский характерную черту Дзержинского, которая особенно ярко проявилась в трудном послереволюционном 1907 году: любовь к детям. Дзержинский организовал тогда помощь детям лодзинских текстильщиков — помощь доподлинно рабочую, пролетарскую: шахтеры и металлурги приглашали к себе детей из семей беднейших текстильщиков, попавших в беду из-за локаута хозяев.

Известный в Польше писатель Люциан Рудницкий приводит слова Феликса Дзержинского, сказанные им тогда, во время спада революционной волны: «Мы — знаменосцы и потому не выпустим знамени из рук. Печально, что нас теперь стало меньше вокруг него, но это явление преходящее...»

Это были пророческие слова.

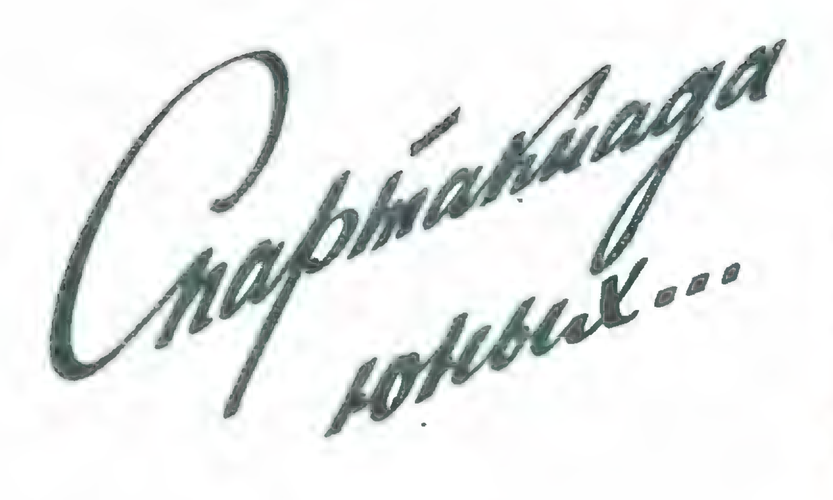
* * *

Когда идешь по дорогам Домбровского бассейна, то на первый взгляд кажется, что тут немногое изменилось с того времени, когда по улицам и переулкам здешних городов и поселков быстрым шагом проходил товарищ «Юзеф». Так же на рассвете гудит заводской гудок, скрипят огромные колеса шахтных подъемников, из фабричных труб вырываются клубы дыма.

Но теперь эти шахты, заводы, фабрики принадлежат тем, кто пятьдесят лет назад шел в огромной толпе демонстрантов по улицам городов и поселков Домбровского бассейна, громко повторяя слова пролетарского гимна:

Никто не даст нам
избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой...

Бережно хранят здесь память о тех, кто своей волей и разумом, пламенной мыслью и жарким сердцем разжигал огонь революции, приближая славный день рабочей победы!

Ник. КРУЖКОВ

Фото Я. Рюмкина.

Владимир Ивашкин взял высоту 188 сантиметров.

В эти дни красавица Рига была заполнена молодежью, приехавшей сюда со всех концов Советского Союза. Количество черноголовых и темноволосых заметно возросло в белокурой Латвии. На улицах слышалась армянская, грузинская, таджикская, узбекская речь. Все спортплощадки и стадионы работали полным ходом. В Риге происходила IV Всесоюзная спартакиада школьников. У заборов и на деревьях кучками и гроздьями стояли и сидели юные болельщики, напряженно следившие за ходом состязаний; неважно, что нет билетов, ребячье любопытство и живой интерес к спорту превозмогали все препятствия, главное из которых — излишняя суровость взрослых «дядей» и «тетей», оберегавших юных спортсменов от излишнего, по их мнению, внимания. На улицах часто встречалась молодежь в спортивных костюмах — всегда дружными группами. В часы, свободные от соревнований, как не побродить по латвийской столице, не посмотреть этот город, славящийся своей неповторимой, своеобразной красотой! Жаль только, что в эти дни все время капризничала неверная балтийская погода: то заморосит дождевой мелочью, то польет как из ведра по всем правилам «переменных осадков», то подразнит на короткое время веселым солнцем, а затем снова нахмурится.

Но погода не смущала молодых спортсменов, они сражались настойчиво и упорно; свойства эти взращены в них славными традициями советского спорта.

Четыре тысячи участников, 19 команд из 15 советских республик,— это все знаменосцы спорта юных, его передовики; за ними необозримые ряды молодежи великого государства, вовлеченной в спорт, любящей его, отдающей ему свой досуг и свои нерастраченные силы. Это была своеобразная «малая спартакиада народов СССР», ибо здесь присутствовала молодежь со всех концов необъятного нашего Отечества — не только «от финских хладных скал до пламенной Колхиды», но и от лесов Полесья до охотских угрюмых вод. Любовались мы на этой спартакиаде статной, жизнерадостной, веселой и крепкой нашей молодежью, при виде которой хотелось приветливо воскликнуть: «А ну-ка, сынку!..»

Играет Томас Лейус.

Что то «заело». Пришлось отстать от подруг.

Через три года в Риме назначены XVII олимпийские игры, и наверняка можно сказать, что честь советского флага будет поддерживать вот эта сегодняшняя молодежь, заполнившая спортплощадки и стадионы латвийской столицы. Недаром так внимательно-изучающе следили за развитием соревнований ветераны спорта, мастера, судьи и тренеры. Они записывали в свои блокноты имена, количество очков, минуты и секунды, определявшие спортивные качества вот этих нынешних юнцов, которым принадлежит завтрашний день нашего спорта. Отлично играет в теннис голубоглазый белокурый юноша эстонец Томас Лейус. Кто знает, может быть, завтра он будет звездой советского тенниса! Где-то в Стрые, на Западной Украине, живет и учится Тамара Сероштан. Уже сейчас она берет высоту в 160 сантиметров, но это — только начало. Способности этой «прыгучей девочки», несомненно, разовьются. Дочь заслуженного мастера спорта Оля Шагина показала себя отличным капитаном волейбольной команды. Что же, может быть, дочь в будущем затмит славу отца, создав династические, семейные спортивные традиции.

С захватывающим интересом смотрели зрители футбольный поединок между командами Армении и «Трудовых резервов». Победили со счетом 2:1 «резервисты», но о поединке этом можно заметить, что и победители и побежденные стоят друг друга. Недаром один из игроков команды Армении, Шахбазян, сказал:

— Мы не потерялись, в будущем году еще раз встретимся, тогда посмотрим...

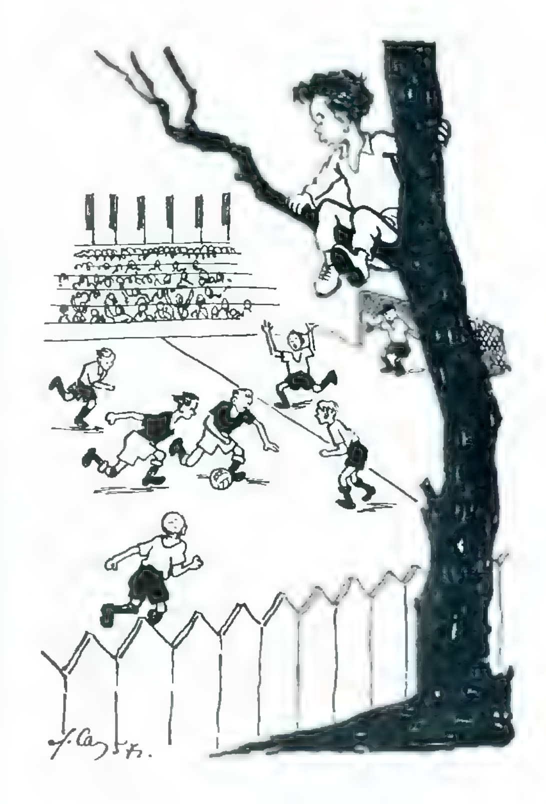
Заслуженный мастер спорта Галина Турова хорошо охарактеризовала основную черту соревнований: «Что же мне нравится в выступлениях молодых спортсменов? Упорство и настойчивость, тот особый задор, спортивная злость, без которых немыслима победа. Отрадно видеть, что ни ветер, ни дождь не гасят этого огонька, не снижают воодушевления юных, желающих во что бы то ни стало принести победу своей команде».

Отрадно и то — можно добавить к сказанному,— что воодушевлением были охвачены не только участники состязаний, но и юные зрители, которые радостными воплями выражали свой восторг в адрес каждого победителя, независимо от того, какую республику он представлял. Может быть, и в этих толпах молодых «болельщиков» зреют резервы нашего спорта — сегодня парнишка «болеет и переживает», а завтра, глядишь, и сам вступит на манящую дорожку спортивных состязаний.

Из 4 тысяч участников спартакиады около 450— мастера спорта и перворазрядники. Кто из них удержится, устоит, достигнет новых пределов, взрастет, добьется высокого спортивного мастерства, гадать не будем. В командных соревнованиях победили Москва, Украина, Грузия; им принадлежат по количеству очков первые три места. Но и остальные республики показали, что всюду под солнцем нашей страны растет добрая, хорошая, сильная молодежь.

И тут дело не только в спортивных достижениях, но еще и в том, что спартакиада юных показала физическое и духовное, моральное здоровье нашей молодежи. Не берусь судить, сколько наш спорт получит в результате проведенной школьной спартакиады новых великолепных прыгунов, пловцов, футболистов, теннисистов. Но берусь утверждать, что такие соревнования оздоровляют и возвышают дух нашей молодежи. «Стиляг» я на стадионах не видал: им все это неинтересно, «скюшно».

Еще одну черту спартакиады хотелось бы отметить — ярко проявившуюся на стадионах и улицах Риги дружбу народов, дружбу советской молодежи всех национальностей. Рига многое видела на своем веку, но, наверно, и старым рижанам запомнились эти дни, когда вместе с латышами, обнимаясь, смеясь, радуясь, шли по улицам юноши и девушки из Грузии и Таджикистана, из Москвы и Таллина, из Вильнюса и Хабаровска, Еревана и Ташкента — черноголовые и белокурые, смуглые и светлые,— братья по сердцу и духу. Как будто само солнце разбросало по Риге веселые блики: где молодежь, там всегда больше жизненных красок, тепла и радости...

Запасной игрок.
Изошутка Л. Самойлова.

Сентябрь 1944 года. Встреча советских воинов и болгарских партизан в Софии.

ТРИНАДЦАТАЯ ПОБЕДНАЯ ОСЕНЬ

(Письмо из Болгарии)

Богомил НОНЕВ

Бывают дни, по своему значению составляющие целую эпоху. Для болгарского народа таким днем был день 9 сентября 1944 года.

...Невыносимо тяжелыми были годы, когда в Болгарии свирепствовал фашизм. Лучшие сыны народа погибали в тюрьмах и концлагерях, но все крепче закалялась воля болгарского народа к борьбе за свободу. В горах развевалось красное знамя партизанского движения. В городах развернулась нелегальная работа. В селах поднимались крестьяне. Взоры всего болгарского народа были обращены на север, туда, где Советская Армия расправлялась с многоголовой гидрой гитлеризма.

9 сентября 1944 года. Советская Армия перешла болгарскую границу. «Смерть фашизму — свобода народу!» — эти пламенные слова гремели повсюду. Их несли тысячи болгарских партизан, которые боролись за желанную свободу.

Народ ликовал, пел, охваченный самой большой радостью — радостью освобождения. Со всех сторон сбегались горожане и крестьяне, чтобы встретить танки Советской Армии. Бойцов приветствовали по старому народному обычаю — хлебом-солью, как в свое время встречали русских воинов, разгромивших турецкую армию при Шипке и Плевне. Люди плакали от радости, целовали советских бойцов, усталых, покрытых пылью. Самые храбрые сыны болгарского народа вместе с освободителями направлялись дальше бить фашистского зверя — к Македонии и Сербии, Словении и Венгрии, к Австрии.

9 сентября открылась новая страница в истории Болгарии.

С тех пор прошло 13 лет. Вначале было трудно. Бывали недороды и засуха, враги готовили удары из-за угла. На мирной конференции в Париже от Болгарии хотели оторвать куски ее исконной земли. Но это уже была не прежняя Болгария, стонавшая под сапогом кровавой династии и ее слуг, отдававшая плоды своего труда иноземным капиталистам. Она стала членом великой семьи свободных народов, другом и братом великого Советского Союза и огромного Китая, Чехословакии и Румынии — всех стран, где реет знамя социализма...

Как вехи на славном пути этих лет стоят новые заводы и возникшие вокруг них города. Какой болгарин не гордится юным городом заводов—Димитровградом! А десятки крупных предприятий, которые производят машины и сталь, медь и азотные удобрения, корабли и каустическую соду, сельскохозяйственные машины и электроприборы, — как непохоже это на отсталую, аграрную Болгарию прошлого!

Пролетая над страной, вы увидите огромные синие чаши — это водохранилища имени Василя Коларова и Александра Стамболийского, «Студен кладенец», «Георгий Димитров». Укрощены реки, чтобы они могли служить человеку. До конца этого года будет выработано более 2 700 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Сейчас нет уже в Болгарии села, где бы не было электричества. Заводы уже не ощущают недостатка электроэнергии, а города покрыты густой сетью троллейбусных линий.

В Болгарии много гор: Стара-Планина и Родопы, Рила и Пирин, Средна-Гора и Витоша. В прошлом лишь кое-где и кое-как использовались богатства, которые хранились в их недрах. Сейчас народу принадлежат богатые залежи каменного угля и железа, меди и свинца, нефти и серебра.

Болгарский крестьянин, в прошлом малоземельный и задавленный неслыханными налогами, вступил на путь коллективного труда. Более 80 процентов всей земли в Болгарии кооперировано, в деревне широко внедряется машина: 45 тысяч тракторов работают на полях страны. Не осталось такого села в Болгарии, где бы не было своей поликлиники и школы, Дома культуры, кинотеатра и библиотеки. Не осталось и села, где бы более половины всех домов не были новыми.

Еще в темные годы турецкого рабства в стране была целая сеть школ и читален. Культурные традиции болгарского народа уходят в глубокое прошлое, но нищета мешала этой культуре. Сейчас в Болгарии нет человека в возрасте 50 лет, который был бы неграмотным. Все растет число крестьян, окончивших гимназию, все больше строителей и металлургов учатся заочно в университете.

Тринадцатую победную осень болгарский народ встречает после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза и после апрельского Пленума ЦК Болгарской коммунистической партии, открывшего новые пути для еще более быстрого и крутого подъема хозяйства и культуры нашей родины.

Более тридцати лет тому назад, когда фашисты подавили восстание 1923 года, поэт Гео Милев предрекал:

Сентябрь будет маем!

День 9 сентября 1944 года нам принес победу над фашизмом. В тринадцатый раз мы отмечаем этот день, и каждый новый сентябрь, который мы будем праздновать, будет нам приносить все новые и новые успехи, все новые и новые победы.

Новый жилой квартал в Софии

Плотина на водохранилище имени Александра Стамболийского

Фото Димитра Кацева

Ян Матейко (1838—1893). СТАНЬЧИК (этюд). Польша.

ОБ ОДНОЙ КАРТИНЕ ЯНА МАТЕЙКО

Среди различных жанров живописи XIX века большой интерес представляет историческая живопись. К числу крупнейших художников XIX века, посвятивших себя исторической живописи, таких, как Луи Давид и Гро, Суриков и Делакруа относится Ян Матейко.

С юных лет Матейко увлекали героические образы седой старины, образы людей, боровшихся за свободу Польши.

У Матейко счастливо сочетались дар провидения настоящего ученого, который, пытливым взором проникая в глубь веков, умеет найти главное, страстность человека-гражданина и великолепное мастерство художника. Никогда еще польская живопись не знала такого взлета поэтического вдохновения, такой глубины, насыщенности содержания, такого пафоса утверждения патриотических [illegible]

В течение 30 с лишним [illegible] немалое количество исторических [illegible]

Обращение к поворотным моментам в истории Польши, к событиям, подч[illegible] тр[illegible] проникновение в глубину чело[illegible]их [illegible]тере, раскрытие образов в [illegible] тр[illegible] тически ситуации, динамическое постро[illegible] композиции [illegible]учный, н[illegible] колорит — вот основные [illegible] исторических картин Матейко.

Первым произведением, которое знаменовало собой становление Матейко как самобытного исторического живописца, было «Станьчик» (1862).

Образ блаженного мудреца, шута при дворе польского короля Сигизмунда Старого, который правил с 1506 по 1548 год, давно привлекал внимание художника.

Еще в период учебы в Кракове (1852—1858) он написал эскиз «Станьчик, влезающий в окно» и картину «Станьчик, заговаривающий зубную боль», где образ шута решен в чисто анекдотическом плане. Проходит несколько лет, в стране назревает революция, и Матейко, как истинный патриот Польши, не может остаться в стороне от происходящих событий. Мучительные раздумья о судьбах родины волновали его. Он ищет средств для выражения своих чувств. В поисках ответа на вопросы со[illegible]ости он обращается к прошлому. Та[illegible] [illegible]ает «Станьчик во время бала при дворе королевы Боны в момент известия о падении Смоленска». Этюд к этой картине публи[illegible] [illegible] вкладке.

Образ королевского шута приобрел здесь иное звучание, чем в ранних работах: нет и следа анекдота или шутки.

В кресле с высокой спинкой, погруженный в тяжелые думы, сидит Станьчик. Его фигура [illegible] Этот прием был необходим художнику, чтоб [illegible] внимание зрителей на судорожно [illegible] руках шута, на его лице.

Огромный лоб мыслителя, может быть, дальновидного и тонкого политика, украшает шутовской колпак с колокольчиками. Тяжелый взгляд глубоко запавших глаз, устремленных далеко в пространство, выражает и вызов и горечь. Станьчик, блаженный,— единственный разумный среди всех при дворе, где царят безрассудное веселье и беспечность. Он один понимает всю трагичность происходящего: в результате поражения польских [illegible]ск под Смоленском в 1514 году была проиграна война с Россией, что привело к ослаблению могущества Польши.

«Станьчик» — произведение [illegible] программное. От него тянутся нити [illegible] последующим историческим картинам Матейко.

Сам Матейко, вложив [illegible] это произведение [illegible]го [illegible], пережитого [illegible] ценил «Станьчика». Внешний облик Станьчика — [illegible] Матейко. Это живописное полотно до сих пор поражает мастерством исполнения, взволнованностью, которой проникнут образ королевского шута. «Станьчик» сразу поставил Матейко в ряд первых художников исторической живописи.

Л. КУЗНЕЦОВА

Юлиан Фалат (1853—1929). ЛОСЬ В ПУЩЕ

Польша

Юзеф Хелмонский (18[illegible]—1914). ЯСТРЕБ

Портрет Сергея Петровича Боткина работы И. Н. Крамского.

ВЕЛИКИЙ КЛИНИЦИСТ

Советская общественность отмечает ныне 125-летие со дня рождения выдающегося своего сына, крупнейшего русского медика-клинициста Сергея Петровича Боткина. Основоположник нового направления в клинической медицине и крупный общественный деятель С. П. Боткин родился в Москве 17 сентября 1832 года. Двадцатитрехлетним юношей он окончил Московский университет и через несколько дней после того, как сдал последний экзамен и получил звание лекаря, уехал с отрядом Н. И. Пирогова в Севастополь. Крымские события оставили неизгладимый след в памяти Боткина.

Спустя шесть лет Боткин был избран профессором Медико-хирургической академии в Петербурге, в которой работали выдающиеся русские медики. Почти одновременно с Боткиным профессором ее стал и И. М. Сеченов.

Эпоха, в которую жил и творил С. П. Боткин, была периодом расцвета наук в России. Она ознаменовалась деятельностью таких гигантов науки, как Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров в химии, А. Г. Столетов и Н. А. Умов в физике, И. М. Сеченов, А. О. Ковалевский в физиологии и биологии. Властителями дум в то время были А. И. Герцен, В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский. Они-то и оказали решающее влияние на формирование мировоззрения Боткина.

Вскоре он стал признанным главой отечественных медиков. На выдающуюся роль Боткина в истории науки указал еще в 1883 году И. П. Павлов. Его докторская диссертация «Центробежные нервы сердца» оканчивается словами: «...Я был окружен клиническими идеями профессора Боткина,— и с сердечной благодарностью признаю плодотворное влияние как в этой работе, так и вообще на мои физиологические взгляды того глубокого и широкого, часто опережавшего экспериментальные данные, нервизма (под нервизмом понимаю физиологическое направление, стремящееся распространить влияние нервной системы на возможно большее количество деятельностей организма), который, по моему разумению, составляет важную заслугу Сергея Петровича перед физиологией».

Нервизм знаменует новую эпоху в медицине. Он оказался чрезвычайно плодотворной идеей, завоевавшей в короткий срок и физиологию и клиническую медицину и оказывающей свое могучее влияние до настоящего времени. Содружественная работа трех гигантов отечественной науки: И. М. Сеченова, С. П. Боткина и И. П. Павлова — создала это направление в физиологии и медицине. Сам Павлов проработал более 10 лет в клинике С. П. Боткина.

Замечательный медик и исследователь, Боткин противопоставил грубому эмпиризму в терапии строго научный подход. Он говорил: «Понятие о болезни неразрывно связывается с внешней средой, действующей или непосредственно на заболевший организм, или через его ближайших или отдаленных родителей». Новое понимание человека в единстве со средой, новое понимание рефлекторных связей в больном и здоровом человеческом организме влекло за собою и новое понимание терапии, необычайно расширившее возможности врача.

Большой след оставила общественная деятельность великого клинициста. Он не жаловался на тяжелейшие условия царского строя, всячески стеснявшего деятельность врачей, направленную на улучшение санитарного состояния трудящихся масс... Нет, он боролся с трудностями. Как гласный Петербургской Городской думы он особенно заботился о здоровье населения рабочих районов, принимал участие в расширении женского высшего медицинского образования, был инициатором создания эпидемиологического общества. На протяжении нескольких десятилетий Боткин был председателем, идейным руководителем Общества русских врачей в Петербурге.

Заслуги Боткина были высоко оценены: он был избран академиком, удостоен звания почетного члена Московского и Казанского университетов, был почетным членом 35 русских и 9 иностранных ученых обществ. И сегодня советские клиницисты с гордостью считают себя учениками и последователями С. П. Боткина.

Доцент Б. ПЕТРОВ

Театр, рожденный Октябрем

С. ИШАНТУРАЕВА,

народная артистка СССР, директор Узбекского академического театра драмы имени Хамзы

...Улица имени Алишера Навои — широкая столичная магистраль. Слева и справа тянутся ряды новых многоэтажных зданий, в которых сплелась красота современной архитектуры с традициями узбекского зодчес

Я люблю эту улицу, которая ведет к нашему театру. Ежедневно проезжая по ней, не устаю любоваться высокими, светлыми домами, украшенными лепными карнизами и колоннами. Улица растет, ширится, строится. А в промежутках между стройками то тут, то там робко выглядывают глинобитные домики с маленькими резными калитками — следы старого города.

В жизни новое отделено от старого не так наглядно, как дома на этой ташкентской улице. И в новых домах еще попадаются люди со старыми взглядами, а в старых домах живет множество строителей новой жизни. Нового человека воспитать куда сложнее, чем построить новый дом. Это трудная, ежедневная, упорная работа. И долг театра — активно помогать Коммунистической партии в воспитании социалистического сознания народа.

Я и мои друзья живем и работаем в цветущей советской республике. Она располагает и мощной промышленностью и бурно развивающимся сельским хозяйством. Из года в год растет культура узбекского народа, расцветают его литература и искусство. Действительность намного превзошла самые смелые мечты. В самом деле, могли ли, например, наши актеры старшего поколения мечтать о том, что их полупрофессиональные труппы, в которых женские роли исполняли мужчины, вырастут в академический театр, отмеченный высокой наградой — орденом Ленина! Трудно тогда было представить, что в республике будет работать 26 театров, и не только в столице, но и во многих городах.

Мысленно обращаясь к пройденному пути, перебирая в памяти события прошлых лет, я всегда вспоминаю знаменательную для меня дату — 8 марта 1923 года. В этот день я играла на сцене свою первую роль — девочки-сироты. Играла я, собственно, не роль, а самое себя: коротенькие детские биографии наши были очень схожи. Запомнился мне этот день и потому, что в зрительном зале сидели узбекские женщины. С каким восторгом приобщались они к искусству, какой духовный перелом вызывал у них простой, ничем не примечательный любительский спектакль! В этот день многие наши зрительницы сбросили паранджу, объявив войну пережиткам мрачного прошлого.

Советская власть вызвала к жизни народные таланты, открыла перед когда-то забитой женщиной-узбечкой широкий, светлый путь в жизнь. Отеческая забота Коммунистической партии, братская помощь великого русского народа — вот источники бурного расцвета культуры узбекского народа.

В. Кайдалов. Хамза Хаким-заде Ниязи.

Спросите у наших актеров А. Хидоятова, А. Хасанова, М. Миракилова, А. Джалилова, С. Алимова, Ш. Нажмитдинова — и они расскажут много интересного: как из двух полулюбительских трупп,

Сцена из спектакля «Дочь Ганга»: Хемнолини — Я. Абдуллаева, Хемонкори — народная артистка УзССР З. Садриева, Комола — И. Алиева.

Народный артист СССР А. Хидоятов в роли Отелло.

возглавляемых выдающимся деятелем узбекской культуры Хамзой Хаким-заде Ниязи и талантливым мастером узбекской сцены М. Уйгуром, создавался Узбекский государственный драматический театр; как уже в 1918 году в узбекский коллектив пришла замечательная русская женщина Мария Кузнецова — первая исполнительница женских ролей; расскажут о том, как постепенно в различных городах Туркестана начали возникать драматические коллективы и как по заданию Политуправления Туркфронта эти труппы выезжали для обслуживания частей Красной Армии, боровшихся против белогвардейцев, басмаческих банд, иностранных интервентов.

Народная артистка СССР Сарра Ишантураева в роли Айни в спектакле «Алжир, родина моя!».

Конечно, сценическая культура стояла тогда не на высоте, декорации почти отсутствовали, костюмы зачастую брались напрокат у населения. Но в обстановке гражданской войны складывалось боевое, целеустремленное искусство, ставящее задачей служение народу.

Когда произошло историческое в жизни узбекского народа событие — создание Узбекской ССР,— повысились требования к театру. Для дальнейшего его развития необходимо было осваивать сценическое мастерство, овладевать достижениями передовой театральной культуры.

В 1924 году в Москве создается узбекская драматическая студия. Замечательные московские актеры И. Толчанов, Р. Симонов, Л. Свердлин передают узбекской молодежи свои знания. Три года учились в Москве М. Уйгур, А. Хидоятов, Я. Бабаджанов, Л. Назруллаев, М. Мухаммедов, Турсуной, З. Хидоятова, С. Табибуллаев, Т. Султанова, Ш. Каюмов, Х. Латипов и другие. Мы часто бывали на спектаклях МХАТа, Малого театра, Театра имени Вахтангова, настойчиво овладевали основами сценического реализма.

Нелегкими были первые шаги нашего театрального коллектива. Реакционеры пылали злобой и ненавистью к «нарушителям» старинных обычаев. Особенно тяжело приходилось женщинам-актрисам. Одна из первых наших актрис, Максума Кариева, вынуждена была скрывать свое имя, а после спектакля тайком уходить из театра. Пала жертвой изуверства талантливая артистка Турсуной. Особенную ненависть врагов Советского государства вызывала активная и разносторонняя деятельность Хамзы Хаким-заде Ниязи. Реакционеры зверски убили нашего незабываемого товарища.

В решительной борьбе со всяческими проявлениями буржуазного национализма и формализма театр твердо стал на путь социалистического реализма. В этом нам опять помогали русские мастера. Театр наш пополнился новыми способными актерами. И если сегодня артистам второго поколения щедро и искренне аплодирует зрительный зал, то это потому, что наши старшие товарищи настойчиво, терпеливо и любовно учили нас сценическому искусству. Они привили нам глубокое уважение к труду — будь то работа суфлера, художника или начинающего актера. А сейчас в театре уже работает третье поколение артистов узбекской сцены, получившее образование в Ташкентском театрально-художественном институте.

За годы своей работы наш театр поставил свыше ста пьес советских авторов. Заслуги театра имени Хамзы в развитии узбекской национальной драматургии дали право назвать его «лабораторией узбекской драматургии». Прочно связали свою судьбу с театром многие наши драматурги.

Традиции тесного содружества театра с авторами продолжаются и поныне. Сейчас постановочный коллектив во главе с А. Ходжаевым и Ш. Магзумовой готовит пьесу А. Якубова «Верность» — о сегодняшнем дне жизни республики, а Т. Ходжаев в ближайшее время приступает к репетициям драмы К. Яшена «Путеводная звезда» — о первых годах становления Советской власти в Туркестане. Этим спектаклем театр собирается отметить сороковую годовщину Великого Октября.

Правильно утверждал К. С. Станиславский: «Хорошая национальная пьеса, хорошо поставленная и сыгранная хорошими актерами ее нации, лучше всего вскрывает душу народа». Многие пьесы узбекских авторов пользуются у нашего зрителя неизменным успехом. Это прежде всего классическая драма Хамзы «Бай и батрак» — она показана у нас уже около семисот раз, пьесы К. Яшена и А. Умари «Хамза» — о жизни создателя нашего театра, А. Уйгуна и И. Султанова — «Алишер Навои», инсценировка романа Айбека «Священная кровь». Конечно, сами эти названия мало что говорят читателю, если он не был зрителем нашего театра. Правда, некоторые наши пьесы шли и за пределами Узбекской республики.

Чуждый национальной ограниченности, наш театр постоянно обращается к русской и советской драматургии: на узбекской сцене были показаны «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Мятеж» по Дм. Фурманову, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Макар Дубрава» А. Корнейчука. Ставили мы пьесы и драматургов Татарии, Туркмении...

Прочно вошла в жизнь театра классика. Горький и Шекспир, Лермонтов и Шиллер, Гоголь и Гольдони, Островский и Лопе де Вега живут на нашей сцене. Я позволю себе сослаться на отзыв выдающегося чешского писателя, бесстрашного борца с фашизмом Юлиуса Фучика, который в 1935 году посетил нашу республику. Юлиус Фучик видел у нас только что поставленный спектакль «Гамлет» и написал о нем: «...их «Гамлет» — это чисто шекспировский «Гамлет», прекрасная драма, трагичность которой ты воспринимаешь совершенно непосредственно. Ты не знаешь язык, и все же слышишь каждое слово Шекспира. Актер говорит жестом, походкой, движением руки — это большая, могучая театральная культура. Такая постановка «Гамлета» могла бы с успехом соперничать с постановками лучших театров Европы, а ведь узбекскому театру всего-навсего пятнадцать лет».

Искусству дана прекрасная способность раскрывать душу народа. Театр имени Хамзы охотно ставит наряду с советскими пьесы драматургов других народов, особенно если в центре таких спектаклей — человек из народа, ищущий справедливости, активно за нее борющийся. И всегда горячо интересуется узбекский зритель жизнью зарубежного Востока.

Мы поставили инсценировку «Дочь Ганга» — по мотивам романа Рабиндраната Тагора. Героиня этого спектакля — простая крестьянская девушка Комола, юная и нежная, но и мужественная и решительная. Именно в ней воплощена главная идея спектакля: лишь тот достоин счастья, кто умеет бороться за него. Так поется в песенке — лейтмотиве спектакля:

Весла гнутся, но ты не бойся,
ты не бойся,
Если мускулы крепки,
не беспокойся, не беспокойся.
Парус надежды поднимай,
гребец!..

Спектакль «Алжир, родина моя!» по мотивам романа Мухаммеда Диба коллектив посвятил VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве. В пьесе рассказывается о тяжелой, безрадостной жизни обитателей Дар-Сбитара — огромного полуразвалившегося дома, в котором ютится беднота. В спектакле рядом с мастерами узбекской сцены играют студенты и школьники. Мне в этой постановке досталась роль старой Айни, дочь которой бросили в тюрьму. К Айни, измученной лишениями, приходит вера в силы народа. Показать развитие этого характера — трудная, но привлекательная задача.

Готовясь теперь к третьей декаде узбекского искусства и литературы в Москве, театр стремится представить на ней все многообразие своих репертуарных, актерских и режиссерских исканий.

Создавать спектакли, достойные зрителя, удовлетворять его высокие общественно-эстетические запросы — наш прямой долг. И здесь мы далеко не все сделали.

Я вспоминаю пожелания Закира Халилова и Нишана Сарымсакова — рабочих механического цеха завода имени Ильича или добрый совет звеньевой одного из колхозов Сыр-Дарьинского района Г. Абдуллаевой — ставить побольше современных пьес, которые помогают советским людям в их работе, в борьбе с недостатками. Или требование многих наших зрителей к театру — все шире знакомить народ с выдающимися произведениями русских драматургов. Немало встреч мы проводили с металлургами Беговата и химиками Чирчика, с покорителями Голодной степи, с колхозниками и рабочими совхозов, со студентами и служащими Ташкента.

Много еще надо нам трудиться для повышения своего мастерства. Главное же — учиться всегда у жизни, у своих героев — творцов коммунистического общества.

Будапешт сегодня. Фото Д. Кери.

«МЫ—СВИДЕТЕЛИ!»

Дьердь КОВАЧ

Свидетель входит в зал и почтительно останавливается перед столом, за которым сидят судьи. Председатель суда устанавливает личность свидетеля и предупреждает его, что закон карает за ложные показания, за искажение истины.

Едва ли надо говорить, что авторы пресловутого доклада так называемого «комитета пяти» ООН не соблюдали да и не были заинтересованы в соблюдении этой процедуры. Их пухлый «доклад» построен, как они утверждают, на показаниях «111 свидетелей». Но среди них господа из «комитета пяти» удосужились упомянуть имена только трех, и все трое оказались матерыми предателями. Это Бела Кирай, Анна Кетли и Йожеф Кёваго. Остальные 108 клеветников предпочли остаться безымянными.

Против 111 лжесвидетелей, купленных на иудины сребреники, ежедневно встают сотни очевидцев событий в Венгрии, они по собственной инициативе изобличают ложь и клевету, которыми наполнен «доклад».

В ближайшее время в Будапеште выходит из печати книга на венгерском и нескольких иностранных языках. В нее войдут показания 111 честных венгров. Сто одиннадцать истинных патриотов, дорожащих честью и будущим своего народа, против 111 клеветников и изменников! «Мы являемся свидетелями» — так называется эта книга. Каждое показание подтверждено именем человека, о котором известно, где он живет и где работает.

Мы приведем здесь свидетельства только трех, взятых наугад венгерских граждан, показания которых вошли в книгу.

Вот что рассказывает о так называемых «стихийных демонстрантах» подсобный рабочий чугунолитейного завода МАВАГ, проживающий в Будапеште в XIV районе на улице Адама Яворка, 9:

«23 октября мы, как обычно, закончили работу, после чего я ушел домой. В демонстрации участия не принимал. На другой день, 24 октября, около пяти часов утра радио сообщило, чтобы по возможности на улицу выходили только т., кому это очень необходимо. Не зная о ночных событиях, я спустился на площадь Бошняк, чтобы справиться о трамвайном движении. Я был изумлен, когда у трамвайной остановки меня остановили двое штатских с автоматами и помешали мне идти дальше. Через короткое время под звуки ружейной пальбы на площадь прибыл грузовик, в котором находилось около тридцати вооруженных до зубов людей. После короткого совещания они начали осаду здания отделения милиции XVI района. Только после получасовой осады из здания открыли огонь.

Позднее находившиеся в здании милиционеры были вынуждены сдаться, и нападающие начали разрушать дом. Они разбили двери и окна, по двору разлетались служебные документы...

...29 октября я пошел на завод, но так как там не работали, отправился поглядеть город. Около трех часов дня я увидел, как на Ленинкеруте перед зданием VII районного партийного комитета остановился грузовик; из него вышли 7—8 милиционеров. Они зашли в здание. Через несколько минут у Шерсанаториума остановился автомобиль с иностранным номером. Он был покрыт белой простыней с нарисованным на ней знаком Красного Креста. Из автомобиля вышел мужчина, встал на ступеньку машины и, к моему великому удивлению, начал ораторствовать на венгерском языке. Он ругал коммунистов и особенно подчеркивал: «Видели ли вы тех, переодевшихся в милицейскую форму убийц из АВО, которые вошли в здание?»

Несколько минут спустя автомобиль с иностранным номером двинулся дальше, а из-за взломанных витрин ресторана «Хунгариа» и Шерсанаториума начался штурм райкома...»

Очевидец старший лейтенант пограничник Денеш Ковач из Будапешта, раненный в боях против контрреволюционеров и попавший в больницу, свидетельствует:

«Вечером 30 октября в больницу Министерства внутренних дел на улице Горький-фашор явилось несколько вооруженных людей, называвших себя «национальными гвардейцами». Они искали директора больницы. Руководитель вооруженной группы заявил ему: «С этого момента охрану больницы будут нести национальные гвардейцы!» Затем они обошли часть здания и наметили несколько комнат под караульные помещения.

В действительности их целью было провоцировать бойцов, раненных в боях с контрреволюционерами, и превратить их в арестантов. Повсюду они искали оружие, допрашивали врачей и сестер, кто какую должность занимал раньше. Не один врач был уведен ими из больницы.

Со дня на день их провокации возрастали, они препятствовали лечению раненых, мешали их выздоровлению. В нашу больницу попал тяжелораненый из горкома на площади Кезтаршашаг товарищ Эрнэ Келети, сотрудник горкома. К нему постоянно придирались и хотели его увезти.

Из-за всех этих обстоятельств большинство раненых не спало по ночам, боясь, чтобы их не застали врасплох во время сна и не убили...»

А вот что рассказывает Йожеф Вайда с Айкаского бокситного и алюминиевого завода:

«23 октября на нашем предприятии был полный порядок. Порядок рухнул только на другой день под влиянием классово-чуждых элементов, работавших на заводе, которые сочинили требования и начали подстрекать против народной власти.

К этим элементам относился, например, Петер Недеши, хортистский офицер, работавший в гараже предприятия... Бывший королевский старший лейтенант Лайош Шкурденка призывал молодежь к расправе с коммунистами. Эти господа составили список людей, которым они собирались предложить в течение часа покинуть завод».

Вот что говорят о событиях только трое из очевидцев, которых в нашей стране насчитывается тысячи и десятки тысяч. Господам членам «комитета пяти» следовало бы послушать, что говорят об их «докладе» в Венгрии. И если бы только они это захотели, они смогли бы понять, сколько несусветной лжи и клеветы принесли им в «комитет пяти» так называемые «свидетели».

Книга «Мы являемся свидетелями» начисто опровергает измышления фальшивых «ревнителей демократии». Она отметает неуклюжие попытки сделать черное белым и представить все события в свете, выгодном для господ империалистов.

Будапешт, сентябрь.

БИОГРАФИЯ ПРЕДАТЕЛЯ

В роли председателя «комитета пяти», состряпавшего в ООН двухтомную фальшивку о Венгрии, подвизается датский представитель в Организации Объединенных Наций некий Альсинг Андерсен.

Что это за человек и почему именно ему было поручено заняться этим грязным делом?

В королевстве датском, как и в любом другом буржуазном государстве, немало политических деятелей, которые не могут похвастать популярностью в народе. Что же касается Альсинга Андерсена, то по отношению к нему даже такая характеристика прозвучала бы комплиментом. Услышав имя Альсинга Андерсена, простой датчанин непременно изобразит на лице глубочайшее презрение и сопроводит это имя самым хлестким эпитетом, каким только располагает сочный датский язык. Такой незавидной репутацией г-н Андерсен обязан своему поведению во время фашистской оккупации Дании.

Нападение гитлеровцев на Данию «застигло» Альсинга Андерсена на посту министра обороны. Его деятельность в то время ознаменовалась тем, что немецко-фашистские войска высадились в копенгагенском порту, не встретив со стороны датских вооруженных сил даже малейшей попытки воспротивиться этому. Однако Альсинг Андерсен не впал в уныние. Приглядевшись к новой обстановке, он быстро перекрасился в коричневый цвет и стал прислуживать оккупантам. Став председателем социал-демократической партии, г-н Андерсен возвел себя в ранг глашатая «новой» политики, то есть политики сотрудничества с нацистами. Усердие и рвение Альсинга Андерсена в служении тем, кто терзал Данию, не знало границ. В 1941 году он выступил в парламенте в поддержку фашистского закона о запрещении «коммунистической деятельности» в Дании. Тем самым Андерсен помог отправить в нацистские застенки и концлагери вроде Дахау и Освенцима немало датских патриотов.

Но этого показалось Андерсену мало, и при первом же случае он вновь доказал свою преданность фашистам.

Когда движение сопротивления в Дании достигло такого размаха, что правительству национальных предателей пришлось убраться восвояси — это было в августе 1943 года,— Альсинг Андерсен самолично пригвоздил себя к позорному столбу. В циркуляре членам руководства и парламентской фракции социал-демократической партии он открыто выступил против собственного народа, назвав борцов сопротивления «шовинистами», ведшими «безответственную агитацию» против политики сотрудничества с нацистами.

С тех пор г-н Альсинг Андерсен считался «живым трупом» в датской политике. После войны — в ноябре 1947 года — была сделана одна-единственная попытка протащить его в правительство, но и она кончилась для него позорным провалом: пробыв 10 дней на посту министра внутренних дел, он был вынужден подать в отставку из-за народного возмущения, вызванного его назначением. Но в социал-демократической партии Дании он по-прежнему считается нужным человеком.

Таково прошлое Андерсена. Его хозяева знали, кого выбрать — человека без совести и, по существу, без родины, человека, который, однажды продав собственный народ, не остановится перед тем, чтобы продать любой другой народ в мире. Два объемистых тома клеветы и беззастенчивой лжи, составленные «вверенным ему» комитетом, подтверждают, что г-н Альсинг Андерсен остался верным самому себе, верным своей политике сотрудничества с фашистами.

К. СНЯДЫ

Рис. Е. Гурова.

Заврались, господа!

Генрих БОРОВИК

Сорок лет назад на страницах буржуазных журналов и газет началось своеобразное соревнование в клевете на Советский Союз. Сейчас оно в разгаре. В сознание читателей вбиваются удвоенные порции дезинформации, приправленные бешеной злобой против социалистического образа жизни.

Сегодня мы рассказываем о попытке американского журнала «Лук» сделать белое черным.

Корреспонденты «Лука» журналист Эдмунд Стивенс и фотограф Фил Харрингтон поехали для этого в город Сочи. В результате на страницах журнала появился фоторепортаж, авторы которого пытаются доказать следующие «истины»:

а) «Величественные сочинские отели и дома отдыха» заполнены лишь теми людьми, которые в состоянии платить за жилье от 50 до 75 рублей в день (для убедительности рубли даже переведены в доллары: от 12 до 19);

б) поэтому на фешенебельном курорте имеет возможность проводить отпуск только «избранное московское общество». Оно состоит, по мнению американского журнала, из «ученых, артистов, крупных технических специалистов, руководителей предприятий и официальных правительственных лиц».

Справедливости ради следует отметить, что в репортаже «Лука» мы все же нашли одно неопровержимое утверждение: город Сочи находится на берегу Черного моря. Против географии, как говорится, не попрешь. Все остальное — головокружительная ложь. Обратимся к фактам.

О пункте «а».

Самый лучший из всех отелей Сочи — гостиница «Приморская». Самый дорогой номер в этой гостинице стоит 45 рублей в день. Самый дешевый — восемнадцать. Поскольку отелей в Сочи мало и они далеко не самые «величественные здания» в городе, то можно предположить, что господа из «Лука» «ошиблись». Они, вероятно, имели в виду санатории. Так вот, самая дорогая путевка — в санаторий первой категории (их в Сочи шесть) — стоит 1 800 рублей. Значит, в день приблизительно 64 рубля. Но в эту сумму входит не только жилье, но и первоклассное питание, и лечебные процедуры, и пользование санаторным транспортом. Значит, и здесь господа из «Лука», мягко говоря, уклонились от истины. Но мы еще не сказали самого главного: большинство отдыхающих в санаториях заплатили за путевки только 30 процентов их стоимости. Остальные 70 процентов покрываются из средств государственного социального страхования. Часть курортников отдыхает в санатории вообще бесплатно. Таким образом, путевка в санаторий первой категории стоит отдыхающему 540 рублей, или около 20 рублей в день, а в других санаториях, где номинальная цена путевки 1 200—1 300 рублей, и того меньше.

Кстати, может быть, господам из «Лука» полезно было бы узнать, что в Советском Союзе, кроме Сочи, есть еще 400 курортов, 3 тысячи санаториев и домов отдыха; что в этом году там отдохнет 5 миллионов человек; что государство в этом году расходует на льготы по курортному обслуживанию трудящихся 2 миллиарда рублей (на 300 миллионов рублей больше, чем в прошлом году); наконец, что 3 миллиона человек из 5 миллионов получают путевки с 70-процентной скидкой, а часть — совсем бесплатно.

Так обстоит дело с пунктом «а». Теперь перейдем к пункту «б».

Кто же составляет то «избранное московское общество», которое отдыхает в Сочи, «заполняя его величественные отели и дома отдыха». Чтобы ответить на этот вопрос, предоставим слово самим отдыхающим. Сразу должны предупредить вас, господа из «Лука», что многим из тех, чьи фотографии помещены сегодня в «Огоньке», мы рассказали о репортаже Стивенса — Харрингтона. Так что извините, если кое-какие слова в ваш адрес покажутся не совсем «светскими». Общество здесь хоть и «фешенебельное», но простое и искреннее. Не взыщите

Геннадий Геннадиевич Шоноров, дежурный по железнодорожному депо, отдыхающий в санатории имени 10-летия Октября:

— Вы ему скажите, товарищ корреспондент, что в Иркутске я работаю на Братской ГЭС. Пусть возьмет школьную карту и посмотрит: отсюда до моего дома — тысяч семь километров. Точно! И пусть представит себе, что меня, дежурного по депо, послали отдыхать на море за семь тысяч километров специально, чтобы я лечился здесь. Так врачи рекомендовали. И вот я лечусь бесплатно! Совсем бесплатно! Даже дорога мне ничего не стоит. Вот. Пусть напишет об этом... Хотя все равно не напишет...

Александр Семенович Коновалов, кондуктор, отдыхающий с Шоноровым в одном санатории:

— А шо семь тысяч километров? Шо семь тысяч! Подумаешь! Скажите этому брехуну, что я, Коновалов Александр, кондуктор с Южно-Сахалинской железной дороги, пожелал отдыхать на Черном море и отмахал для этого два раза по семь тысяч. Да обратно еще! А путевочка мне, между прочим, триста рублей стоила. Остальное — профсоюз. И скажите еще ему, как его там, что артисты, инженеры, ученые, министры, директора заводов — это тоже наш брат! Они хлеб трудом зарабатывают!

Точку зрения железнодорожника поддержали шахтеры — электрослесарь Михаил Николаевич Немчиновский, маркшейдер Николай Иванович Маркушин, механик Тимофей Антонович Стародубцев и навалоотбойщик Игорь Иванович Петушков из санатория имени Орджоникидзе.

— О каком это избранном обществе они говорят? У всех у нас одинаковые права советских граждан и одинаковые обязанности. У избранных и неизбранных,— сказал Тимофей Антонович, поддержанный друзьями.— Вон один избранный плавает,— он показал рукой на торчащую из воды голову,— председатель горсовета. Вместе с нами отдыхает. Его народ избрал... Вот что такое избранный...

Но, может быть, это лишь отдельные примеры? А в других санаториях отдыхают, как вы говорите, господа, только «артисты, директора, ученые и официальные правительственные лица»? Вот вам статистические данные на 20 августа этого года по нескольким произвольно взятым санаториям.

Санаторий имени Орджоникидзе: всего отдыхающих — 363 человека, среди них начальников шахт — 46, ученых — 3, артистов нет, остальные — рядовые рабочие и служащие.

Санаторий «Радуга»: всего отдыхающих — 366 человек, артистов — 5, ученых — 2, рабочих и рядовых служащих — 359.

Санаторий «Лазурный берег»: всего отдыхающих — 286, ученых — 15, артистов — 3, инженерно-технических работников — 25, остальные — опять же рабочие и рядовые служащие.

Список можно было бы продолжить.

Господам из «Лука» мы можем привести высказывания не только советских людей, но и многочисленных иностранцев, побывавших в Сочи. Вот что сказала, например, француженка Жозель Жуанез, генеральный секретарь Национальной федерации швейников Франции, в интервью корреспонденту сочинской газеты «Красное знамя»:

«Здесь все создано для того, чтобы на курорте отдыхали трудящиеся... У нас во Франции тоже есть свои курорты, но там частные пансионаты, и они доступны только богачам, а не трудящимся. У нас также имеются чудесные здания с красивой архитектурой, но они принадлежат богатым людям. Советские люди отдыхают по профсоюзным путевкам. Причем из своей зарплаты оплачивают только часть их стоимости. У нас этого нет. Жизненный уровень французских трудящихся не позволяет им отдыхать в санаториях».

— Но позвольте! — слышим мы возражения буржуазных вралей.— Ведь из двух «луковцев» один был фотокорреспондент! Фотография не может лгать! Это документ!

Да, был и фотокорреспондент. В доказательство утверждений Стивенса он опубликовал на полстраницы «фотодокумент огромной силы». Вот он.

Из подписи к снимку явствует, что эта девушка — «молодая звезда московского балета», то есть, видимо, одна из немногих «избранных», имеющих возможность отдыхать в Сочи. Ни фамилии, ни имени балерины нет. Документ?

Чтобы разобраться в этом, предоставим слово Ирине Лихачевой, артистке балета театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, ибо это она запечатлена на фотоснимке в «Луке»:

— Мне очень хочется, чтобы ложь господ из «Лука» в отношении меня скорее стала правдой: хочется, конечно, стать звездой московского балета. Но пока я еще не «звезда», не солистка, а просто артистка балета. Три года назад я окончила балетное училище ГАБТа. Зарплата моя — 880 рублей в месяц. Я часто провожу свой отпуск на Черном море, ничего в этом странного нет. Однако в данном случае корреспондент «Лука» солгал. Снимок этот сделан в 1956 году: наш театр тогда гастролировал в Сочи. И мы не отдыхали, а работали. Я считаю, что порядочный человек всегда обязан говорить правду. Господам Стивенсу и Харрингтону это качество, видимо, не присуще.

Перевернем страницу «Лука». Несколько фотографий. Над ними крупными буквами: «Они (то есть уже известные нам инженеры, артисты, официальные правительственные лица, руководители предприятий) наслаждаются вещами, о которых мечтает большинство русских».

Какие же это вещи? Прежде всего, судя по снимку, шляпа актера московского театра сатиры Владимира Лепко. Да, да, шляпа, обыкновенная войлочная. Когда мы показали этот снимок из «Лука» на-

родному артисту республики Владимиру Алексеевичу Лепко, он сказал:

— Ну и шляпы же они, эти господа из «Лука»! Мой головной убор в подписи под снимком они определяют словом, которое на русский язык переводится как «фешенебельный, светский, модный»! Они изволили также написать, что этой шляпой я хвастаюсь, выставляю ее напоказ, пускаю, так сказать, пыль в глаза. Да будет им известно, что такую вот точно войлочную панаму можно приобрести в любом промтоварном магазине на побережье Черного моря. Стоит она тридцать один рубль. Что касается того экземпляра, который у меня на голове, так мне подарил его один абхазский пастух, когда я однажды отдыхал в обществе абхазских чабанов. Ай-яй-яй, господа, как опростоволосились! Думали, наврем — и дело в шляпе...

Но господа из «Лука» идут дальше. Судя по снимкам, которые опубликованы ими, не только шляпы недоступны простым советским людям, но и телевизоры, духи, меховые изделия, модные платья, рестораны и, наконец, театры.

Причем «луковцы» тут не брезгают мелким фотожульничеством. На снимке изображен флакон одеколона «Красный мак», и цена под флаконом — 105 рублей. В подписи

сказано, что 105 рублей стоят духи. Явное мошенничество: ведь 105 рублей стоит весь подарочный набор «Красного мака», куда входят духи, одеколон, мыло, пудра. А один флакон этих духов стоит 40 рублей.

Не спорим, есть у нас дорогие духи: «Вечер», «Каменный цветок», флакон — 100 рублей. Но средняя цена духов — 30—40 рублей. Однако откуда знать об этом американцу, которого «Лук» водит за нос с помощью «документальной фотографии».

А посмотрите на эту крышу. Как смешно звучит утверждение «Лука», что о телевизорах простые советские люди «могут только мечтать». Снимок этот сделан нами в Москве, на Фабричной улице, № 11. В доме живут только 27 семей. Остальные недавно переехали в построенный рядом новый большой дом. До переезда антенн на крыше было в два раза больше. Кто живет под этой крышей? Слесарь М. М. Курапов, пенсионер А. Г. Гуськов, контролер Г. И. Смирнов, литейщик Т. Л. Сильваньков и многие другие рабочие расположенного по соседству завода. Только в четырех семьях нет телевизоров. Не из-за денег, а из-за недостатка места. Некуда ставить. Вот переедут весной в новый дом, тогда и купят, а эта крыша совсем опустеет, да и домишко снесут.

Можно было бы еще сделать снимки в театрах, в ресторанах, в магазинах и продолжить разоблачение мошенничеств «Лука». Но стоит ли? И так уж все ясно!

Нет, господа из «Лука», не выдерживают ваши жульничества самого простого сопоставления с фактами. Расчет ваш, конечно, прост: рядовой американец, читающий «Лук», ничего или почти ничего не знает о жизни СССР. Поэтому можно безбоязненно подтасовывать факты, помещать мошеннические фото, жульничать в малом и большом.

Но восточная пословица гласит: «Собаки лают, а караван идет своей дорогой».

БЕЗ ГОРОШИНЫ

Галина ШЕРГОВА

Была темная-претемная ночь. Дождь лил как из ведра. Вдруг кто-то постучался в городские ворота, и старый король пошел отпирать...

Впрочем, чтобы тень бессмертного датского сказочника не явилась обвинять нас в плагиате, нам придется несколько изменить начало нашей правдивой истории, которая при Андерсене казалась сказочной.

Начнем иначе. Было ясное-преясное утро. Солнце сияло вовсю. Вдруг кто-то постучался в дверь, и король средних лет пошел открывать. Разумеется, король рассчитывал найти у дверей очередную бездомную принцессу, ибо уж кого-кого, а безработных королей и принцев крови в наши дни хоть пруд пруди. Но дело было прозаичней: королю принесли счет за гостиничный номер, и так как он задолжал уже изрядно, администратор пригрозил описать личные вещи неплательщика, включая скудный его гардероб.

Напрасно король пытался доказывать, что он монарх Югославии Петр II (а это был действительно он), управляющий отелем был неумолим. Он даже не сказал, как некогда андерсеновская королева, увидевшая у ворот промокшую пришелицу, назвавшуюся принцессой: «Ну это уж мы проверим». В старые добрые времена существовал отличный инструмент для определения королевского звания: горошина. Но в грубый век чистогана этот поэтический способ, к сожалению, устарел. Администратор посоветовал королю зарабатывать себе на хлеб и оплату гостиничных счетов.

И тогда оскорбленный монарх гордо изрек фразу, которая была предана гласности августовским номером американского журнала «Лайф». «Единственный вид работы, который я знаю,— работа короля. С моего рождения я готовил себя к ней. Я хочу быть королем, я хорош только для этого и ни для чего иного». (Скромно, но с достоинством!)

И тут кто-то воскликнул: «Бедняжка! Он должен жить на пожертвования югославских эмигрантов и на скудные доходы от книг, которые написал о своей бурной жизни!» Восклицание, достойное дамы-патронессы из приюта для бездомных сирот. Но в данном случае роль чувствительной покровительницы обездоленных малюток взял на себя тот же журнал «Лайф», которому и принадлежит этот растроганный вздох.

Правда, было бы несправедливостью утверждать, что «Лайф» так однобоко и беспредметно подходит к участи экс-королей. Он посвятил 8 страниц сегодняшней жизни безработных монархов и с истинно американским практицизмом похвалил бывшего короля Румынии Михая, который, плюнув на голос крови, устроился работать в американскую авиационную компанию в Швейцарии, заявив при этом новым коллегам: «Зовите меня просто Майк».

Видимо, Петр II действительно достоин сочувствия, ибо он непрактично потратил оставленные ему отцом 265 тысяч долларов на попытки вернуть себе трон с помощью эмигрантских заговоров. А вот албанский экс-король Зогу I проявил гораздо больше предприимчивости: он просто выкрал государственные сокровища на 60 миллионов в золоте и ценных бумагах и занялся на чужих землях экспортно-импортным бизнесом.

И, конечно, нельзя отказать авторам «Лайфа» в поэтичности образного описания. В самом деле: адресуясь к арабским сказкам, они пишут, что Зогу, чье имя означает «птица», еще неизвестно, «оперится» или будет «общипан». Правда, мы, настроенные на менее мифический стиль рассуждений, можем истолковать эту «восточную мудрость» «Лайфа» как намек на то, что его авторы считают преждевременным сбрасывать Зогу со счетов, так как, видимо, по их мнению, возможность «расправить крылья» еще не упущена королем-взломщиком.

Однако не только у нас, но в первую очередь у свободных народов стран, сбросивших в мусорную яму всю эту ветошь, не может не вызвать удивления следующее обстоятельство: почему вдруг журнал, который не устает божиться именами Линкольна, Джефферсона, Вашингтона, вдруг решил угостить читателей этим странным карнавалом теней из загробного политического мира?

Во вступлении к «Галерее претендентов на короны» «Лайф» признает, что шансы царственных особ воссесть на троны весьма эфемерны и народы вряд ли захотят их воцарения. Но весь тон дальнейших описаний полон поистине дружеского участия. А может, еще пригодятся? Стоит, мол, напомнить миру о благородных жертвах «коммунистической тирании».

Осень — время праздников свободы в странах народной демократии. На площадях и улицах Софии будут гулянья и карнавалы. Может быть, кто-нибудь там, листая американский журнал в поисках маскарадного

костюма, наткнулся на красочный портрет в «Лайфе» болгарского экс-короля Симеона II, изукрашенного карнавальной мишурой несуществующих орденов и знаков отличия. Разумеется, костюм этот не соблазнит ни одного молодого болгарина даже в качестве юмористического одеяния. Но, взглянув на портрет, этот юноша скажет традиционную карнавальную фразу: «Маска! Я узнал тебя. Более того: я даже знаю, какую роль тебе поручили наряжающие тебя люди».

А впрочем, для всех, кто в мире мыслит категориями современности, совершенно очевидно, что этот старомодный пасьянс на страницах «Лайфа» не может вызвать ничего, кроме иронической улыбки. Ведь как ни тасуй эту пеструю колоду, все ее карты уже вышли из игры и ни на одного короля никто из их прежних соотечественников не поставит даже пресловутую горошину.

Штраф

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Инженер-конструктор Игорь Николаевич Шагалов, молодой, но уже начавший полнеть блондин с добрыми голубыми глазами, стоял со стаканом воды в руке у дивана, на котором лицом вниз лежала и громко плакала его жена Елена Васильевна, и с туповатой растерянностью, свойственной мужчинам, которые не выносят женского плача, повторял:

— Леля!.. Елена!.. Выпей водички!.. Это же страшная чушь! Даю тебе слово!.. Ну, выпей же воды, я тебя прошу!

Однако Елена Васильевна продолжала плакать, и это было невыносимо. Незаметно для себя Игорь Николаевич, чтобы успокоиться, сам выпил всю воду.

И тут Елена Васильевна приподнялась, села, вытерла платочком слезы и, протянув руку, не глядя на мужа, сказала резко:

— Дай воды!

— Пожалуйста! Вот!

— Боже мой! Сует пустой стакан! Сядь! И, пожалуйста, не улыбайся. Все это гораздо серьезнее, чем ты думаешь!

Игорь Николаевич согнал улыбку с лица и покорно сел рядом с женой.

— Значит, ты утверждаешь,— со зловещим спокойствием сказала после паузы Елена Васильевна,— что ты третьего дня после работы остался у себя в бюро на производственное совещание, которое продолжалось три с половиной часа?

— Я не утверждаю, а это так и было! Спроси Попова, Палкина, позвони Ивану Сергеевичу...

Елена Васильевна взяла лежащую на диване бумажку с официальным штампом и торжествующе прочитала ее вслух. Игорь Николаевич развел руками. Это действительно было необъяснимо. Бумажка с официальным штампом отдела ревизоров энской железной дороги предлагала гражданину Шагалову Игорю Николаевичу немедленно уплатить 30 рублей штрафа за безбилетный проезд в пригородном поезде. Число, месяц, фамилия, имя, отчество, адрес — все совпадало!

— Я... не знаю, что это такое! — наконец сказал Игорь Николаевич.— Какое-то недоразумение!.. Или подлог! Я не ездил за город! И вообще... Зачем мне ездить за город? К кому?!

Елена Васильевна саркастически прищурила потемневшие от гнева глаза:

— К кому? Я тебе скажу, к кому! Ты ездил в Надельную к Валечке — к этой своей... волейболистке!.. Думаешь, я не замечала, как ты все лето глядел на нее маслеными глазами?

— Фу, какая пошлость! Честное слово, птичка, с тобой невозможно разговаривать!

Игорь Николаевич вскочил и стал нервно ходить по комнате. Елена Васильевна сидела, поджав под себя ноги, шмыгала острым покрасневшим носиком и действительно была похожа сейчас на какую-то маленькую взъерошенную, но довольно свирепую птичку. Взмахнет крылышками, сядет на темечко да ка-а-ак клюнет!

И птичка «клюнула».

— Неделю тому назад,— сказала Елена Васильевна с тем же ледяным, как ей казалось, спокойствием,— нам принесли точно такую же бумажку. Значит, ты и тогда ездил к своей волейболистке? И опять «зайцем»! Если вам не совестно обманывать жену, Игорь Николаевич, постеснялись бы хоть железную дорогу обманывать, государство!..

У Игоря Николаевича дыхание перехватило от подступившей к горлу ярости. Он подумал, что сейчас закричит, затопает ногами, и начнется противный, некрасивый скандал. Надо сосчитать мысленно до двадцати, взять себя в руки! Он начал считать: «Раз, два, три, четыре, пять...» Елена Васильевна продолжала говорить, и то, что она говорила, было таким обидным и несправедливым, что конструктор, громко выкрикнув «Двенадцать!», выбежал в прихожую, накинул пальто, нахлобучил шапку и опомнился лишь на улице.

Когда, немного остынув, он вернулся домой и открыл своим ключом дверь в квартиру, Елены Васильевны уже не было. На столике в прихожей лежала записка. Игорь Николаевич взял ее и прочитал нервные крупные строки:

«Уехала к маме. Не пытайся звонить, объясняться. Свое решение сообщу. Елена».

Утром Игорь Николаевич позвонил в свое конструкторское бюро, сказал, что плохо себя чувствует и поэтому немножко опоздает на работу, взял такси и поехал в Управление энской дороги.

В отделе ревизоров его принял пожилой сотрудник. Он был такой аккуратный, такой чистый со своей до блеска промытой лысинкой, в отутюженном кителе, с любезной улыбкой на свежепобритой, благодушной физиономии, что Игорь Николаевич подумал невольно: «Хоть на витрину его ставь, в магазин форменного платья».

Он выслушал конструктора очень внимательно и похохатывал с явным сочувствием. Да, к сожалению, такие прискорбные факты не редкость. По-видимому, неизвестный — хе-хе! — «заяц» назвал фамилию и адрес уважаемого товарища Шагалова. Видите ли, по существующей междуведомственной инструкции, железнодорожные контролеры не обязаны проверять документы. «Заяц», простите, безбилетный гражданин, отказавшийся уплатить штраф в вагоне, называет фамилию, имя, отчество и адрес. Контролер на ближайшей станции звонит в адресный стол и проверяет в присутствии «зайца» эти данные. Затем посылается извещение. Он советует уважаемому товарищу Шагалову уплатить 30 рублей, деньги небольшие, а то ведь юристы у железной дороги — хе-хе! — народ цепкий, они все равно взыщут штрафик, «затаскают по инстанциям».

— Позвольте!—возмутился конструктор.— Дело же не в деньгах! Из-за вашей инструкции от меня жена ушла!

— Сочувствую, но интересы железной дороги от этого, извините, не пострадали!

— Вы не по-советски рассуждаете! Не человек для дороги, а дорога для человека!

— Это уж, извините, литература, философия (в голосе аккуратного ревизора появились издевательские нотки). Есть такой журнал «Вопросы философии», вы с этим — туда, а не к нам!..

Плохо работалось в этот день Игорю Николаевичу. Несколько раз он звонил теще, и каждый раз старуха тихо говорила в сторону: «Что сказать? «Он» звонит!» И после паузы сообщала, что «Леночка только что ушла и опять ничего не сказала».

Уже в конце рабочего дня в голову конструктора пришла счастливая мысль, которая его сразу успокоила: «Надо после работы поехать в Надельную к Вале, взять симпатичную волейболистку «за бока», вместе явиться к теще и доказать Елене Васильевне всю вздорность ее подозрений».

...Народу в пригородной электричке было немного. Игорь Николаевич сидел у окна, смотрел на проносящиеся мимо просторные поля и высокие строгие сосны и уже с удовольствием думал о предстоящем примирении с женой.

В вагоне появился контролер — усатый хмурый железнодорожник. Он стал проверять билеты у пассажиров, и вдруг Игорь Николаевич увидел сидящего впереди, через две скамейки от него, дачевладельца Линяева Павла Архиповича, у которого он прошлым летом снимал в Надельной комнатку на даче.

Павел Архипович, важный бритый старик с сизым лицом, сидел, поджав губы, хмурил клочковатые брови, читал «Вечернюю Москву». Игорь Николаевич хотел окликнуть его, но тут к Линяеву обратился контролер:

— Ваш билет!

Павел Архипович, не теряя достоинства, пошарил по карманам тужурки из рыжего бобрика, потом солидно произнес:

— Билета нет. Куда-то запропастился!

— Эх, гражданин Шагалов, гражданин Шагалов,— с упреком, громко, на весь вагон сказал контролер,— опять вы попались!.. Сейчас будете платить штраф или извещение прислать?

— Извещение присылайте!

— Адрес тот же?

— Тот же!..

Игорь Николаевич своим ушам не верил.

Когда контролер, проверив билеты, удалился, он поднялся, подошел к Линяеву и сказал:

— Привет, товарищ Шагалов!

Линяев опустил газету, увидел Игоря Николаевича и смутился. Но тут же взял себя в руки.

— Все шутки шутите, Игорь Николаевич! Уж не ко мне ли, случаем, направляетесь? Могу комнатку сдать, если договоримся.

— Идемте!

Линяев вздохнул и покорно

встал. Поезд замедлял ход, приближаясь к станции.

Они вышли на пустой перрон и сели рядом на скамейку, словно старые друзья, которые давно не виделись и вдруг встретились после долгой разлуки.

— Ну?! — грозно сказал конструктор.— Объясните, почему вы называете мою фамилию, когда вас штрафуют?

— Так ведь... человек вы мне знакомый... при хорошей зарплате. Я же, Игорь Николаевич, не себе штрафы беру! Все в многоуважаемую казну идет, в Министерство финансов.

— Билет надо покупать! Стыдно в ваши годы «зайцем» разъезжать!

— Нам экономить тоже надо!

— Бросьте, вы человек состоятельный! У вас дача, клубника, цветы.

— Вам хорошо, Игорь Николаевич, у вас зарплата, чик-чик, чик-чик, как счетчик в такси, круглый год бежит, а у нас зимой притоку нет того! Тут урвешь, там ужмешь, так и ведешь существование!

«Вот червь навозный!» — с веселым бешенством подумал конструктор. А Линяев спокойно глядел на него, и его белесые, выцветшие глазки светились такой звериной хитростью, что Игорю Николаевичу стало не по себе.

— Вот что,— сказал он,— вы сейчас поедете со мной в Москву и скажете Елене Васильевне, что вы выдавали себя за меня. Вы обязаны это сделать!

Линяев поднялся и, покорно шаркая громадными валенками, поплелся к кассе.

Электричка подошла лишь через двадцать минут. Они вошли в вагон и опять, словно хорошие друзья, сели рядом на скамейку. Линяев молчал, обиженно сопел, отвернувшись к окну.

Вдруг в вагоне появился тот же усатый хмурый контролер. Видимо, он возвращался в Москву обратным поездом.

— Ваши билеты!

Линяев молча подал контролеру один билет. На сизой его морде появилось выражение мстительного торжества.

— Понятно! — громко сказал Игорь Николаевич и сам обратился к контролеру:

— Я без билета еду. И денег у меня нет при себе. Так что... штрафуйте!..

— Придется сойти на станции, гражданин, для проверки местожительства.

— Зачем? Моя фамилия — Линяев Павел Архипович, станция Надельная, Луговая, 25, собственный дом. Да вот гражданин Шагалов, как ваш постоянный клиент, может подтвердить, что я говорю правду. Подтвердите же, товарищ Шагалов!..

Линяев стал из сизого фиолетовым и, злобно скосив глаза на своего соседа, не сказал — прорычал:

— Подтверждаю!..

* * *

Я не выдумал сюжет этого рассказа, в основных чертах он взят из письма ко мне читателя С. Инструкция, о которой идет речь, действительно существует. И, наверное, не один инженер Шагалов, лицо, конечно, вымышленное, пострадал от «междуведомственного» равнодушия к человеку. Это и заставило меня взяться за перо.

ЗВЕРИ СНИМАЮТСЯ В КИНО

У Рыски покладистый характер.

Волк Серко безумно боялся красных флажков: ни мясо, ни знакомый голос дрессировщика не могли заставить его приблизиться к этим страшным и таинственным флажкам. Много раз повторял дрессировщик одно и то же: пугал, ласкал, подкармливал. Наконец Серко спокойно перешагнул флажки. Волчице флажков не показывали. Поэтому, увидев их, она прижала уши и не сдвинулась с места. Но это и требовалось по ходу действия...

Те, кто смотрел научно-популярный фильм «Серый разбойник», помнят, как Трехпалый вновь и вновь возвращается к волчице, приглашая ее идти дальше и не бояться красных флажков. Жалобно и тревожно смотрит на него волчица: не надо, не уходи! Роль Трехпалого «играл» волк Серко.

...Ночь. Недобро шумит лес. Вышел на охоту филин. Он набрасывается на кролика, убивает и пожирает его... Это короткий эпизод из художественного фильма «Дети партизана», он длится три минуты. Однако филин, прежде чем его сняли на пленку, «репетировал» свою роль в течение целого месяца. «Репетиции» начали с того, что в клетку к филину впустили маленького серого мышонка. Филин в неволе отяжелел, привык к сытой, спокойной жизни и мышонка очень испугался. Еще больший страх вызвал кролик. Тогда филина перестали кормить. К концу месяца таких «репетиций» он вспомнил старое «ремесло» и охотился даже днем и в присутствии людей.

Есть такие моменты в жизни животных, которые очень трудно подсмотреть на воле. Поэтому многие звери, которых мы встречаем в художественных и научно-популярных фильмах, обитают не в лесу и полях, а на зообазе студии научно-популярных фильмов в деревне Леоново, неподалеку от Москвы. В клетках, а иногда и на свободе живут четвероногие актеры, получают хороший рацион и добросовестно «готовят» очередные роли. Занимаются с ними работники зообазы под руководством дрессировщика Анатолия Марковича Жадана. Он много лет был охотником, работал в зооцентрах, хорошо знает повадки диких зверей. Вот и его питомцы: косуля Чайка, снимавшаяся в разных фильмах, медведица Зина, «актриса» с большим стажем, которую в ожидании новой роли вынуждены держать в клетке с толстыми брусьями, лайка, лисица, лоси. У Машки, волчицы, что снималась вместе с Серко, появились новые обязанности: у нее пятеро симпатичных волчат. Они носятся по вольеру, таскают друг друга за уши и совсем не грозно скалят зубы на непрошеных гостей.

У дикобразов тоже недавно народилось потомство, и по этому поводу на зообазу прибыла московская киногруппа. Операторы решили «на всякий случай» запечатлеть родителей и малышей. Но, забравшись в приготовленную для них нору, дикобразы ни за что не желали показываться на солнечный свет. А солнце стояло высоко, в небе ни облачка — самый подходящий момент для съемки. Жадану пришлось лезть в нору и выдворять зверей оттуда.

Мы также решили сфотографировать счастливое семейство. Но родители растопырили иголки и загородили своих малышей. Их отправили в соседнюю клетку. И там они продолжали бунтовать: злобно стучали ногами, гремели хвостами, как трещотками — пугали. Детеныши сначала подражали родителям, потом они успокоились, прижались друг к другу и забились в угол, поблескивая оттуда бусинками-глазами.

В большой, просторной клетке живет молодая рысь Рыска. Рыску поймали на Дальнем Востоке совсем маленьким, и он неожиданно привык к людям. У Рыски мягкий, покладистый характер, он легко поддается дрессировке. Рыска успел сняться в научно-популярном фильме «Отряд хищных млекопитающих». Там он забирался на дерево, следил за собакой, задирал куропатку, а после умывался. На дерево Рыска забрался сразу, на собаку глядел с любопытством, потом поиграл с куропаткой, а вот умываться долго не соглашался — пришлось ему намазать лапки рыбьим жиром.

Т. ТРОИЦКАЯ
Фото И. Туннеля.

Интересно, что это щелкает?

Разве можно подумать, что это волки? Приручить их стоило немалого труда дрессировщику Жадану.

А сначала дикобразы фотографироваться не желали.

Кто как здоровается

Приветствие у народности маори.

«Как в различных странах люди здороваются друг с другом? — спрашивает читатель П. Богданов из города Купянска, Харьковской области.— Например, в Европе при встрече и расставании жмут руки и снимают головные уборы. А как в других уголках мира?»

Рукопожатие появилось еще в глубокой древности как символ договора о мире и дружбе. У некоторых древних народов Индии рукопожатие было частью церемонии при бракосочетании. У древних римлян оно также носило обрядный характер, затем перешло к христианам, а позже стало уже простой формой приветствия.

Любопытный обычай у тибетцев отметил Н. М. Пржевальский. При встрече и прощании младшего со старшим первый снимает шапку и наклоняет немного голову, высовывая при этом язык. В наше время ламы, здороваясь, показывают руки, обращенные ладонями к гостю, и высовывают кончик языка, выказывая тем самым высокую почтительность. Недаром в памятке бойцам Народно-освободительной Армии Китая во время пребывания ее в Тибете было записано: «Никогда не смейся, если тибетец показывает тебе язык и протягивает руки».

Среди некоторых племен юго-восточной Индии существует особенное приветствие, когда при встрече прижимают рот и нос к щеке гостя и производят сильный вдох. Они говорят не «поцелуй меня», а «обнюхай меня». У коренного населения Новой Зеландии — маори — до сих пор сохранился такой обычай: друзья соприкасаются носами. Ту же картину можно наблюдать у полинезийцев, малайцев и других народов. У айнов мужчина, встретив товарища, сначала трет ладони, поднимает их ко лбу, затем гладит бороду. В Западной Африке здороваются ударами ладоней по груди, а в Центральной Африке — вежливым поклоном и хлопаньем в ладоши, произнося соответствующие приятные слова. Японцы соблюдают национальный обычай: кланяются несколько раз и спрашивают друг друга о здоровье и благополучии. Приветствия всех народов достойны уважения, ибо они выражают добрые чувства людей.

П. ЧУМАК

УПРЯМСТВО

Китайская миниатюра

Упрямые сын и отец никому ни в чем не уступали. Однажды, когда у них был гость, отец послал сына за мясом в город. Купив мясо, сын отправился домой. На дороге он встретился с человеком. Ни один из них не захотел сойти с дороги. Так они и стояли лицом к лицу. Отец долго ждал сына, а тот не возвращался. Отец решил встретить его. Увидев сцену на дороге, отец велел сыну: «Ты иди домой с мясом, а я за тебя здесь постою».

Перевел с китайского ХАО НАЙ-ЮЙ.

Харбин.

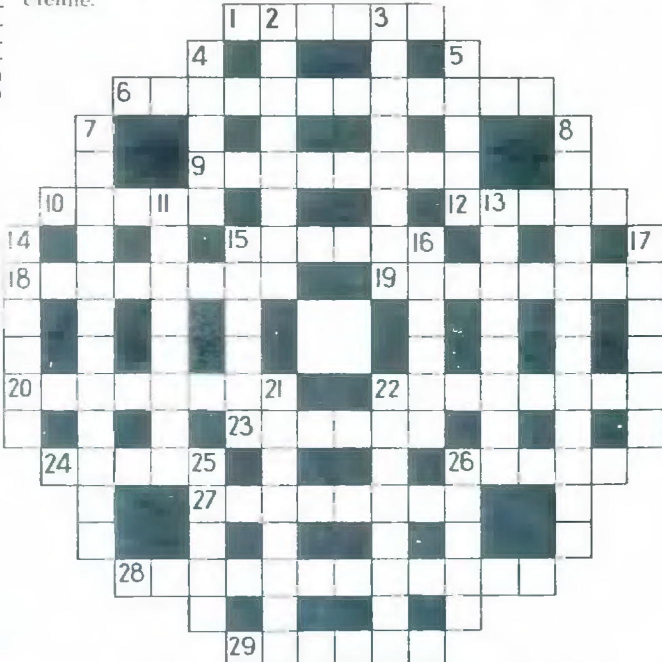
КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Ростки хлебных злаков. 6. Наука о равновесии жидкостей и газов. 9. Знакомство с новым фильмом, постановкой. 10. Большая проезжая дорога. 12. Повесть А. И. Куприна. 15. Ткань. 18. Специалист одной из отраслей сельского хозяйства. 19. Ударный музыкальный инструмент. 20. Действующее лицо в одноактной шутке А. П. Чехова. 22. Внутреннее содержание, смысл. 23. Приспособление для визирования в геодезических приборах. 24. Симфоническая сюита Н. А. Римского-Корсакова. 26. Комический персонаж французского ярмарочного театра. 27. Одно из пяти чувств. 28. Комментатор, толкователь. 29. Девушка-лебедь из балета «Лебединое озеро».

По вертикали:

2. Спортсмен, специализирующийся в ходьбе, беге. 3. Горная мука. 4. Последователь, приверженец какого-нибудь учения. 5. Основатель и редактор французской «Энциклопедии». 7. Перевод денег с одного счета на другой. 8. Научное учреждение. 11. Цирковой номер. 13. Человек, имеющий склонность к искусству, технике, спорту. 14. Промысловая рыба. 15. Сложное грамматическое предложение. 16. Город в Индии. 17. Созвучие. 21. Род деревянистых лиан. 22. Типовой образец. 25. Народный духовой инструмент. 26. Овощное растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

1. Гиацинт. 7. Байдарка. 8. Вибрация. 9. Треугольник. 11. Глинка. 12. Крона. 13. Индекс. 17. Апостроф. 18. Докучаев. 19. Активист. 21. Фельетон. 25. Айлант. 26. Фазан. 27. Фарада. 30. Тяжелоатлет. 31. Файдешин. 32. Академия. 33. Окалина.

По вертикали:

1. Гарвей. 2. Авангард. 3. Извилина. 4. Тюбинг. 5. Парадизо. 6. Гипотеза. 9. Текстовинит. 10. Консультант. 11. Граната. 14. Саванна. 15. Росси. 16. Хорей. 20. «Талисман». 22. Трапеция. 23. Маслёнка. 24. Нагасаки. 28. Ожешко. 29. «Илиада».

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин польских художников и четыре страницы цветных фотографий.

Древнейшие компас и спидометр

В Государственном музее восточных культур в Москве выставлены модели древнейшего компаса и спидометра. Модели изготовлены пекинскими археологами, согласно историческим описаниям, и подарены музею.

Магнитный компас изобретен в Китае в III веке до нашей эры и впервые упоминается в «Хань Фэй-цзы», труде известного китайского мыслителя того времени Хань Фэя. Компас сделан в виде тележки с фигуркой, указывающей на юг.

В III веке нашей эры появился прибор для измерения пройденного расстояния. Когда тележка измерителя проходила расстояние, равное ли (576 метров), деревянные фигурки, установленные на ней, ударяли в барабан. Для передачи движения от колес тележки к этим фигуркам использовались зубчатые колеса, помещающиеся внутри. В Европе подобный путемер появился лишь двенадцать столетий спустя, его изобрел Леонардо да Винчи.

И. СОКОЛОВ

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06671. Подписано к печати 3.IX 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 893. Заказ № 2209.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

По окончании десятилетки Майя Пастухова поступила на курсы и овладела специальностью крановщицы. Ныне она работает на портальном кране в Ульяновском порту.

Фото Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.